

ДУБОВ
КНИГА

СЕРГЕЙ ДУБОВ
КНИГА

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д 79

Сергей Александрович Дубов
КНИГА

Дубов С.А.
Д 79 Книга.: – М.: Издательство «Перо», 2015. – 404 с.

ISBN 978-5-00086-813-3

«Книга» Сергея Дубова – это издание, вмещающее творчество писателя и художника: под одной обложкой собраны графические листы и художественные произведения. Смешные и грустные ситуации и образы, в разное время увиденные и услышанные, преобразованы автором в удивительные творения, подчеркивающие абсурд повседневной жизни и вызывающие подчас гомерический хохот.

Но главные темы его творчества – любовь и ненависть, верность и предательство, добро и зло, поиски себя и своего места в этом мире – изложены гибким, точным, разнообразным и кратким языком.

Прельщает в нем тонкое понимание смешного, блеск неожиданных поворотов мысли, грациозное жонглирование словами, а потому «Книга» - настоящее произведение искусства.

ISBN 978-5-00086-813-3

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Дубов С.А., 2015.

ПРЕДИСЛОВИЯ

... Ну вот ты умер...

Ну, оставил кучу букв за собой...

Вследствие чего, стал знаменитым. Допустим.

Но так портят твою загробную литературную жизнь

ПРЕДИСЛОВИЯ.

Вот, ты всё, что хотел, уже сказал,
выстрадал, написал, родил.

НО!

Появляется над твоим надгробным памятником либо литературовед, либо замшелый родственник, и вся твоя литература идёт прахом. Бездарным родственникам и в бытность знакомым литературоведам тоже хочется стать, если не памятником, то хотя бы его чугунной частью.

...

ЧУДОВИЩНЫЕ ИСТОРИИ

Портрет

I

Владимир Николаевич, яростный любитель искусства, решил заказать известному художнику Кубову портрет жены.

Владимир Николаевич посещал все городские выставки и литературные вечера, а также театры, филармонию и концерты самодеятельности.

Жена, Валентина Викторовна, терпеть не могла пристрастий мужа и, иной раз, наливая ему супа, говорила: «На годы посмотри свои! Сколько же это продолжаться может?! Не мальчишка, по фисгармониям околачиваться!». Владимир Николаевич с иронией смотрел на супругу и кушал суп, регулярно обтирая рот салфеткой, что крайне раздражало Валентину Викторовну. Она родилась и долгое время прожила в деревне, пока жестокая жизнь не выплеснула в город. Владимир же Николаевич был родом из «хорошей семьи», поэтому страсть к искусству приобрёл вместе с фамилией Гурштейн.

Владимир Николаевич решил преподнести супруге оригинальный подарок, приобшив, на его взгляд, Валентину Викторовну к искусству. Посему был приглашён художник Кубов с этюдником и вдохновенным, вечно похмельным выражением в фас. Валентина Викторовна такого «подарка» не ожидала и, затмив половину прихожей, мрачно оглядывала супруга и Кубова, который не знал, куда прислонить холст.

– Это что за новости?! – Валентина Викторовна готовилась к сражению. – Мало тебе по циркам шляться, так теперь и в дом фисгармонию свою притащил?!

– Дорогая, это не фисгармония, это известный художник-живописец Анатолий Сергеевич Кубов, – мягчайшим голосом представил Владимир Николаевич Кубова.

Кубов слегка покачнулся и сипловатым после «вчерашнего» голосом добавил:

– Можно просто Толик...

– Так вот, мой свет, – пролился елеем Владимир Николаевич. – Анатолий будет рисовать твой портрет!

Валентина Викторовна обмерла и положила ладонь поверх бюста.

– Мой портрет? – уже иным тоном прошелестел бюст Валентины Викторовны.

– Надень своё лучшее платье, а Анатолий всё тебе объяснит, – медово улыбнулся Владимир Николаевич и, взяв обескураженную супругу под локоток, мягко направил её в спальню.

– Можно просто Толик, – промычал известный художник Кубов и потащил свои орудия в гостиную. Из спальни доносилось воркование Владимира Николаевича и ахи-охи Валентины Викторовны.

Кубов тяжело огляделся и выстрелил ножки этюдника. «Вот ведь попал... Этакую корову надо пастозно, мастихином фигачить, но ведь не поймут, суки», – думал живописец, устанавливая холст. Затем, воровато оглянувшись на дверь, вытащил плоскую чекушку и, смачно приложившись, занюхал пиненом. Творчество потекло приятным потоком по кровеносной системе, и Кубов начал раскладывать краски на палитре.

Вскоре дверь спальни распахнулась, и ведомая под локоток супругом в гостиную вплыла Валентина Викторовна. Кубов обернулся, поперхнулся и отшатнулся невольно. На Валентине Викторовне колыхалось и полыхало всеми оттенками зелёного искристое платье с огромным декольте. На необъятной груди и в ушах угасающим солнцем светился янтарь. Кубов поднял глаза и с ужасом увидел алые губы, накрашенные за своими пределами, голубые «тени», чёрную тушь ресниц, сиреневую высокую копну взбитых с лаком волос. «П***ец», – сверкнуло в мозгу Кубова.

– Свет мой, садись в это кресло, – юлил Владимир Николаевич. И супруга его опустилась в разухабистое кресло в атласной обивке с огромными фантастическими цветами. «П***еееец!!!», – снова обожгло Кубова. Он готов был, как капитан тонущего судна, взять под козырёк и провалиться сквозь ворс ковра вместе со своим этюдником на первый этаж, а затем бежать!!! Но лежащий в заднем кармане джинсов приличный аванс грел мягкое место и побуждал Кубова совершить подвиг.

II

– Хотите, я Вам классическую музыку поставлю! Бетховена или Баха! Ведь так же легче будет творить! – Владимир Николаевич уж

было ринулся к проигрывателю и полкам с пластинками, но встретил сатанинский взгляд Кубова, крошившего уголь об холст, и вмиг очутился в таком же чудовищном кресле, в каком восседала в застывшей позе с выпученными, невидящими глазами его супруга. Владимир Николаевич раскрыл томик Есенина, элегантно подпёр высокий сидящий лоб тонкими пальцами и с меланхоличной улыбкой погрузился в чтение.

«Я – проститутка, тварь дрожащая! Что я делаю?!», – думал Кубов, скрипя по холсту.

– Ракурс хороший, – соврал он вслух. – Я в туалет на минуточку, а вы сидите, как сидите... Пожалуйста...

Художник положил уголь и быстрым шагом удалился в совмещённый санузел. Пустил воду, смотрел в грязноватое зеркало на своё слегка отёкшее лицо. Достал чекушку, глубоко глотнул, запил водой из-под крана. «Носяру смягчить, как и три подбородка, зелень эту поганую приглушить, клумбу эту ***скую, где она сидит, пригасить», – тлел Кубов под собственным взглядом. Аванс вытолкнул его за дверь.

Заказчики сидели в прежних застывших позах. Валентина Викторовна не мигала. «Во жаба, не моргает...», – думал Кубов, творя подмалёвок. Внезапно ощутил под самым ухом несвежее дыхание Владимира Николаевича и услышал сладкий шёпот:

– Позвольте вопрос, маэстро...

«Эва, ***ля, «маэстро»!», – хохотнул внутренне Кубов.

– Вам не кажется, что как-то всё абстрактно, аляповато получается?

Кубову очень хотелось расплющить елейную физиономию Владимира Николаевича об палитру и высказаться в том духе, что не пошёл бы он в пень со своей Василисой Прекрасной болотной, стрелы ей только не хватает... в глазу, но сдержался и, насколько смог спокойно, ответил:

– Это пока только подмалёвок, набросок то есть.

– А! Понимаю, понимаю... – Владимир Николаевич на цыпочках удалился к креслу.

«Ни хрена ты не понимаешь, энтузиаст-ушлёпок долбанный», – остервенело смешивал краски Кубов. – «Не, так нельзя... Буду писать Быстрицкую, авось проканает». И начал смягчать, выводить линии, делать акценты, стараясь по возможности реже смотреть на натуру.

– Долго мне так ещё сидеть? – недовольно прогудела натура. – Мне курицу поставить надо.

– Я уже заканчиваю, постарайтесь не двигаться и не моргать, – отомстил Кубов.

– Володя, – одним бюстом гудела Валентина Викторовна, – пойдёшь поставь! Начитаешься ещё муклатуры своей!

Владимир Николаевич миг исчез, и из кухни донёлся шум воды.

«Вот жопа! С неё портрет пишут, может, в первый и последний раз, а она про курицу думает. Хотя, о чём ей ещё там думать!», – художник выписывал брови, но понимал, что без теней не обойдётся. «***ля, Быстрицкую с голубыми тенями ещё никто не видел! Энди я, ***ля, Уорхол херов!».

– Вова! – гудел бюст. – Луковицу положи и пену снимать не забудь. Огонь убавь, как закипит!

– Да я уже почти закончил, – Кубов отошёл на шаг и внимательно вглядывался в портрет.

Переведя глаза на Валентину Викторовну, подумал: «П***еееец...».

III

Чета Гурштейнов стояла перед холстом. На устах Владимира Николаевича блуждала вечная улыбка, но глаза его были пусты, так же, как и глаза его супруги.

– Позвольте, маэстро, – мягко заговорил Владимир Николаевич, – но это произведение не вполне соответствует облику моей Валечки! Позвольте сделать несколько замечаний... вот здесь, как мне кажется, несколько...

«Убью. Зарежу мастихином!», – яростно хлопотнуло в Кубове. Но Валентина Викторовна вдруг властно отстранила супруга от этюдника и взглянула на Кубова.

– Володя, отблагодари гражданина художника! – Пухлая ладонь в золотых кольцах опустилась на янтарь, – мне очень понравилось. Спасибо Вам, Анатолий!

Хрустя второй половиной аванса, взмокший Кубов просипел непослушным горлом:

– Можно просто Толик...

Фагот

Аркадий Ильич, вернувшись с репетиции, наскоро перекусив, сказал супруге:

– Милая, мне за пару дней необходимо сложную партию к следующей репетиции подготовить. Ты не против, если я в лоджии позанимаюсь?

– Нет, конечно, мой гений! Даже если тебя снова соседи побьют, мой рыцарь! – ответила Анастасия Павловна и потрепала по лысеющей макушке.

Аркадий Ильич раскрыл кофр, убрал его на шкаф и с фаготом в руках вышел в лоджию.

Разложив на полу нотные листы, Аркадий Ильич присел на табурет и взял в губы прохладный мундштук фагота.

Над районом понеслась грустная и обречённая песнь инструмента.

– Опять за дудку свою взялся?! – донеслось сверху.

– Владимир, – оторвавшись от фагота, осторожно сказал Аркадий Ильич, – я репетирую! Имейте совесть мне не мешать! Я же Вам не стучу в стену, когда Ваша бездар... младшая дочка ломает мне психику своими кривы... детскими гаммами!

– Она пианиной нам радость в семье доставляет, а ты своей унылой дудой тоску наводишь! – с нависшей лоджии капали слюни.

– Если Вы не разбираетесь в современной классике, позвольте себе не оскорблять творчество великой Губайдуллиной! – рассерженным дискантом прокричал Аркадий Ильич. – Вы мне дыхание сбили, а мне за два дня партию разучить необходимо!

– Я те партию щас составлю, – проорало сверху. – Я те твою дудку щас вставлю!

– Фагот! Фагот! Это благородный инструмент, Владимир!

Наверху сплюнули, попали на стекло лоджии и протопали в глубь квартиры. Послышался отдалённый топот и отголоски грубой брани соседей.

Аркадий Ильич представил, как бы он засунул Владимиру инструмент в златозубую пасть, протолкнул бы, с выходом наружу, и подудел бы.

В дверь нещадно звонили. Аркадий Ильич со вздохом поднялся и осмотрел партитуру. Звонки утихли. Уныло оглядел серые девятиэтажки в окне, поднял фагот и вышел в квартиру.

У прихожей его встретила Анастасия Павловна с удивлённой улыбкой.
– Мой гений, не входи в прихожую. Я Надежду Сергеевну утюгом, кажется, убила...

Аркадий Ильич, с фаготом в руках, словно с винтовкой, отстранил супругу и вышел в прихожую.

Так и есть... На полу, распластав руки и свернув одежную полку со стены, лежала соседка с пробитой утюгом головой.

– Ну чё, утихомирились? – с интересом проорали со стороны лоджии.

Аркадий Ильич протопал с фаготом над трупом Надежды Сергеевны, поднялся на этаж выше и, без звонка, распахнул соседскую дверь. Бесшумно ступая мягкими шлёпанцами по пёстрым коврам, Аркадий Ильич двигался по квартире.

Сосед Владимир курил в лоджии, свесившись вниз и прислушиваясь.

– Таська! Чё у вас там так тихо? – вдруг заорал Владимир.

Аркадий Ильич, не помня себя, бросился с фаготом наперевес в раскрытый проём лоджии и всем раструбом вонзился в обширный зад соседа. Владимир нелепо взмахнул руками, попытался понять, что происходит, но баланс передней части тела и напиравший сзади фагот нарушили равновесие.

Владимир, раскинув руки, падал вниз на выщербленный асфальт, не веря в случившееся и всё ещё держа между грубых пальцев тлеющую сигарету.

Аркадий Ильич присел на ящик, в котором соседи хранили банки с огурцами, капустой, вареньем и компотами, посмотрел в серое небо и поднёс к губам мундштук фагота...

Вальс

Тонкий изящный пенсионер Константин Васильевич получил приглашение, похожее на повестку, посетить бал пенсионеров. Вдовый Константин Васильевич воспрял духом, надел единственный костюм и даже повязал на шею атласный бант.

В Доме Культуры имени Народной Культуры собралось множество лиц преклонного возраста. Константин Васильевич несколько растерялся. Бал же! А тут одни старики... Обсуждают повышение цен, правительство... «Да в любой сберкассе или на почте такой “бал”», – подумал Константин Васильевич и даже собрался покинуть Дом Культуры, но в этот миг угрюмый и злой подросток-звукорежиссёр с остервенением включил Штрауса.

Константин Васильевич мгновенно вновь воспрял духом и стал искать глазами ту, с которой можно пуститься в вихрь музыки. Но взгляд останавливали серые пиджаки с орденскими планками и пустое место среди зала, брюзгливые физиономии старух и стариков. Константин же Васильевич ни на секунду не ощущал себя стариком. Грубо говоря, он явно с атласным бантом не вписывался в контингент собравшихся. Но в зале полыхал Штраус, и Константин Васильевич решил не портить себе бал. Охваченный музыкой он вплыл в пустое пространство и начал вальсировать в одиночку, чем привлёк всеобщее внимание. Подросток-диджей, возможно, чей-то внук или правнук подумал: «Ну, дед зажигает!», и врубил Короля Вальсов на полную катушку.

Охваченный вихрем штраусовой музыки Константин Васильевич ощущал полёт. Старческое тело вдруг обрело юношескую лёгкость до такой степени, что у некоторых ветеранов брызгами разлетались орденские планки и появлялись синяки. Диджей с восторгом следил за Константином Васильевичем, а пенсионеры прижались к стенам. И прозвучало: «Вызовите же, наконец, полицию! Тут бал, а не пивная!». Но Константина Васильевича было уже не остановить. Кровь в венах лилась с молодой энергией. Константин Васильевич восхищался собственной пластикой, уже не замечая насупленных серых лиц и отряда полиции с круглыми глазами, не знавшими, что делать со стариком, который крутится мельницей с энтузиазмом опытного каратиста.

Вызвали подкрепление... Подлый подросток-ди-джей поставил Штрауса на «репит» и с восторгом ждал, чем всё закончится.

Теперь уже два наряда полицейских с ужасом следили за полётами Константина Васильевича и аккуратно выводили ошалевших пенсионеров. Полиция по рациям связывалась с психиатрами, не имея возможности приблизиться к восхищённому подростку, чтобы дать ему по лбу и вырубить Штрауса, так как Константин Васильевич летал по просторному залу, перекрывая зоны возможных нападений.

Прибыла «Скорая» на сером УАЗике. Вошла команда крепких санитаров. Состоялось быстрое совещание с двумя группами полиции. Подростку-внуку-правнуку-ди-джею делались предупреждающие знаки, но тот притворялся, что ничего не видит, и снимал вальсирование Константина Васильевича на мобильный телефон.

.....

Константин Васильевич вальсировал так страстно, что с ним не могли справиться два наряда полиции и санитары.

В конце концов, самый опытный полицейский подсёк Константина Васильевича на взлёте, и самый опытный санитар всем своим белохалатным весом прижал его к ущербному паркету. Штраус захлебнулся звонкой оплеухой.

В отделении полиции, в «обезьяннике», перемотанный смирительной рубахой Константин Васильевич, всё ещё слыша и дыша музыкой Штрауса, вновь начал вальсировать, чем загнал по углам бывалых рецидивистов и не давал долгое время отпереть дверь, после заполнения протокола...

В психиатрическом диспансере Константин Васильевич, привязанный ремнями к кровати, скончался, слыша в голове Короля Вальсов и с угасающим сознанием вспоминая свои юношески лёгкие движения.

Педант

Леонид Дмитриевич – чрезвычайный педант.

Упаси господи, выйти на улицу в пыльных туфлях! Всё у Леонида Дмитриевича настроено, выутюжено, выстирано, выправлено, вычищено, пристёгнуто и заправлено в нужные места. На работу – точно по часам. Точно так же – с работы. Пусть аврал, землетрясение, наводнение, пожар и сотрудница рожает – нет, ровно в 18.00 Леонид Дмитриевич покидал рабочее место.

И в данный ему вечер Леонид Дмитриевич педантично стоял на остановке. Пропуская не нужные маршрутки, подсаживал девушек, стариков с детьми и инвалидов, обязательно смущённо опустив глаза, произносил благодарности: «Не стоит». И, утомлённые вечным хамством, инвалид с ребёнком, девушка со стариком, осчастливленные подобной услугой, с благодарностью садились не на свой маршрут.

Из-за поворота вылетела маршрутка абсолютно иностранного производства. Но с огромным оранжевым номером, необходимым Леониду Дмитриевичу для следования домой. Угнездившись в удобном кресле, он мгновенно начал изучать объявления на стенах.

Рамзан гнал новенький Форд и в течение часа, судя по тону, отговаривал брата от братоубийства, попутно принимая мелочь, отсчитывая сдачу, подрезая других маршрутчиков, не переставая разговаривать по телефону, кричал в окно: «Привет, брат! Спешу, не могу!».

Леонид Дмитриевич наткнулся глазами на объявление: «При аварии выбить стекло молотком». Внимательно осмотрев молоток, висящий под объявлением, он упёрся сосредоточенными очками в следующее: «Молоток и аптечка у водителя».

Рамзан, судя по речи, уже наоборот, уговаривал брата на братоубийство, да и, скорее всего, был горазд поучаствовать. Тормозя на остановке, Рамзан догнал бампер впередиидущей маршрутки! Резко закончив беседу, он дождался выхода водителя, раздавая мелочь, выпуская пассажиров, щупая под пыльным креслом отвёртку. В салоне, наконец, остался лишь Леонид Дмитриевич, не дочитавший объявление о распродаже рассады.

– Э, брат! Совсем с ума сходил?! – Рамзан увидел, что с бамперами ничего не случилось. – Маршрут стоит, ты к царапине цепляешься?! Сама денги терять, меня тормозит! Думай голова!!!

Оглушительный дребезг и звон, фонтан брызг летящего стекла накрыли ошалевших водителей. В выбитом окне аккуратно присаживал на место молоток Леонид Дмитриевич.

– «При аварии выбить стекло молотком», – процитировал он и добавил, – а я могу свои деньги обратно получить?

Леонид Дмитриевич был чрезвычайнейший педант!

Инспекция в школе

– На какие средства такой замечательный ремонт сделан?

– На средства родителей погибшего второклассника.

– Простите, что?

– Лидия Николаевна, повар, что-то в котлеты пересыпала, и Алёшеньку разорвало. На весь этаж...

– Гадина – Лидия Николаевна!

– Так Вы её знаете?

– Кого?!

– Гадину Лидию Николаевну. У неё муж, Гадин Валентин Георгиевич, в университете завкафедрой научного ботулизма. Она это?

– Да боже упаси! Та Гадина алгебру и геометрию у нас преподаёт. Такая заслуженная, что дети по шесть часов на её уроках спят!

– А что у Вас так замусорено на первом этаже, да ещё и возле столовой?!

– Это завуч, Вениамин Николаевич, выставку мусора устроил. Чтобы учащиеся лучше следили за порядком на собственном примере беспорядка.

– Почему в кабинете истории бурые пятна на штукатурке?

– Ой, Вы не представляете, Алексей Николаевич, историк, настолько образно изображал восстание Спартака, что при детях пригвоздил себя к доске и умер в страшных муках. Дети были в восторге.

А Александра Павловна! Как она преподаёт литературу! Разбирая роман Кокошкина “Гори оно всё!”, вдруг заговорила на немецком, схватила за волосы Зубова и таскала его по классу, пока Сипекина, преподаватель немецкого языка, и военрук не прибежали.

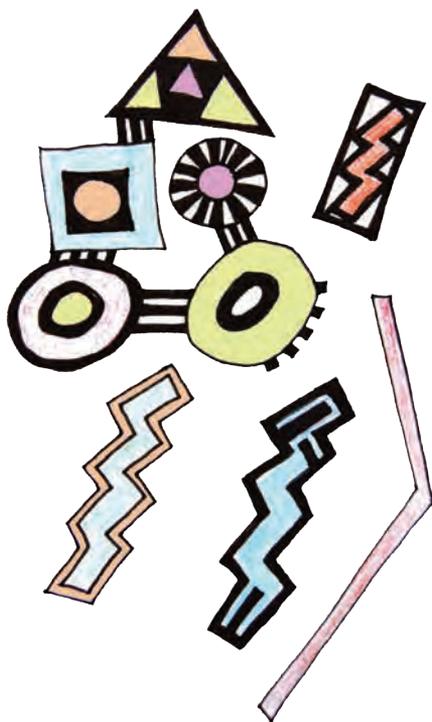
А физрук у нас какой! Физрук восхитительный. Вы бы слышали, как он кричит: «Лыжню!!!». Прямо заслушаешься!

Два трудовика головы сложили во имя Мельпомены на станке имени Фрезера.

Биолог наш, Виктор Венедиктович, настолько достоверно изображает дождевого червя, что потом его увозят в реанимацию... Понимаете, дети, они ж такие... Топчут всем классом...

Преподаватель химии, Лариса Борисовна, бежать пыталась, но прежде она о сверхтекучих жидкостях детишкам рассказала. Сдуру. Третьего дня схоронили.

Так что, все у нас – одни заслуженные, все у нас – прекрасные педагоги!

Молния

В детстве в Валерия ударила молния. Он выжил. Почти чудом. Будучи подростком, катаясь на велосипедах с любимой девушкой, Валерий снова попал под грозу. Красота была несусветная... Открытое поле и одинокое дерево. Впрочем, до дерева они доехать не успели. Именно в Валерия ударила молния. Снова он выжил, только глаза стали косить, и девушка ушла.

В юности Валерий просто однажды погожим летним днём вышел за хлебом. И тут в него с ясного неба ударила молния. Иной бы задумался, чего это меня постоянно молния хлещет. Но не таков был Валерий, и молния настигла его зимой, когда он катался в лесу на лыжах.

В дни крещения молния так шарахнула в купель, что лёд в Волге треснул, и сотни верующих поплыли на льдинах в Астрахань. Но тут тоже всё обошлось, ибо вместе с голыми верующими на льдинах поплыли хорошо экипированные сотрудники МЧС. Валерий, как ни в чём не бывало, побрёл домой. Дома его било током постоянно. Он привык. Великий физик Тесла позавидовал бы Валерию.

Когда Валерий женился, свидетелей увезли в реанимацию, а невеста в обугленном платье и сам Валерий несколько не пострадали. Тесла тут бы не стал уже связываться с Валерием.

На отдыхе в Египте при осмотре пирамид Валерий вызвал священный ужас у бедуинов. Стал предметом поклонения, и его изображение ещё долго чеканилось на сувенирах. Молния долбанула, прожегши панаму и уничтожив снимки в фотоаппарате. Так на сувенирах и изображали: пирамиды, Валерий с фотоаппаратом и привычная молния.

Далее начались проблемы. Валерия внесли в списки людей, которых не допускали к полётам. В суде, когда Валерий пришёл протестовать, жахнуло так, что не стало ни стёкол, ни дверей, ни судьи.

Тогда Валерий договорился о личной встрече с батюшкой Онуфрием. Батюшка выразил мнение, мол, тяжкие грехи водятся за Валерием. Валерий на это отвечал (и это было правдой), что он ведёт праведный образ жизни: жене не изменяет, деток, числом два, любит. Онуфрий выразил мнение, что такой на Валерии крест, и вышел вместе с ним из храма в благоухающий осенний день. Валерий подал руки к благословию, и тут шандарахнуло! Отец Онуфрий с чёрным лицом и опалённой бородой

скрылся в храме, заперся изнутри и выкрикивал такое, что вероятно иконы стали плакать.

Затем Валерий начал замечать, что, где бы он не появлялся, поодаль всегда стоят «скорая», пожарная машина и тонированный «Фольксваген». Однажды к Валерию подошли два человека неяркой внешности и настоятельно попросили следовать вместе с ними. Хряпнуло, когда они уже садились в «Фольксваген». Машина загорелась, но выскочившие из-за угла пожарные вмиг её потушили, а врачи «скорой» забрали товарищей неяркой внешности.

Наконец, Валерию нашли применение с его редким «даром». Его установили на электростанции местного ТСЖ наподобие статуи Христа в Рио. За смену Валерий, подключенный двумя кабелями, на неделю заряжал генераторы. Вот таким образом человек понял своё предназначение!

Виктор

– Бездарность, бездарность и ещё раз бездарность!

– Почему, профессор?! Вы же меня хвалили накануне! Говорили, что я непревзойдённый талант, что Вы мною гордитесь, что таких, как я, ещё поискать...

– Бездарь! Брюки с рукавами! Надеюсь, Виктор не страдал?!

–... Не страдал... сразу на спину откинулся и затих...

– Беру свои слова обратно! «Талант»! Угробить самого Виктора!!! Он чего только не перенёс: штаммы сибирской язвы перенёс, новейшую форму чумы африканской перенёс! А тут попался под руку, кривую, растущую из, извините, задницы молодого юнца!!! Конечно, я был не прав, нахваливая такой материал, как Вы!!!

– Но, я же не знал, что это именно Виктор. Они же у нас все одинаковые... Белые... Противные...

– Одинаковые?! Вы собственные руки от ног отличить не можете! «Одинаковые»! Виктор был гениальным исключением! Гениальней Вас! Это Вы противный!

– Простите, профессор! Я прямо сейчас поеду и куплю Вам нового Виктора...

– Что ты мелешь, мальчишка?! Второго Виктора не будет!!! Это вот я сейчас тебя ухайдохаю и поеду покупать нового головореза Евгения! На птичий рынок, заметьте!

– Вениамин Николаевич! Вы уж всякие границы переходите! Подумаешь, крыса сдохла во время эксперимента! А Ваши оскорбления очень оскорбительно звучат!

– Эта, как Вы отвратительно выразились, крыса, был лучшим экземпляром среди испытуе...мы...ваих! Виктор понимал речь! Вы речи не понимаете, а Виктор понимал!

– Вениамин Николаевич! Я сейчас заявление напишу! Из-за какой-то крысы меня оскорбили... И оскорбляют!

– Прекрати немедленно Виктора называть крысой, Вы, примат!!! Заявления не подпишу! Вместо Виктора примешь вакцину.

– Вениамин Николаевич! Спасибо! Простите! Приму, во имя науки, во имя медицины приму! Павлов же принимал, и я приму. Пускай погибну от того, от чего крысы дохнут, извините, Викторы, но приму! Колите Вениамин Николаевич!

.....

– Работает вакцина... Как самочувствие?

– Отличное, Вениамин Николаевич! Словно несколько лет сбросил... Не то, что Виктор...

– Я тут спирта припас... Давай за Виктора и за то, что ты, головорез, не сдох... Не чокаясь... В добрый путь... Понаблюдаем часик... За Виктора...

Сканворд

Журналист популярного издания Маша получила задание сочинить сканворд. Тут надо сделать замечание, что Машу, на самом деле, звали Галей, что крайне не подходит к профессии. И журналистом она сама себя называла за то, что работала в печатном издании на должности приходящеуходящегочаепьющекурящего сотрудника, чьё имя не печаталось под опубликованными материалами. Маша сочиняла гороскопы и светскую хронику.

Сканворд оскорбил Машу. Тут думать надо, и никакой интриги! И никто в глаз не даст за клевету, не плюнет в декольте, не повесится, обманутый гороскопом: «Сегодня, как говорят звёзды, срочная продажа квартиры и раздача денег местным бомжам принесёт удивительную удачу!»...

Найдя освободившийся компьютер, Маша нахмурила чёлку. «Чего бы такого придумать позаковыристей?». Самые длинные слова – в левые колонки. «Лаборанторизация», – вдруг всплыло под чёлкой. «Набор науч. сотр.» набралось тонкими пальчиками с сиреневыми ноготками. Работа пошла. «Ниж. бельё»? – «Халат». «Часть света»? – «Мадагаскар» и т.п. Ну, и для интриги, для юмора: «Длинноносый чурка»? Ха-ха-ха! Пусть догадаются! «Пенокио»!

Машин сканворд, не глядя, как и всю прочую дребедень, заправили в печать.

.....

Курякину предстоял долгий и нудный путь в электричке. На перроне Курякин купил шаварму, пиво и журнал. Поезд тронулся, перрон остался позади, пиво заляпало пыльный ботинок, шаварма взвыла ретивым духом, журнал раскинулся на тощих коленях, обнажив оголившуюся знаменитость. Смущённо одев наготу парой страниц, Курякин обнаружил гороскоп. «Рак». «В начале недели Вам предстоит увлекательное путешествие в обществе близких людей. Не бойтесь побаловать себя фитнесом и покупками. К концу недели не упустите свою удачу: продайте квартиру и раздайте деньги. Вы увидите, как благосклонно к Вам отнесутся звёзды!».

Путешествие уже началось, покупки сделаны, фитнес остался набором букв, собственной квартиры у Курякина не было, а продажа съёмной была чревата более длинным и менее приятным путешествием, так что, добавив страниц голой знаменитой попе, Курякин вновь вернулся к сканворду.

«Ливан»... «Что, «Ливан»?», – сразу раздражился Курякин. Задумался. «Открыть сразу ответы и не мучиться?». Пришлось слегка задеть печатный звёздный окорочок. Ответов не было. Был квадрат с плохо нарисованным неведомым уродом в шерсти и надписью: «Приз!». Чего и куда «Приз», написано не было. Курякин, снова оголив знаменитое филе, вернулся к вопросам.

«Длинноносый чурка», – опасливо глянув на соседа, прочитал Курякин. Сосед, сосредоточенно нахмутив кустистые чёрные брови, разглядывал картинки в куриякинском журнале.

«Буратина, э!», – перед носом вспорхнула грубая коричневая ладонь. Курякин сосредоточенно считал квадратики сканворда. «Не подходит!», – растерянно чавкнул шавармой Курякин, а сосед снова задумался, вдавив Курякина в спящего у окна мужчину. Тот на секунду очнулся, мутным глазом окинул сканворд, покосился на сосредоточенных соседей, неопределённо прогудел: «Ндааа...», и уткнулся серой кепкой в холодное стекло.

.....

– Галюсь, напомни, какое у тебя образование? – спросил, прикуривая, главред. Маша, небрежно затянувшись, выдохнула: «Филологическое». «Уumm...», – задумчиво помял сигарету главред и замялся. Маша подумала: «Запал», и повернулась удачным ракурсом, завесив глаза чёлкой. Главред подумал: «Как эту дуру уволить без пыли?».

– Слушай, извини, напомни мне, что такое Мадагаскар? – стараясь придать голосу обыденные интонации, спросил главред.

– А! Мульти такой, – оживилась Галемаша, – про животных из зоопарка, которые попали на необитаемый остров, где жили прикольные зверьки с хвостами!

Машегаля тараторила, сияя сквозь чёлку на главреда. Ей всегда казалось, что говорение с как бы детской игривостью в голосе придаёт ей некий шарм.

– А необитаемый остров как назывался? – главред словно трогал ногой воду, прежде чем сделать заплыв. Маша безразлично дёрнула плечиком:

– А, не важно... Не помню... Там пингвины ещё прикольные были, – она кокетливо и быстро вонзила окурочек в пепельницу, не замечая опасливого взгляда редактора, развернулась и деловито направилась по коридору. Главред сопровождал её долгим взглядом. Он был похож на врача, исподволь наблюдающего за пациентом.

– Как эта идиотка вообще сюда попала? – главред аккуратно погасил сигарету рядом с галиным окурочком, – «Прикольные зверьки с хвостами»...

.....

Мучительная, всеми ветрами и запахами провонявшая электричка пёрлась со скоростью и вздохами старой клячи. Курякин теперь с двух сторон был плотно зажат соседями, душные кепки которых периодически царапали курякинские уши.

– «Прикольный зверёк с хвостом»! – резануло ухо слева, – Пят букв! Э! Бэлка, брат! – коричневый палец вмял журнал в курякинское колено.

– Не подходит «Белка», – задумчиво промямлил Курякин, поправляя колено.

– Как нэ подходит бэлка, э?! А что подходит, конь подходит, лиса подходит? – кипятился сосед слева, с ненавистью вперяясь в клеточки сканворда.

– Да не орите в ухо. Пожалуйста, – попробовал деликатно отстраниться Курякин, и тут же ткнулся правым ухом в сопящую кепку другого соседа. Тот осоловело пялился в сканворд и шевелил губами.

– Вторая – «Кэ»... – дохнуло в курякинское ухо недавним чебуреком.

– Бэлка – не прикольно, вторая Кэ – прикольно? Конь – прикольно, кролик – прикольно? – кипятился сосед слева, вминая журнал в курякинскую ногу.

– Кэ – вторая буква, – аккуратно отстраняя палец соседа, указал Курякин.

В зоне Курякина и соседей стояла гробовая тишина. Пассажиры пялились в сканворд, даже неудобно вывернув шеи, и шевелили губами.

.....

– Галь, – издалека начал главред.

– Маша, – с преувеличенным позитивом поправила Галя, тряхнув чёлкой и снова занавесив глаза. Редактора это невероятно раздражало, но, будучи врождённым интеллигентом, он давил в себе желание отвернуть эту тупую головку. За полной ненадобностью этой части тела – отвернуть. Тело само приходило бы в редакцию, занимало место, отвлекало сотрудников.

– Маша, – продолжил главред, – я видел твой сканворд. Случайно не проследил... Я никогда не просматриваю эти странички, упор делаю на серьёзные материалы.

Маша сияла и с вечной своей детской игривостью кивала не нужной головой. Главред удивлённо понаблюдал за её движениями. Снова живо представил, как своими большими и узкими ладонями он обнимает Галемашины уши, и отворачивает, отворачивает эту симпатичную, но бесполезную башку. Шея перекручивается, утоньшаясь, а Маша всё тупо лепечет, и нет конца отворачиванию. «А она и не заметит», – устало подумал редактор.

А она и не замечала.

– «Высокий мужчина»? – главред болезненно посмотрел на Галю.

– Дыдла! – бодро тряхнула чёлкой голова.

– Гмм... Часть света?

– Мадагаскар.

– Маша, я тебя увольняю. Ты безграмотна и, к тому же, врёшь без зазрения совести.

Чёлка перестала трепыхаться, в глазах внештатной, заметьте, сотрудницы мгновенно блеснула ярость.

– Я тут одна пашу как лось, терплю домогательства всяких мудаков, и меня ещё и увольняют! – Маша вскочила, чуть не опрокинув кресло, и, залившись уж слишком чрезмерными и уж слишком крупными слезами, бросилась из кабинета.

Главред сидел, морщась вопросом: «Как эта дура сюда вообще попала?».

.....

– Да пробовал я уже перекрёстные слова! Нет таких слов! – вихрился Курякин.

– Все у тебя нэт! Ответов нэт! Звэр с хвостом ест, ответа на звэря нэт! Э!

– Я тоже ничего не понимаю, – горячо и озадаченно выдохнуло чебуреком.

– Кто этот животный с призом? – кепка жарко резанула курякинское ухо и бесцеремонно, оголяя всё новые знаменитые филе рвалась к «ответам». Вместо ответов объявился неведомый зверь с пушистым хвостом, держащий ритуальную табличку со словом «Приз!».

– Прошу прощения, – дребезжаше прозвучало откуда-то сзади и сбоку, – это, мне кажется, скунс.

Все шеи резко повернулись, и жадные глаза впились в картинку. Курякин шаркнул страницей.

– Э! Забавный зверок с хвостом! – сосед слева вяло откинулся на жёсткую спинку сиденья, – у меня дочь в Амэрике! Там такой забавный зверёк с хвостом людей из домов гонит!

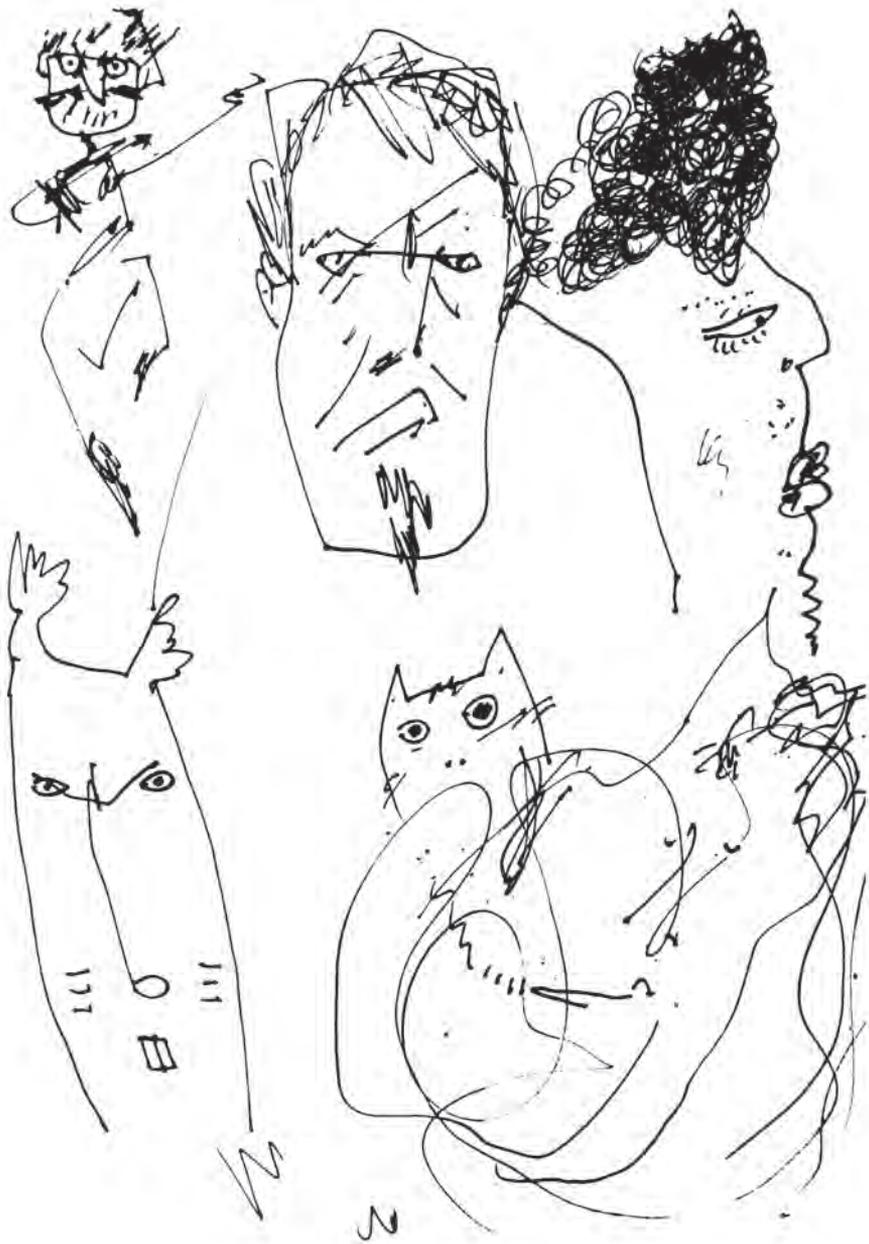
Курякин вписал слово в клеточки. Теперь назойливо, ломая сознание и мировоззрение, в другие клетки просился Мадагаскар, проявился и «Пенокио». Люди открывали для себя невиданное.

Курякин тупо вписывал удивительные слова в клетки с удивительными, как оказалось, вопросами.

Поезд дрогнул и с предсмертным всхлипом остановился. Конечная...

.....

Через неделю в фурацилиново-жёлтой прессе появилась статья о том, как моложавый самодовольный главред обесчестил молодую талантливую журналистку, и, из зависти, пустил «под нож» очень серьёзный и смелый материал...

Маршрутка

- Места много, а Вы мне на ногу наступили. А у меня, между прочим, там мозоль.
- Ой, извините, если бы знал, что мозоль, никогда бы не наступил!
- Так Вы специально наступили?!
- Ну, а как же! Вижу – нога, как тут не наступить! А про мозоль не знал, извините!
- Какие тут извинения?! Вы же специально на ногу мне наступили!
- Если каждого спрашивать, мозоль – не мозоль, языка не напасёшься!
- Нет, ну это совсем нечто из ряда вон выходящее!
AAAAAAAAAAAAAAAAAAAAA!!!!
- Ой, извините! Теперь, зная про Вашу мозоль, не смог сдержаться.
- Да Вы просто какой-то садист! Водитель! Высадите меня немедленно! Отпустите ногу, гражданин!
- Остановки только на остановках!
- Ногу убери, скотина!
- Не могу, мне так удобнее. Пол скользкий, маршрутку шатает, а на Вашем замшевом ботинке очень хороший получается упор.
- АAAAAAAAAAAAAA!!!!!! Водила, блин, высади меня немедленно!!!
- Остановки только на остановках!
- Вымахал в два метра ростом и думаешь, что людям замшевые мозоли давить можно?!
- Да нет. Просто так удобнее...
- Ты, сволочь, об людях подумай! Сойди с меня!!!
- Что это Вы со мной на «ты»?! Мы с Вами на брудершафт не пили!
- АAAAAAAAAAAAAAAAAA!!! Мне дышать нечем! У меня теперь отпечаток на лице останется!!! Отойди от меня, слонина!!!
- Зато Вы зафиксированы и не упадёте. Пол скользкий, маршрутку трясёт... Вы мне благодарны должны быть, а Вы...
- Мать твою!!! Командир! Тормози! Меня маньяк убивает!!!
- Остановки только на остановках!

– Маманька!?

– Змею вырастила на груди, подколенную, – взревела Юлия Сегеевна и залилась плачем. Слезы капали на голову Любова, который уже продумывал, как аккуратней вцепиться в подоконник зубами.

Из последних сил удерживаясь на стене, разочарованный в жизни и людях, Любов получил последний удар. Из обоих окон вылезли две небритые насупленные морды и уставились друг на друга.

Любов, откусив кусок подоконника и распластав руки, грянулся вниз, в крыжовник.

Гараж

– Вот, такой прекрасный гараж! С возможностью отопления, но он и так проветриваемый, так что за автомобиль не придётся волноваться!

– Да. На славу сработан... Кладка такая, словно бункер! Хахахаха!

– Хахахахаха! Ну так, берёте?

– Чего ж не взять, возьму!

– Но у меня условие одно... Я свою машину буду у Вашего гаража ставить...

– Это как это, позвольте? А как я выезжать буду и въезжать? ... Я чего-то не понимаю!

– А Вы мне по телефону заранее позвоните, я прибегу мгновенно и машину отгоню.

– Вы гараж продаёте, а не сдаёте в аренду. Какого хрена мне такое надо?!

– Я Вас ничем не обеспокою, звоните в любое, удобное для Вас, время.

– Почему Вы не можете просто так продать гараж?! У Вас там что, мертвецы закопаны?

– Это дедушкино завешание... Гараж я могу продать, но охранять его обязан пожизненно.

– Твою мать! Иди в пень со своим гаражом долбанным!

– Постойте! Он не долбанный, просто под ним бункер...

– Какой ещё бункер?! Подвал?

– Ну, типа того... Дедушка в военные годы тут гаубицу схоронил с боеприпасами... И завешание оставил... А гараж мне не нужен. Но охранять я его обязан.

– Ни хера себе! То есть там настоящая гаубица со снарядами?!

– Так получилось...

– А продать не пробовали?... ну... бывают же люди, кому продать можно...

– Никак. Там механизм, он гаубицу на платформе поднимает вместе с гаражом и автомобилем, – и полностью готово оружие к стрельбе...

– Так Вы гараж вместе с гаубицей продаёте за такую цену?

– Нет. Продаю только гараж. А гаубицу, по завешанию дедушки, я охранять обязан. Поэтому машину свою я буду у ворот ставить. Вы только позвоните заранее, и я прибегу мгновенно.

- Бредятина какая-то! Это ж надо оповестить, кого надо!
 - Лучше не надо... Вы машину загнали? Место Вас устроило. Работы механизма Вы не знаете, да Вам и ни к чему...
 - Ну а если докопаюсь?
 - А Вы далеко не уедете, если откажетесь купить.
 - Не понял! Вы меня шантажируете?!
 - Упаси Боже! Просто Вы приятный человек, и не хочется заряд расходовать.
 - Вы мне угрожаете! Щас выгоню машину, и идите Вы со своей гаубицей в пень!
 - А я Вас вместе с гаражом подниму, чтобы Вы всё подробно увидели...
-

- Твою мааать!!! Согласен, согласен!!! Опускай!!!
- Деньги кидайте, а остальное на земле оформим.
- На, подавись, придурок!
- Спасибо, опускаю. Видите, как механизм чётко работает!
- Я уезжаю на хрен. Деньги себе оставь, маньяк!
- Вот такие грубияны от меня далеко и не уезжают...

Валентинов день

В жизни молодожёнов Евгения и Светланы наступал первый День Святого Валентина.

Женя и Света – студенты, но, тем не менее, счастливые обладатели престарелой однокомнатной квартиры, подаренной им к свадьбе предусмотрительно скончавшейся бабушкой. Жизнь их в течение года протекала беззаботно, в любви и согласии. Женя учился на эколога, а Светлана штудировала юриспруденцию.

Благополучно миновав Новый Год, в канун Валентинова Дня Женя вдруг сильно разволновался и сделался загадочным, что привлекло внимание Светланы, в том смысле, что новая, загадочная, ипостась Жени ей нравилась.

Между тем, Евгений задумался о подарке. Дверь в дверь с молодожёнами поживал с семьёй сосед Станислав, бывалый сантехник, который немедленно, с самого момента вселения молодых в квартиру, взял над Женей шефство в плане обучения того премудростям быта. С ним Женя и поделился своими проблемами.

Мудрый Стас мгновенно прикинул со своей колокольни, что подарок должен быть мужественным, полезным в хозяйстве и необычным. Глядя в загоревшиеся глаза эколога, сантехник предложил великолепную вещь, а именно – тайно поменять трубы в квартире или заменить ванну. Прикинув расходы, Женя взглядом потух и снова погрузился в думы. Станислав так же погрузился в думы и даже достал из холодильника пиво. Впрочем, выход был найден. От бабушки вместе с квартирой в наследство молодым достались удивительного тёмно-зелёного цвета с огромными жёлтыми цветами выгоревшие обои со следами канувших в Лету картин «Незнакомка» и «Утро в сосновом бору». Короче, решено было, обои эти переклеить.

В отсутствие Светланы находчивые соседи обмерили комнату, и Станислав сделал на бумажке расчёты. Во время обеденного перерыва Стаса в ближайшем магазине были присмотрены шикарные и недорогие обои. Всё шло как по маслу, но судьба поставила проекту подножку. У Станислава случилась профессиональная производственная травма, а именно – профессиональный творческий запой. В результате, эколог Евгений остался один на один со своею, теперь уже, бедою.

Но, движимый любовью и упорством, он решил не отступать. Не имея достаточных средств и опыта, каждый день в одно и то же время он появлялся в магазине и покупал по одному рулону обоев. Через три дня продавщицы начали нехорошо на Женю посматривать. Обои он прятал в квартире соседа, передавая рулоны несчастной Галине, которой в силу обстоятельств было всё равно на Женины захилы.

Настал день Ч.

После бурной ночи Светлана мирно посапывала на продавленной тахте. Рано утром, часов в 10, Евгений тихо скользнул в ещё теплеющие трусы и, окончательно одевшись, решил приняться за дело. Тихонько перетащив фрагменты подарка в кухню, он вдруг был ошпарен новой проблемой. Задним умом он понимал, что обои нужно клеить, а передним умом он осознал, что не знает, чем. Первое, что пришло в его голову, – это срочно бежать в магазин за клеем. Кутаясь в длинный шарф, он призраком возник в дверях магазина, окончательно перепугав продавщиц, и попросил клей: «Чтоб надёжно и чтоб держалось». Клей был мгновенно присоветован, а Евгений мгновенно произвёл мысленные расчёты.

И вот, счастливый, что самостоятельно проявил смекалку, он, запыхавшийся и надорвавшийся, втащил в уютное зелёное с жёлтыми цветами новобранное гнездышко коробку «Момента».

Нарезав на кухне обои, он, одухотворённый, на цыпочках вошёл в комнату. Неожиданно для себя деловито осмотрелся. Мешал только шкаф. Его Евгений решил обклеить вокруг, то есть, по-хозяйски решил ещё одну проблему. Светлана посапывала и поддёргивалась во сне. Женя нежно посмотрел на тонкий профиль жены и принялся за дело.

Первый отрез дался с боем. Женя старался изо всех сил не шуметь, но привыкшая к шорохам и скандалам соседней Светлана спала крепко. «Момент» ложился отменно! Обои липли ровными рядами, хороня под собой старое и символизируя новое. Окрылённый физической работой, Женя клеил и клеил. Светлана перестала сопеть и поддёргиваться во сне, а дышала теперь очень ровно, очень медленно и тихо.

Распластав последний рулон, довольный и уставший Женя слез с табурета, деликатно выпроводил сиреневого слона и, размотав с шеи питона, вернулся в комнату. Удовлетворённо огляделся. На розовых стенах яркими бликами играло солнце. Вдруг взгляд его упал на свадебную

фотографию, лежащую на телевизоре. Среди розового великолепия места ей не было. Окрылённый эколог решительно принялся исправлять недостаток. Логически прикинув, Женя определил точку повешения над супружеской кроватью. Игнорируя тот факт, что сиреневый слон обрывал телефон и стучался в дверь, Евгений решительно направился в шкаф за перфоратором. Сняв тапки и аккуратно обступив умиротворённую и торжественную Светлану, следуя указаниям неизвестно каким образом прорвавшегося в квартиру сиреневого слона с питоном вместо хобота, Женя уверенно сделал отметку.

Перфоратор не дрогнул в его руке.

Средство

Маша заболела. Маша сама доктор, но в аптеку бегут все, когда кашель, сопли рекой, температура и муж на работе...

По опыту Маша прекрасно знала, что покупать и в каких дозах принимать, но тут её взгляд упал на листок с надписью: «Здесь Вы можете получить бесплатные консультации врача». Маша удивилась: «Какие, к черту, консультации, какого врача, да ещё и в аптеке?!». Но острый кашель и хлынувшие сопли смешали машины подозрения и заставили броситься к окошку.

В окошке Машу встретила совершенно юная мордочка аптекаря. Маша мгновенно превратилась в обычного человека, как автомобилист – в вечно испуганного пешехода после аварии.

Маша сглотнула и просипела:

– Что у вас из самого эффективного отхаркивающего есть?

Мордочка вежливо кивнула и, важно нахмурившись, уставилась в монитор компьютера.

– Очень хорошее средство есть. Совсем недавно производить стали в России. «Гребондон».

Маша удивилась, но профессиональный интерес пробился сквозь слюни и сопли, и она наряду с обычными лекарствами купила, а вернее, купилась на новизну. Маше выдали чек, аккуратно упаковали всё в непрочный пакетик и даже поблагодарили за покупку. Но, поскольку у Маши в этот момент резко пропал слух, и была потребность в срочном извлечении из сумки носового платка, она ничего не ответила на благодарность и всем телом бросилась на аптечную дверь.

Дома Маша укуталась в плед, заварила чаю, но вкуса не поняла, и сопли вновь подло подломили процесс лечения. Отдышавшись, она распаковала новое средство и стала вчитываться в «Инструкцию по применению препарата».

«ГРЕБОНДОН», – читала Маша и глазам не верила.

Состав:

Корень лиховеда хороводного,
Листья раскоряка синеглазого,
Ягода брусчатки обыкновенной,
Шпальник-Шугальщик.

Противопоказания:

Глаза.

Период активности.

Интузиазм.

Восхищение.

Преодоление препятствий.

Насморк.

Период лактации.

Непереносимость препарата.

«Это бред...», – во всю свою медицинскую больную голову подумала Маша. Затем, прочихавшись, дочитала, что сие средство содержит 70 процентов спирта и разводить его нужно в воде: 100 граммов на литр воды.

Маша, морщась от запаха, развела средство в воде и отмерила себе несколько капель в тонкостенную стопочку.

Буквально через полчаса исчез насморк, лёгкие стали дышать ровно, температура понизилась, а тонус организма повысился. Маша удивилась новому средству отечественного производства. Она вылезла из постели, открыла форточку и с наслаждением вдохнула полной грудью свежий осенний воздух. «Гребондон» разливался по машинному телу свежей жизнью.

«Всё-таки умеют у нас производить прекрасные лекарства», – думала Маша, двигаясь в аптеку за новыми флаконами... Новыми и новыми флаконами....

Миша и Волк

У видеооператора некоего глубоко краевого телевидения прострелило поясницу. То есть, стоять он мог только прямо, лучше собственного штатива, а вот выпендрёж с ракурсами ему был категорически запрещён, да и физически невозможен. У него случились в этот день ответственные съёмки. Ноги отнимаются, а идти необходимо – остальных операторов рассчитали за алкоголизм, драки с начальством и необоснованное эксплуатирование служебной машины. Короче, Мише не посчастливилось.

На прямых ногах Михаил вошёл в студию, выдавая себя за трезвого.

– Миша! Ты пьян?! – мгновенно среагировала главред телеканала.

– Истесьюно... Нет.

В конце заявления была поставлена такая жирная точка, что все присутствующие сразу поняли: Миша пьян. Очень.

– Я шас всё в лучшем ракурсе за***ерачу! Не первый год на ТВ! – заколыхался Миша и поплыл собирать своё орудие, собирая остатки сознания.

Кандидат в депутаты Крыжопников сиял, набухал и пузырился. Сонм пишущих журналисток окружал его, как древнеримского императора. Депутат разливался водоканалом о голодающих старушках, нищих детях, обрушивающихся больницах. В зал на прямых ногах вошёл Миша, с громом Пришествия долбанув штатив об дорогой косяк. Всё смолкло. Все глаза с лицемерным негодованием обратились на оператора. Михаил и штатив составляли одно целое, ибо жить в данный момент друг без друга не могли.

– Ваши планы в отношении преобразования местного ЖКХ? – тоненьким голоском спросила молоденькая журналистка пожилой газеты, зажатая между главой администрации района и начальником местного МВД.

– Жопа! – раздалось вдруг со стороны зала. Головы повернулись.

Миша, с верным штативом, снимал общий план.

– Жопу из кадра убери! Депутат и жопа в новостях понятия несовместимы!!! Как профессионал говорю!

Зароптавшее вдруг собрание утихло. Ну да, «депутат и жопа – понятия несовместимые ж...!».

– Итак, продолжу... – уж было продолжил Крыжопников, обретя начальственную статью.

– Присядь чуточку! – Миша был неумолим в своей нетрезвости.

– Как чуточку? – Крыжопников растерялся. Он искал глазами охрану, но у охраны случился обед точно по часам, и депутат должен был решать вопрос с «жопой» самостоятельно.

– Наполколени, ёбтть, ниже!

– Так? – Крыжопников потерялся, но статуса старался не терять. Ноги подсогнул.

– Ниже.

Крыжопников с достоинством садится на карачки, а Михаил берёт крупный план.

– Что касается Вашего вопроса, то здесь ответ однозначен...

– Чё он ***ит? – Михаил повернул лохматую голову в сторону бледной прединфарктной журналистки.

В зале перестали даже покашливать.

– Теперь в полный рост встань и петличку поправь, а я пока камеру переставлю.

Миша менял ракурс. Собрание с замороженными лицами глядело на раскорячившегося депутата.

– ***ля... Микрофон не включил!!! Давай всю байдю сначала!

– На стул встань, я тебя, для солидности снизу снимать буду!

Крыжопников с тяжестью достоинства встал на стул и продолжил речь.

– Мои гарантии – это моё имя, честн...

– Погодь! Дай я публику сниму из-за спины. Слезай! Морды серьёзные, материал хороший будет.

Михаил переставляет камеру.

– Давай!

– Мои гарантии – это моё имя, честн...

– Слезь со стула, на уровень объектива! Во! Давай, зажигай!

... Депутата избрали.

Шапито

В город Рукосуйск приехал цирк-шапито. Полосатый шатёр распростёрся в центре городского сада. Станным было одно: на афишах цирка значилось «Детям до 16 лет вход строго воспрещён!».

Что ж это за цирк-то такой, прям цирк какой-то!

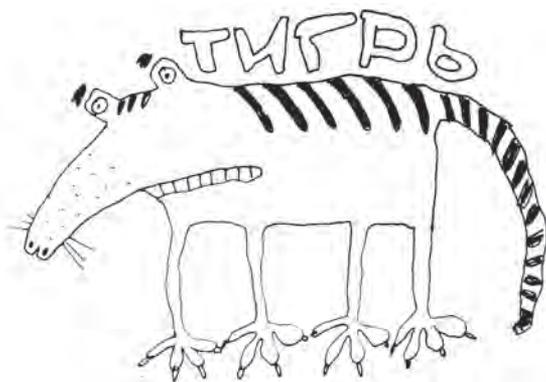
Естественно, подобная программа привлекла огромное количество публики.

Уж неизвестно, что там происходило, но дети до 16-и, прилипавшие жадными глазами к дырам шатра, и дети после 16-и, посетившие на правах полноценных граждан представление, выходили из парка посеревшими и поседевшими, и шатаясь.

В городе возникла смута. Цирк арестовали.

За время, пока выяснялись обстоятельства дела, поседел весь личный состав РОВД, куда была доставлена трупца, а оперуполномоченный Анисеев скончался от сердечного приступа в возрасте 30 лет, оставив седую жену и седых детей, после того, как безответственно посвятил их в обстоятельства дела.

Далее состоялся суд. Седой адвокат администрации цирка яростно доказывал поседевшему прокурору, что все законы были соблюдены, и «Детям до 16-и» не следовало совать глаза, куда не следует. Судья и белоснежные присяжные цирк оправдали. Неравномерно седая публика аплодировала решению суда стоя.

Пятая передача

Вечер.

В видавшую виды белую автомобиль “Жигули” с маячком «Такси» влетает запыхавшийся гражданин.

– Шеф! Срочно, опаздываю! Строгановская набережная, 10!

Со стороны водителя никакой реакции не следует.

– Алё, шеф! Гони на Строгановскую!

– Воо-пеервых, не кричиите, я не глухоооой, – очень медленно произносит шофёр. – Поеехали.

Медленно, вдумчиво поворачивает ключ зажигания.

– Ооо, зарабооталааа, – несколько удивлённо, но не без удовлетворения гундосит водила.

– Шеф, ты чё?! Гони, опаздываю!!!

Водила выжимает сцепление и переключает передачу.

– Пееервая, – любовно произносит он.

– Ты что, охренел, “первая”!!! Гони давай!!!

– Машиине необходимо разогнааться, – гундосит обиженно водила.

Машина мееедленно трогается с места. Пассажир хищно смотрит вперёд, ожидая рывка.

Тачка медленно набирает скорость.

– И при двадцатиини кииломеетрах в чааас люди гиибнут...

Вторааая пошла... – переключается вторая передача.

– Шеф! Ты в своём уме?! Высади меня, другого поймаю!!!

– Никогооо Вы в это время тут не поймаааетеее... Время-то поозднее.

Машина медленно разгоняется.

– Трееетя...

– Блин, нас пешеходы обгоняют! Жми на газ!

– А вот только ругааться не нааадо!

Машина, наконец, набрала нормальную скорость.

– Шеф! У тебя ещё передачи есть?!

– А кааак же! Сейчас и переключауучим... Четвёоортая...

Машина плавно понеслась по проспекту. Пассажир расслабился.

– Вы вооот всёооо ругаетесь, а между тееем, ремень безопаасности не пристегнууули, – назидательно прогнусил водила. Пассажир недовольно пристегнулся.

Тем временем скорость увеличивалась.

– Пяаяаятаяааа...

Пассажир заволновался, глядя на стрелку спидометра. Она медленно, но верно приближалась к отметке 120.

– Шеф! Мы, как-никак в городе! Щас нас ГАИ остановит!

– Ну воооот... То гонии, то тормозиииии... А ГАИ тут не стояаяааат...

Машина неслась теперь прямым снарядом, и в салоне стоял невероятный гул.

Пассажир боязливо поглядывал на водилу. У того было меланхоличное и блаженное лицо.

– Тормози! Высади меня немедленно!!! – не выдержал пассажир и впился пальцами в ручку двери.

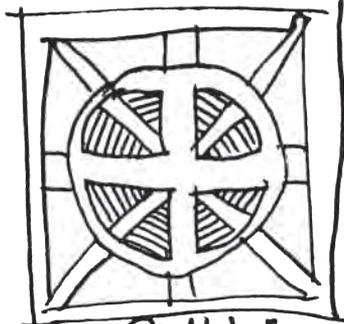
– Поооздно...

Пассажир ошалел от ужаса. Машина неслась как метеор, игнорируя знаки и, только благодаря невероятной скорости, чудом пролетала перекрестки.

– Что поздно?! – дрожащим тенором спросил пассажир.

– Поооозднооо... Пооооздно сейчас по улицааааам шататься... Да вон она, Строгановская вашааа. Приееээээээээээээээ.....

ЗА СЕМЬЮ
МОРЕЯМИ
ТОРГУЮТ
СВИНЬИ
СТУРОГАМИ
МЕДВЕДИ
С РОГАМИ
РЫБЫ С НОГАМИ
НЕ БУДУЧИ
ЧЕЛОВЕКАМИ
КРОКУТ КРЫШИ
ЧЕБУРЕКАМИ

Андрюшенька

I

В кабинете директора колыхалась густая тишина. Изредка её простреливали очереди пальцами по столу. Директриса Раиса Дмитриевна в очередной раз надела очки и напряжённо начала не зная, с чего начать. Наконец, сняв очки и обведя материнским взором замерших педагогов, она тихо произнесла:

– Коллеги, у нас ЧП... – снова надела очки и посмотрела на застывшую бледную классную руководительницу 2-го «В» Юлию Сергеевну.

– Случай из ряда вон выходящий. Мы все, повторяю, все, несём ответственность за случившееся, – продолжила торжественно Раиса Дмитриевна и, вздохнув, выдержала паузу.

Молодой историк Валерий Васильевич скрипнул стулом и замер в неудобной позе, перестав дышать.

– Итак, коллеги, есть подозрение, что в нашей школе, в классе Юлии Сергеевны, второй год учится зомби.

Тишина разорвалась в ключья скрипом стульев, переменой поз, вздохами.

– Уфффф! Слава тебе Господи! – откинулся на спинку стула завхоз. – Я уж думал опять эмаль эту и штaketник разбирать будут! Я прошлым месяцем всё закрыл задним числом. Григорьяна подтверди! Это покруче зомбий было!

– Николай Викторович! – шикнула Раиса Дмитриевна. – Забудьте Вы про штaketник, разобрались уже. Всем хватило, все довольны. Не об этом сейчас! Юлия Сергеевна, может, Вы нам картину проясните?

Все обратились к Юлии Сергеевне. Молоденькая классная руководительница 2-го «В» шмыгнула носом:

– Я ума не приложу, как так получилось... Учится как все... Троечник. Хулиганит немножко.

– А с чего Вы взяли, что он зомби? – с добрым сарказмом спросил историк Валерий Васильевич у волнующегося бюста Юлии Сергеевны. – Двадцать первый век на дворе, мы с Вами все – образованные люди! Смешно, в самом деле! Раиса Дмитриевна, это что, розыгрыш? – историк с готовностью посмеялся и затих.

– Прививки же ему делали все! На флюорографию водили, кровь из пальца брали, – завуч Александра Павловна хлопала глазами и вертела головой, обдавая коллег тяжёлым шлейфом лака для волос.

– Да и вообще, он после подготовительной группы!

– Я ума не приложу, как так получилось... Одет простенько всегда, бледненький. Так таких сейчас полшколы.

– Ну и как Вы обнаружили, что он ... гм... ха-ха... прямо смешно сказать... зомби? – улыбался Валерий Васильевич гладким коленкам Юлии Сергеевны.

Юлия Сергеевна как-то съёжилась, словно кто-то потянул её сзади за позвоночник.

– Я им задание дала на уроке: «Портрет мамы», – Юлия Сергеевна положила на стол папку и вынула из неё рисунок. – Дети все в этом возрасте ещё рисуют как обезьяны, но хоть что-то человеческое, а тут...

Рисунок пошёл по рукам.

– А родителей Вы видели, встречались с родителями? Как же родительские собрания? Ознакомление с бытом семьи? Дома у них бывали? – подозрительно сканировала Юлию Сергеевну жилистая, сухонькая завуч Александра Павловна.

– Они ни разу в школе не были! – учительница сложила тонкие пальцы на груди. – Андрюшенька говорит, что они работают в сфере ритуальных услуг за городом и им некогда. Да он сам очень самостоятельный мальчик. Только вот, когда я про ритуальные услуги узнала, да вот этот «Портрет мамы» увидела, то у меня всё как-то началось в голове складываться... складываться...

Голос Юлии Сергеевны стал затихать, взгляд остановился и опустел. «Воды, воды», – забулькали со всех сторон. Бессердечный военрук намочил полотенце, пробрался сквозь кудахчущий сонм учителей, отвесил Юлии Сергеевне звонкую оплеуху и положил на лоб холодное мокрое полотенце. Учительница очнулась.

– Я фотографию мамы попросила принести, – слабым голосом тонко протянула Юлия Сергеевна и вдруг глупо хихикнула. Все напряжённо слушали. Юлия Сергеевна огляделась:

– Андрюшенька сказал, что может принести фотографию только, где мама молодая, потому что на поздних она себе не нравится.

Учительница полезла вновь в папку и достала снимок. Он со звонким

стуком лег на стол. Юлия Сергеевна снова хихикнула. Раиса Дмитриевна сосредоточенно выдавила линзу из оправы очков. Валерий Васильевич саркастически раскрыл было рот, но язык застрял между сведёнными челюстями. С пожелтевшей овальной фотокерамики на педсовет смотрела симпатичная женщина лет тридцати пяти.

– Да он просто отъявленный хулиган! Он над Вами издевается! – испуганно взвизгнула Александра Павловна.

– Гм... – раздалось из угла, – позвольте взглянуть, а то мне не дотянуться, – учитель рисования Анатолий Михайлович принял листок и фотокерамику и задумчиво уставился на них, переводя взгляд с одного на другое.

Педагоги глазели на Анатолия Михайловича.

– Он ещё и свою принёс, чтобы мы в родстве не сомневались, он, извольте видеть, на маму похож! – вдруг зло звякнуло со стороны Юлии Сергеевны.

С мышинной проворностью рука скользнула в папку и через стол со скрежетом, по направлению преподавателя ИЗО, проехал ещё один керамический овалчик. Все снова повскакивали с мест и тут же сели обратно с выпученными глазами и отвислыми челюстями. С фотокерамики, покрытой тонкими трещинками кракелюр, учителям улыбался Андрюшенька.

II

– Похож, – констатировал Анатолий Михайлович, – а если взять его рисунок, то общие анатомические черты мамы прослеживаются.

Валерий Васильевич и Александра Павловна одновременно брызнули яростной слюной. Валерий Васильевич кричал про двадцать первый век, друзья, будем реалистами, с ума все посходили, это просто комедия какая-то, все видели Андрюшеньку, ребёнок как ребёнок, Сапрыкин из 6-го «Г» вот тот хуже зомби – вампир, убийца, сделай мне, Алексеич, кол осиновый, я этого Сапрыкина после уроков оставлю и т.п.!

Александра Павловна кричала про честь школы, хулиганство и распустились тут все, без сменной обуви ходят, цветы сломали в рекреации на первом этаже, когда в столовую несутся, точно вурдалаки!

Педагоги зашумели, атмосфера слегка разрядилась. Раиса Дмитриевна, пытаясь вдавить обратно линзу, сломала дужку и постучала ею по столу.

Все как-то сразу сникли и замолчали.

Трудовик Павел Алексеевич почесал берет, задумчиво и шумно вздохнул:

– Я вот тут припоминаю... На уроке дал им свободную тему. То есть, на выбор тубарет, скворешник, улей там...

– Во втором классе?! – округлила густо обведённые сильно близорукие глаза Раиса Дмитриевна.

Трудовик замялся, и Юлия Сергеевна восстала на его защиту:

– Они в продлёнке иногда скучают. У Павела Алексеевича интересно, там они смотрят, как старшие мальчики занимаются, да и сами мастерят потихоньку. А девочки у Ирины Геннадиевны платъица куклам шьют.

Раиса Дмитриевна кивнула разрешительно, но нахмурилась, чтобы было не совсем понятно, одобряет она отсебятину, принимает к сведению и позже вынесет на рассмотрение или приглашает Павла Алексеевича продолжать.

– Так вот Ваш Андрюшенька сперва крест смастерил потихоньку. Хороший, добротный.

Учителя зашумели, какой крест? Улей же, скворечник! Тубарет!

Трудовик, привыкший к нападкам за пьянство, мелкие хищения материалов и инструментов вскинулся:

– Их у меня там тридцать голов по верстакам! Доски взял, гвозди взял, инструмент взял и канай строгать свободную тему. А этот в уголке что-то пилит, бруски готовит. Думаю тубарет, ну и бог с ним. Чем бы дитя не тешилось, лишь бы циркулярку не заводило, и медичка как всегда за марганцовкой не укатила!

– Так и что, прямо крест? Прямо для могилы? – перегнулась через стол Надежда Николаевна, биологиня.

– Ага, – кивнул трудовик, – руки у мальчика, откуда надо, растут.

– И где этот крест? – тоном представителя каких надо органов осведомился Валерий Васильевич.

Павел Алексеевич зыркнул на вмиг покрасневшего завхоза, вспомнил пол-литровку в электрощитке и шустро сообразил:

– Ну так, разобрали... Тубарет сработали, – он снова зыркнул на завхоза. Завхоз умиротворённо и чуть заметно кивнул. Трудовик собрался было развить тему роста Андрюшенькиных рук в правильном направлении, но вовремя был перебит. Тема шикарного гроба вместо скворечника,

произведённого золотыми руками Андрюшеньки и пропитого на пару с завхозом позавчера, осталась нераскрытой.

– Вот я и говорю...– снова подала голос Юлия Сергеевна, – на экскурсии в ботаническом саду он напугал весь класс. Ну, мальчишки они все шустрые, но Андрюшенька... шустрее, что ли... Фантазия у него работает хорошо. Он себя закопал в клумбу.

Голос классной руководительницы дрогнул. Валерий Васильевич вмиг поднёс стакан воды, придерживая за донышко над декольте.

– Мы ищем, ищем, зовём, зовём. Уже пора ехать, как вдруг Андрюшенька как выскочит из-под земли, из клумбы с маргаритками! Как он туда залез, ума не приложу. Смеётся, довольный... Еле умолила водителя автобуса с мокрыми и не только мокрыми детьми ехать!

– И я вспомнил! – ученически затряс рукой физрук Игорь Викторович.

– На зарядке он удивительную пластику однажды показал. Я ещё подумал, вот его, когда подрастёт, в секцию акробатики определить! Я ему говорю: «Я те щас бошку отверну, будешь к Соловьёвой приставать!», а он говорит: «Так?», и поворачивает шею на сто восемьдесят градусов, и затылком честь отдал. Вот это пластика! Гнётся, как будто суставов нет! – восторженно закончил физрук и осёкся под исполненными ужаса взглядами педсовета.

Снова, вместе с наплывающими сумерками, в кабинет сочились напряжение и оцепенение.

Педагоги сидели, сосредоточенно нахмурившись, как бы что-то вспоминая, периодически вздрагивая.

– Включите свет, пожалуйста, Валерий Васильевич, – раздался голос Анатолия Михайловича, преподавателя рисования. Он держал два фотокерамических изображения перед самым носом, – не видать уже ни хрена.

Вспыхнул свет и вывел всех из оцепенения. Раздался всеобщий вздох облегчения.

– Давайте форточку откроем, а то душно, – бодро предложила Раиса Дмитриевна.

– Нееет! – неожиданно взвизгнула биологиня с полными ужаса глазами. Все синхронно вздрогнули, Раиса Дмитриевна раскусила вторую дужку.

– П-п-простите, это я от нервов, – виновато всхлипнула биологиня.

Прошёл шумок, в котором читалось: «Дура психованная, так и до инфаркта недалеко, как она с такими слабыми нервами биологию преподаёт? Да ещё и детям!».

III

– Обратите внимание, – повернулся Анатолий Михайлович к Валерию Васильевичу, протягивая фото, – довольно старая керамика.

Валерий Васильевич принялся внимательно изучать портреты.

– Ммм... – утвердительно промычал он.

– Адрес, адрес у них какой? – озарилась Александра Павловна, – давайте нанесём визит. Вечером. Внезапно.

Юлия Сергеевна в упор посмотрела на завуча:

– Адрес у них такой: Лебедево, 186. Туда автобус и маршрутки ходят. Я вчера там была, – Юлия Сергеевна взяла себя в руки, – там шестнадцать частных домов... Ромашовых там не знают, Андрюшеньку в частности.

– В канцелярии напутали, – отчеканил военрук, на секунду проснувшись.

– По всем документам напутали? – ехидно оскалилась Юлия Сергеевна.

– Боже мой! Надо срочно объявить карантин и дезинфекцию! – вскочила биологиня, – он нам ещё детей перекусаёт!

Возникло смешение и гомон: «Не подумали ведь! Взаправду перекусаёт!».

– Успокойтесь, коллеги. До сих пор никого не перекусал, с чего ему вдруг сейчас-то приспичит? – Раиса Дмитриевна старалась выдать ободрающую улыбку, но получилось страшно, и биологиня снова выпалила:

– Ага! Растущий организм! Фиг знает, каких витаминов ему не хватает?! Может, мы для него витаминами окажемся!

– Вот-вот! – влез завхоз. – Потом всю мебель погрызут, цветы переломают, клумбы перетопчут... Или чего они там... Перезакапываются, потом ищи-свищи! Штакетника не напасёшься! А нам с Алексеичем отдуваться задним числом!!!

Завхоза зашикали. Раиса Дмитриевна тяжело поднялась из кресла:

– Давайте сделаем перерыв. И проветрим тут.

Учителя сгрудились возле двери.

– Я первая не пойду. Техничка в рекреациях свет погасила, – учитель физики Марина Юрьевна, прижатая к двери, делала попытки протиснуться обратно.

Чья-то коварная лапа незаметно нажала дверную ручку, и педсовет выпал в тёмный проём. Завхоз с трудовиком под шумок, пригибаясь, метнулись к лестнице и скатились на первый этаж. Хорошо смазанный замок мастерской сработал прекрасно и бесшумно, и две тени скользнули внутрь, в туманность лунного света.

– Пусть едут Юлия Сергеевна и завхоз с трудовиком, – безапелляционно предложила Александра Павловна.

– Правильно! Юлия Сергеевна как классная, а Павел Алексеевич как лицо, имеющее дополнительное положительное влияние на Андрюшеньку, а завхоз, так сказать, для усиления резерва, – высказался физрук.

Кто-то прыснул в ладошку.

– И военрука для усиления боевой мощи, – съязвил Валерий Васильевич.

– Правильно! – не понял юмора физрук.

– И Вас заодно, – подхватил тему Анатолий Михайлович.

– А меня-то за что? – нелепо удивился физрук.

– Бегаете хорошо. И голос громкий, – развивал Валерий Васильевич, – когда бежать будете мимо кладбища, остальным пример покажете и криком «Мама!!!» будете обозначать своё местонахождение и ориентиры догоняющим.

Физрук что-то заподозрил, но решил не вникать и спросил:

– Почему мимо кладбища?

Все перестали хихикать и затихли.

– Кладбище там, рядом с Лебедево. Самое старое городское кладбище, – Валерий Васильевич выпустил струюку табачного дыма в форточку, – у меня там бабка и две тётки лежат.

Учителя невольно отодвинулись от историка. Тот презрительно ухмыльнулся:

– Эх вы, педагоги! Историю родного края не знаете...

– Педагог не обязан первым делом расположения кладбищ в городе знать! – запальчиво возразила Надежда Николаевна и ни к селу ни к городу добавила, – Вы же не обязаны знать, где у Вас печень!

Мужчины веселились.

Незаметно из тьмы, плавно передвигаясь, выплыли две фигуры. Дамская часть коллектива готова была удариться в панику, но флюиды, которые распространяли фигуры, мгновенно всех успокоили.

– Давайте вернёмся в кабинет и закончим уже, – ведомая предупредительным Валерием Васильевичем устало предложила Раиса Дмитриевна.

Дамы роем устремились на свет директорского кабинета.

IV

Осень таяла тёплым безветренным вечером. «Жигуль» трудовика завёлся ретиво, прочистил нутро сиплым кашлем, захлебнулся «подсосом» и, наконец, поперхивая, стариковски нудно заворчал. Валерий Васильевич курил и шурился на крыльцо школы.

Юлия Сергеевна молчала и в застывшей позе стояла прислонённая к пыльному капоту машины. Физрук деловито разминался и всем своим спортивным костюмом доказывал готовность к подвигу.

– Вышел, – сквозь зубы процедил Валерий Васильевич.

Юлия Сергеевна вздрогнула.

– По коням! – с залихватской пошлостью гавкнул трудовик. Валерий Васильевич деликатно прихлопнул дверцу за Юлией Сергеевной и быстро отвёл глаза от её молящего и обречённого взгляда. Физрук бодро пристегнулся и сделал Валерию Васильевичу ручкой.

Андрюшенька отделился от группы мальчишек и в одиночестве, покачивая тяжёлым портфелем, направился к автобусной остановке.

V

Поездка прошла в молчании. Ехали не долго. В Лебедево автобус остановился, а физрук кивнул: «пошёл»...

Андрюшенька отделился от толпы и уверенно направился в сторону кладбища. Педагоги ритмично сглотнули.

– Физрук идёт первым, – глухо произнёс трудовик.

– С какой это радости? – осрамился физрук и мгновенно нелогично выскочил наружу.

– Так, когда бежать станешь, дорогу будешь показывать, – хохотнул трудовик.

– Мужчины, вы не правы! – воскликнула вдруг Юлия Сергеевна, – я должна...

– Ступай, Юлька, мы на стрёме, – мужественно прогудел трудовик. Физрук молча хлопнул дверцей и зачем-то пристегнулся.

Юлия Сергеевна аккуратно двинулась за Андрюшенькой.

Темнело. Юлия Сергеевна на слабеющих ногах брела среди могил за хрупким и тонким силуэтом.

– Андрюшенька! – робко позвала Юлия Сергеевна. Андрюшенька замер и резко повернул голову, не разворачивая тело. Глаза его были наполнены внезапным страхом.

– Юлия Сергеевна, пожалуйста, дальше не ходите. Меня мама встречать будет.

Розовое закатное небо встретило затухающий взгляд Юлии Сергеевны.

VI

– А! Ожила наша Юлька!

Физрук с трудовиком уютно сидели в полутьме возле пары дешёвых памятников, пили из горла и запивали «Кашинской».

– Короче, фотки повесили. Завтра столик поставим, штакетником всё обнесём. Андрюхе хоть будет, где уроки делать!

Юлия Сергеевна аккуратно лежала между могил на физрукской куртке.

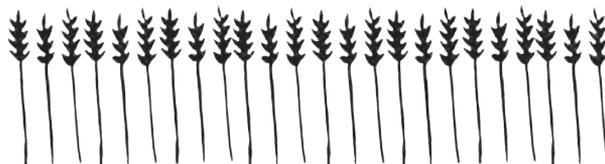
– Ну чо, подымайся, на посошок... И поехали.

Юлию Сергеевну sprыснули «Кашинской», подняли и, поддерживая, повели.

– До свидания, Юлия Сергеевна, – ударило в спину.

Физрук точно знал направление, трудовик сосредоточенно пыхтел, дыша перегаром, неся на плече классную руководительницу Андрюшеньки.

Все старались, спотыкаясь об ограды. Ведь завтра новый рабочий день.

Зимняя сказка

Миша Завьялов проснулся в прекрасном настроении. «Госсссподи! Красота-то какая!», – глянул в окно Миша. Выпал первый снег. Белым и пушистым прикрыло давнюю грязь, ещё не облетевшие деревья, кое-где проступающие охристые листья. Мужики сосредоточенно смахивали белоснежные перья с прогреваемых машин.

Из открытой кухонной форточки тянуло свежестью, приятным холодком. Утренний кофе показался на редкость ароматным и вкусным. Михаил даже не позволил себе бутерброда. Он наслаждался видом в окне, запахами, чувствами, предвкушениями. В спальне уютно посапывала любимая красавица-жена, по-детски смяв одеяло. Сказка...

Вот уже месяц или более Михаил приходил в автосалон. Серебристый Порше Кайен словно ждал его, как ждали Мишу менеджеры. Миша с удовольствием тянул тяжёлую дверь, удобно устраивался в кресле, обхватывал вечно тёплый руль, вёл разговоры об эргономике. Короче, ждал своей очереди. И вот этот момент, именно в это прекрасное морозное утро наступил. Михаил приятно поёжился от пробежавших по спине мурашек. Тщательно оделся, проверил бумажник, поцеловал жену, на цыпочках вышел из квартиры и уже от подъезда вызвал такси.

В такси Михаил удивлялся автопрому российского пошиба, но так, снисходительно, словно сам недавно совсем не ездил на «ладах». На вопрос таксиста: «Обратно едем?», Миша с лёгкой улыбкой ответил: «Спасибо, обратно уж как-нибудь сам». Попросил остановить чуть загодя, чтобы не смущать таксиста. Щедро расплатился.

Порше ждал и призывно глядел раскосыми фарами. Менеджеры сбежались, предложили кофе, и журналы, и мягкий диван, с поклоном приняли карту. Миша сквозь огромные стёкла любовался снежной сказкой за окном, вдыхал аромат автосалона и кофе, листал журнал, замечая, что все иные автомобили какие-то убогие, отмечал со спокойной усмешкой: «Да уж, не Порше...».

«День особенный, и персонал такой приятный», – подумалось Завьялову. «Я на минутку», – пробаритонил улыбающимся менеджером, считывающим его карту, и решительно направился в супермаркет. Купил «Камю» и конфет. С пакетом вернулся в салон.

– Михаил Григорьевич, поздравляем Вас с покупкой! Распишитесь здесь.... Вот тут.... Здесь.... Здесь... Секунду.... Вот здесь.... Тут, пожалуйста, и вот здесь! Благодарим за покупку! Ваши документы и ... ключи!

Миша зарделся ясным пламенем и поставил на стол пакет, то есть проставился, но менеджеры вежливо пакет упрятали и, пожелав удачного пути, распахнули двери салона и вывели ясноглазый Порше на свежий снег.

Михаил уверенно угнездился в кресле, хозяйски оглядел салон. Свободной грудью вздохнул, вдохнул запах свежего автомобиля. Своего. Отпустил тормоз, выжал газ и вырулил на трассу. Порше шёл, словно прилипнув к замороженному асфальту. Двумя пальцами перестраивая тяжёлую мощную машину из ряда в ряд, Миша не наслаждался даже... На его лице блестела циничная улыбка, глаза слегка прищурились, спина расслаблена в анатомичном кресле. Справа и слева проносился заснеженный лес, куцые дачные посёлки, впрочем, красивые под оперением лёгкого снега. Миша блаженствовал.

Трасса вскоре стала двухполосной, и Завьялов догнал караван фур. Снежная жижа, летящая в красивые глаза Порше и лобовое стекло, несколько подпортила Мишино настроение и вернула на землю. Он стал остервенело мигать фарами и гудеть. Последней многотонной фуру в караване было всё равно. Миша несколько раз выпрыгивал из-за фуры и перестраивался обратно, так как встречное движение так же было довольно интенсивным. Миша начал материться.

Наконец, появился просвет, и Михаил вжал педаль в пол.

Неожиданно, как и бывает на трассах, из череды фур прямо перед носом Михаила вынырнул дед на «шестёрке». По «ладовской» привычке Миша стал притормаживать частыми нажатиями на две педали, но тяжёлый Порше отказался на обледенелой трассе понимать Мишины телодвижения и всем полным приводом догнал жигули. Обалдевшие водители фур резко разошлись, давая дуракам место для качественной гибели. Брызгами разлетелся бампер удивлённого Порше.словно шар в бильярде жигули вылетели на обочину, в лес. Михаил сдуру продолжал тормозить, и в прекрасный зад Порше въехал Ровер. Мишу вынесло на обочину, Ровер прочертил по обиженному Порше страшную чёрную полосу и, рывками, остановился чуть впереди.

Михаил дрожал и не верил случившемуся. Руль вмиг стал холодным, Порше ярко гудел, пока Миша не догадался заглушить двигатель.

Вмятую дверь распахнул владелец Ровера, чем вывел Мишу из оцепенения.

– Какого... Тебе.... Дороги мало?! Паршивец, мать твою...

Миша молча отстегнул ремень безопасности, глупо помял подушку, выскочившую из руля, вылез из машины и замер. Красавец Порше передним правым колесом завис над канавой. В перелеске над смятыми жигулями охал чудом выживший дед. Водитель Ровера, почти не пострадавшего, сочувственно молчал и смотрел на Мишу, ожидая, когда утихнет шок.

– Нет, нет, – глупо улыбался Михаил, бродя вокруг Порше. Порше глядел подбитым глазом и тоже, как бы страдал покоцанным бампером. Он понимал, что стоимость его мгновенно сократилась процентов на пятьдесят...

– Парень, страховка есть? – спокойно спросил водитель Ровера. Миша рассеяно кивнул, не веря в чёрную полосу на левом борту и вмятую дверь. Роверист положил заботливо руку на Мишино плечо.

– Не ссы, брат! Бампер поменяешь, фару купишь, покраска, рихтовка копейки стоит...

Зимний лес наполнял грудь свежестью. Миша потихоньку стал приходить в себя. Глупые «охи» жигулёвского деда окончательно привели Мишу в себя.

– Я ведь только из салона, – исповедался он водителю Ровера, – ждал месяц, только сейчас купил...

В глазах Завьялова блеснуло убийство, Роверист удержал его за локоть.

– ГАИ не стоит вызывать. У меня автосервис, щас загоним, и будет твой ПОРШ как новенький. Только схему ДТП составим ...на всякий...

– Да, – из космоса ответил Михаил, – как новенький...

Водитель Ровера на капоте чертил схему происшествия. Михаил гладил вмятину на серебристой двери. «Жигулист» бродил вокруг машины, не смея приблизиться к владельцам дорогих внедорожников.

– Распишись, – бодро хлопнул по плечу роверист.

Миша взгляделся в схему происшествия. Какая глупая нелепая тупая идиотская авария! Фуры давно укатили. С охающего деда, писающего на тополь, взять нечего. Дома сладко спящая жена... Одеяло сбилось, как у ребёнка...

– Поехали в твой сервис, – выдавил Миша, – только чтоб, как новенький!

Роверист кивнул, без слов достал трос, рванул Мишу с обочины, попёрся по снегу к деду с тросом, прицепил, вытянул, рыча мощным движком, на обочину, отцепился, махнул Мише рукой, типа, следуй за мной и, выждав минуту, плавно тронулся по трассе.

Слева и справа пролетал заснеженный лес. «Ну и что, – думалось Мише, – будет как новый». Порше согласно подрыкивал мощным двигателем, и Миша, видя впереди спасительный Ровер, вдыхая аромат салона, успокоился.

«Как новенький будет»...

Кулинарная Битва

– У нас в гостях шеф-повар ресторана «Рыбный День» Артём и шеф-повар ресторана «День Сурка» Андрей! Расскажите, пожалуйста, какие блюда вы сегодня нам представите.

– Я приготовлю «Рыбу по-мальтийски», – ответил Артём и свысока оглядел соперника.

– Я буду готовить свиные отбивные «по-русски»! – высказался, приподняв бровь публике, Андрей.

Был встречен бурными аплодисментами.

– Старт дан! – воскликнул ведущий и хлопнул в ладоши. Поединок начался.

– Я бы не сыпал столько перца в рыбу, – скользнул взглядом Андрей.

– Можно перебить вкус натурального свежего продукта, – было сказано уже на камеру.

– Я бы не тратил время, давая профанские советы, а занимался бы своим блюдом, – железным тоном ответил Артём, подготавливая сковороду.

– Я бы не хамил и не сыпал столько перца в рыбу, – с нажимом парировал Андрей, отбивая мясо.

– А мясо вообще вредно, тем более, что на гарнир у Вас картофель! – не отрываясь от приготовления блюда, спокойно ответил Артём.

– Вы рыбу недочистили, как я заметил, а уже масло разогреваете! Жарить, по-Вашему, полезно?!

– А с чего Вы, коллега, если Вас так можно назвать, решили, что я рыбу жарить буду? Я слегка припушу, а вот Вы, как раз и будете жарить!

– А почему это Вы решили, что я буду жарить, – мгновенноотреагировал Андрей, вспомнив про камеры, – я буду тушить.

– «Свиные отбивные по-русски»! – цинично хохотнул Артём, орудуя ножом.

– Откуда тебе, еврейская морда, знать про «отбивные по-русски»?! – вспыхнул Андрей.

Публика замерла, ведущий и режиссёр были в восторге.

– Я – армянин, ты – малоросс! – вскипела восточная кровь в Артёме, вместе с маслом на сковороде.

– Это я «малоросс»?! Это ты мало рос, зато вырос такой нос! – нанёс

удар Андрей.

Публике показали, что нужно взорваться аплодисментами, и она немедленно взорвалась. Артём забыл про масло и рыбу и повернулся к Андрею.

– А в глаз?!

– Чего?!

– Шас как в рожу маслом получишь, узнаешь, – у Артёма резко выскочил кавказский прононс.

Андрей сперва побледнел, потом резко покраснел. Голыми руками схватил кастрюлю с кипятившейся водой и брызнул в Артёма. Артём отскочил, хотя Андрей недобрызнул, обжёг руки и пришёл в ещё большую ярость. Схватив кусок мяса, он ринулся на Артёма. Артём получил острую пощечину свежей отбивной. В глазах Артёма тускло сверкнула сталь ножа. Но, представив себя на нарах, Артём схватил блестящий половник. В это время, Андрей, прикрываясь разделочной доской, как щитом, профессионально наносил колющие удары десертной ложкой. Публика ликовала.

– Битва, как мы видим, из кулинарной перешла в рукопашный бой, – комментировал ведущий, пытаясь встать между дерущимися.

Масло на сковороде горело, время истекало. Ведущий был сбит с ног очередным бифштексом по носу.

– Жид! – орал Андрей, стараясь вычерпать Артёму глаз.

– Быдло, – орал Артём, искусно орудуя половником и уже пару раз достав Андрея по уху.

– У тебя масло горит, гастарбайтер! – воскликнул Андрей.

Артём резко обернулся. Сковорода чадила. Андрей ошеломлённо опустил доску, выискивая взглядом разлетевшиеся по студии бифштексы.

– Время наших участников истекло! Что они предложат нам, мы узнаем после рекламы! – отлепив от лица свинину и будучи подчищен, с улыбкой и интригой в глазах выпалил ведущий.

– Так, клоуны, быстро всё помыли и приготовили свою ботву, – тут ведущий злобно повернулся к участникам.

– Ты рыбу дочисти, а ты собери с пола мясо своё русское, дожарь, гримёры тебе сейчас ухо подправят.

Участники боя виновато окинули друг друга взглядом и резко принялись за готовку. Аудитория с интересом следила за их движениями...

Общественная литература

Так случилось, что писательница общественной литературы Мария Яковлевна Бубенцова, редактируя собственный последний роман, вдруг отвлеклась от умножения строк на деньги и зачиталась.

И, к великому удивлению Марии Яковлевны, роман произвёл на неё огромное впечатление, можно сказать, её поглотил!

«Боже мой!», – думала в перерывах между чтением, коньяком и выгулом коня Альберта Бубенцова. «Боже мой! Какая страсть, какая мука! Слова-то какие незнакомые! Я ведь получаюсь бухгалтер с филологическим образованием! Надо над этим подумать!».

Альберт пошёл рысью, и мысли спутались...

Вечера в просторной мансарде дачного коттеджа Мария Яковлевна проводила за сосредоточенным чтением. Туго подтянутые, вечно пугливо открытые глаза писательницы жадно пожирали текст.

«Боже мой! Это ничтожество готово погубить эту мою Екатерину!!! Эрнест ведь этого не перенесёт! А тут ещё и интрижка с молодежьким менеджером! Боже мой!».

Бокал регулярно пустел, сигареты сгорали, роняя обречённый пепел, часы шли.

Вернулся вечно уставший и молчаливый муж Михаил Афанасьевич. Скупо и, как обычно, вскользь поцеловав, отказался ужинать и сосредоточенной тучей уплыл в кабинет, разразившись громом неповинной двери.

«Боже мой! Какой сухарь! Эрнест ведь...», – жарко вспыхнула мысль в Марии Яковлевне, но тут же её же и окатило: «Боже мой! Что я несу?! Мой Михаил Афанасьевич – адвокат международного масштаба, телевизиорная известность! Всё в семью, ночей не спит, а я...».

А она, чтобы отвлечься от мрачных мыслей, вновь схватила со стола согретые весенним коварным солнцем листы.

С этого момента жизнь Марии Яковлевны Бубенцовой стремительно понеслась под откос, к краю бездонной пропасти, в самую пучину ада: она это видела в польских вестернах.

Мужа, Михаила Афанасьевича, оговариваясь, и, с занудной для него периодичностью, стала называть «Эрнест». На молодого мужниного секретаря начала исподволь бросать позывные взгляды, насколько позволяла пластическая операция.

«Боже мой! Как я жила? Словно бабочка в душном коконе. А теперь душа моя хочет полёта, любви! Этот случайный роман изменил всю мою жизнь. Я окрылена, Боже мой, я даже краснела на прессконференсе сквозь тональный крем! А Лидочку надо срочно уволить, чтобы я ещё чего-нибудь подобного не написала!».

Альберт изнывал под хлыстом Марии Яковлевны...

«Что?! Что?!», – вопил Михаил Афанасьевич, срывая с темени остатки седины. Он только что узнал об измене жены с собственным секретарём. Секретарь был рассчитан и закопан в перелеске, а Мария Яковлевна страдала и заламывала руки так, что врачи элитного посёлка носились, не покладая ног.

«Эрн... Михаил! Я ещё не стара! Во мне так много страсти! Прости! Я уже уволила Лидочку и больше не буду писать ею подобные романы! Если ты бросишь меня, я не смогу уже больше взлететь!».

«Ты уволила Лидочку?! Ты и двух слов на листе связать не можешь! Как ты будешь писать всю эту дрянь без неё?!», – шалел Михаил Афанасьевич.

«Мишенька, прости! Я верну Лидочку, только не гони меня вновь в бухгалтеры!!!».

Скандал слышали все соседи. Мгновенно получила сюжеты для популярных романов половина знакомых Марии Яковлевне жён знакомых мужей.

А назавтра были назначены съёмки в программах «Счастье Есть», «Звезда и Голубь», «Ближние и Дальние», «Мыльная История».

Мария Яковлевна и Михаил Афанасьевич помирились.

Хоккей

– Очень сожалею, но в хоккей Вы больше играть не сможете, – устало сказал доктор и принялся заполнять тощую карту.

Стилист Васильев глубоко и ошеломлённо задумался: «Боже! Как же это?! Я НИКОГДА не смогу играть в хоккей!...». Слово «НИКОГДА» плавало перед глазами стилиста Васильева словно разомлевшая слива в компоте.

– Простите, доктор... Сергей Геннадиевич... Я никогда раньше в хоккей и не играл, – Васильев прогнал сливу и глупо улыбнулся.

– И не будете! – отчеканил Сергей Геннадиевич, не поднимая головы от карты.

Стилист Васильев снова задумался. Вернее, что называется, “ушёл в точку”.

– Отрыв мениска – это штука серьёзная. Вплоть до ампутации, если запустить... – донеслось до Васильева, и он вздрогнул, услышав страшное «ампутация».

– Простите, ампутация чего? – промямлил он, побледнев.

Доктор поднял на Васильева строгие глаза.

– Вы, молодой человек, с позволения сказать, допрыгались. В Вашем возрасте уже пора от шалостей побережся. Я Вам как врач говорю и как мужчина. Между нами. Бросайте всё и уезжайте немедленно отдыхать.

«Бред какой-то!», – почему-то даже радостно подумалось стилисту Васильеву.

– А что делать с мениском?

– Ну, я же сказал! Забудьте о хоккее, носите давящую поддерживающую повязку, либо наколенник. Если через месяца два улучшения не наступит, немедленно ко мне. Прооперируем. В крайнем... повторяю, в крайнем случае, оперативно ампутуруем.

Васильев, вновь услышав страшное слово, вздрогнул.

– Что, простите, ампутуруем?!

– Ногу, молодой человек, ногу. Выше колена, чтобы уж наверняка. Этак аккуратненько, даже и не заметите. Как комарик укусит, – доктор добро и успокаивающе посмеялся, блестя очками-телевизорами, и снова застрочил в карте.

– Я, простите, не увлекаюсь спортом. Хоккеем в частности, – выдавил Васильев, прочистив непослушные связки.

– А зря, молодой человек, зря! Вам физические нагрузки не повредят. Вон у Вас животик какой наметился уже, в Ваши-то 35! А лишний вес – это и сосудики, и сердечко, и общий тонус, знаете ли...

Васильев уныло опустил глаза на слегка нависающий над ремнём живот.

– Я спортом не увлекаюсь... – безнадежно и глухо произнёс стилист Васильев.

– Главное – никакого хоккея! Забудьте, забудьте навсегда. Искушениям не поддавайтесь. А то, знаете, друзья там всякие, уговоры, мол, пойдём, брат Васильев, погоняем шайбу! Отказывайтесь. Ссылайтесь, на что угодно. Вам ещё жить да жить!

Доктор помолчал пару секунд.

–...Да-с. Жить да жить! А без ноги-то, какая Вас полюбит?..

Васильев ощущал некоторую невесомость, словно во сне.

– Я женат, мне нужды нет, чтобы меня кто-то полюб... полюбилвал более, – вслух обозначился Васильев, следя за проворной ручкой доктора.

– Ну и тем более! Скажет, всю жизнь тебя любила с двумя ногами, а с одной не желаю! – доктор поднял глаза на ошалевшего стилиста Васильева. – А если тебе твой хоккей дороже меня, то и оставайся со своей ногой один на один! Вот так и скажет. И дверь хлопнет, только и видели!

– Что Вы привязались к хоккею, в самом деле?! – вскричал обескураженный Васильев. – И в мыслях никогда не было! Я и на коньках-то не умею кататься, меня укачивает! А колено повредил, на полу зеркальном поскользнувшись! Пол у нас в салоне зеркальный!

Доктор строго глядел на стилиста Васильева.

– Что это Вы, молодой человек, разбушевались?! Здесь Вам – не баня и не стадион, однако! На трибунах можете горланить, а здесь – увольте!

Доктор поставил точку в конце неразборчивого предложения, захлопнул карту и подвинул её Васильеву.

– Следующего пригласите! – обиженно бросил Сергей Геннадиевич.

Васильев резко поднялся, ощутив тупую боль в колене.

– Странно, доктор, всё это! – торжественно заговорил стилист Васильев. – Вы – сумасшедший, и даже говорите какой-то бред! Разве

можно из-за какого-то мениска живую ногу отрезать?! Это... абсурд!

Доктор откинулся на спинку кресла, скрестил на белоснежной груди пухлые руки.

– Я тебе, сукиному сыну, не то, что ногу, башку отхвачу за всю российскую сборную и клюшку вставлю вместо! – прошипел вдруг Сергей Геннадиевич и начал медленно подниматься.

Васильев страшно закричал и бросился к двери. Но ноги его словно увязли в липкой жиже: бежалось тяжело и не стремительно.

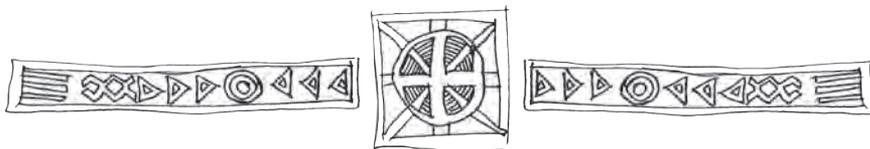
Затылком он вдруг ощутил жаркое дыхание доктора и краем глаза заметил блеснувшую на солнце сталь. Васильев снова страшно закричал...

Нападающий Васильев проснулся и ощупал колено. С вечера он задумал два дела: сходить в парикмахерскую и к доктору. Ничего из этого он не сделал...

ДТП

- Итак, Вениамин Сергеевич, излагаем всё чётко и ясно.
- Спасибо, господин лейтенант. Девушка в красном “Ниссане” совершила наезд на мою правую руку.
- Какого пола была девушка?
- Извините, что?..
- Пола какого была девушка?
- Ну, естественно, женского...
- Путаетесь в показаниях, Вениамин Сергеевич!
- В каком смысле?!
- Ну... Девушка, женщина...
- Откуда ж мне знать, кто она на самом деле?!
- Может, это был мужчина?
- Это невозможно, потому что, совершив наезд, девушка женского пола оставила транспортное средство марки “Ниссан”, и, покинув место происшествия, скрылась в неизвестном направлении в сторону вон того вот супермаркета.
- Свидетели происшествия имеются?
- А все свидетели, собственно, нас и окружают.
- Хорошо. Протокольчик подпишем.
- С удовольствием. Только, лёжа и левой рукой, мне не очень удобно. Извините...

Непознанное. Контакт.

Гражданин Российской Федерации Миша Прохоров мужественно, с грамахом, с плясом и визгами официанток, пропил пол-аванса.

Теперь же он, мерно колышась, стоял на углу кафе в морозной ночи и пытался ловить такси. Мише становилось холодно. Его раскрасневшаяся от букета крепких напитков физиономия реяла на ветру как флаг. В кармане холодела предусмотрительная чекушка. Мишу не сажали.

Борясь с зудящим желанием вернуться в тёплый, навеки пропахший «Мясом по-французски», сортиром и табачным дымом уют «Чаровницы», Миша одиноко и невкусно закурил.

Вдруг из-за угла мягко выплыл серебристый, похожий на спортивную машину, объект.

Миша замахал рукой, как шлагбаум, и даже принял заградительную позу. Объект бесшумно остановился, и пронзительно белый луч, ослепив, втянул Мишу внутрь.

– ***ля, ну и «дальний» у тебя, командир! – панибратски хохотнул прозревающий Миша Прохоров, – Софьи, суки, Перовской, 14. Пья... пятный портрезд! Да не ссы ты! Деньги есть!

Он ощутил движение и начал вглядываться в шофёра.

– Чё зелёный такой? Херово со вчерашнего? Я после синьки на смену не выхожу, ни-ни! – Миша грозно помотал грязным, пахнущим «Оливье» пальцем перед огромными раскосыми глазами водителя.

– Грлы-грлы, – отреагировал водитель. У Миши он двоился, троился и переливался.

– Ааа... Поняатно. Гастарбайтер. По-нашему ни бельмеса, ***ля... – разочарованно протянул Прохоров Миша и отвернулся туда, где должно было быть окно. Окна не было.

– Ну и тонировка у тебя, командир! Менты не тормозят? – Миша весело заржал, радуясь собственному остроумию. Затем затих и криво огляделся. Вокруг мигали и переливались какие-то огни, светились какие-то непонятные экраны. Бензином не пахло, и двигателя было ну совсем не слышать.

– Командир, что за тачка-то? – с уважением выговорил Миша.

– Брлм, – донеслось до его мясистого пунцового уха.

– БМВ, что ли?! Так и говори, ***ля! – понял, что с шефом поболтать

за жизнь не удастся, Миша откинулся в кресле и закрыл глаза. «Откуда, ёптть, у народа бабло такое? Напокупают дорогих тачек, а потом таксуют ночами», – медленно и беззлобно затухало в пьяном сознании. Миша Прохоров уснул.

Проснулся он, ощутив вокруг себя движение. Разорвав веки, Миша спросил, как мог:

– Приехали, что ли, командир? – и полез в карман.

Тут он заметил, что водила мечется по просторному салону, что-то нажимает на панелях и беспрерывно и жалостно курлыкает.

Миша Прохоров ощутил лёгкую вибрацию и странноватый запах. Прямо перед заплывшими глазами искрило и потрескивало.

– Нууу, ***ля, началось! – недовольно запрокинулся Миша. Голова гудела и треск с искрением раздражал невыносимо. Прохоров нащупал чекушку, смачно приложился, занюхал рукавом, прослезился, утёрся.

– Да не егози ты, щас разберёмся, – огромной трудовой лапой он ухватил водилу за тощее плечо и вмял в кресло. – Худой какой! Не служил?..

Шеф замахал двоящимися руками перед Мишиным носом и снова заголосил журчащими звуками.

– Щас поправим, не очкуй, гастарбайтер хренов! – задорно отмахнулся Миша и голыми лапами полез в панель.

Водитель затих и накрыл огромные глазищи зелёными конечностями.

– Ну, етить твою, у тебя тут бардак! – орал Миша, периодически озаряемый вспышками и ударяемый какой-то странной, приятной даже, энергией. – Наматают всякой херни, потом всё коротит на ***уй! Кто ж так делает?! Руки бы поотрывать!!!

Наконец, озарившись последней, самой яркой вспышкой, Миша захлопнул щиток на панели и потёр руки:

– Есть контакт, ёптть! Если Миша сделал, то Миша сделал, как надо! – Миша пьяно и довольно залился просторным смехом, – чё дрожись, чурка зелёная? Заводи, ***ля!

Миша руками показал, что нужно заводить и ехать. Дрожащей рукой водила нажал что-то на чём-то, и снова Миша почувствовал движение.

– Ну вот! – гордо бросил он шефу, – понаедут, тачек дорогих понакупают, простой народ оберут, ***ля, а потом спасай их ночами, сука!

В этот момент почувствовалось мягкое торможение, Миша вновь увидел зелёное, с огромными глазами лицо:

– Приехали, чтоль? – и сунул шефу скомканную «пятихатку».

– Курлы, грлы, – ответил водила.

Снова ослепительный луч, и вот Миша на морозе.

– «Курлы», ***ля... – он махнул рукой, – про контакт не забывай, мудила!

Налетевшая метель скрыла объект, сорвала шапку с мишиной головы и растрепала невымытые волосы. Миша огляделся и выматерился. Опять холодно, опять один. В чужом районе, ***ля...

Боец и враги

Один боец отбивался от врагов. Сначала он отстреливался. Когда у него кончились патроны, он начал разбирать винтовку и бросать во врагов запчасти. Когда винтовка кончилась, он начал бросать во врагов камни. Когда закончились камни, боец начал срывать с себя одежду и бросать её во врагов. Но скоро кончилась и одежда. И тут враги сказали:

– Он дурак какой-то, ну его в пень.

И ушли.

Рыцарь круглого стола

Чудовищная история

– Головку держим пряменько, не шевелимся. Чуть-чуть правее. Подбородочек чуть повыше...

– А улыбаться можно?

– Не стоит. Процедура, всё-таки, официальная.

– Хорошо. Я нормально стою?

– Да, да. Только давайте не разговаривать, мне сосредоточиться трудно.

– А может мне как-нибудь по-другому встать?

– Нет, ракурс хороший. Глаза, кстати, можете закрыть, если желаете.

– Как это? Зачем же, неестественно как-то получается. Тем более, что мне интересно.

– Ну, как пожелаете... Так, подбородочек не опускаем... Готовы?

– Да, вполне.

– Ну, с Богом...

Зарисовка называется “Расстрел”.

PRIVATE

ЛЕГОК НА ПОМИНЕ

ПРОЗАИЧЕСКОЕ СМЕШНОЕ

Рассказ о том, как из искры возгорелось пламя

Приехало Пушкину письмо:

«Саша! Мы тут с господами офицерами собираемся произвести переворот. То есть, Батюшку-Царя убить, полки распустить, а самим срочно в Париж или куда-нибудь на воды. От тебя требуется “гений парадоксов друг”».

Пушкин задумался. Арина Родионовна принесла кружку, с которой веселей, но Александру Сергеевичу веселей не стало.

«Как бы не было беды», – подумал «парадоксов гений» в голове у гения.

– Это ж какая смута будет, – завывла всепроникающая Арина Родионовна и поставила вариться картофель.

– Да, уж. Из одной искры целое пламя возгорится! – молвил Александр Сергеевич, счищая скорлупу с апельсина.

За окном выла вьюга.

Когда пламя возгорелось, Пушкин бросил апельсины в печь, которая с веселым треском горела, заказал санки, и, не чая ничего худого, предался бегу нетерпеливого коня.

Потом декабристов повесили...

Но это было позже. А пока Александр Сергеевич, или лицо, похожее на Александра Сергеевича, мчалось по утреннему снегу, хрустело навстречу утренней Авроре.

И вдруг, неожиданно для испугавшихся, из чащи леса выскочил заяц.

– Ну, на хрен, – подумал Александр Сергеевич, – что, я не видел, как декабристов вешают? Тем более, что Пестель мне должен!

В результате всего этого безобразия Пушкина отравила Арина Родионовна, а про Дантеса все наврали. Кому он нужен, ваш Дантес?!

Курлы-курлы

– Здравствуйте, дорогие слушатели программы «Берёзонька». С вами я, её бессмертный ведущий Андрей Демертьев.

Не вспоминай.

Не вспоминай того, что было плохо,

Того не вспоминай, что было хорошо,

Не вспоминай людей по имени Алёха,

Не вспоминай фамилию Моржов,

Не вспоминай плакучей ивы слёзы

И журавлей курлы-курлы не вспоминай,

Не вспоминай российские берёзы,

Не вспоминай семнадцатый трамвай,

Не вспоминай окраины деревни,

Не вспоминай, когда пасётся где-то конь,

Не вспоминай косяк избушки древней,

Не вспоминай соседа Рябоконь.

– На днях вышел сборник моих новых стихов, одно стихотворение я уже прочёл только что, оно включено в мой новый сборник, который совсем недавно вышел. А у меня в гостях, вернее, не совсем у меня, а у нас с вами, дорогие слушатели Берёзоньки, моей программы, выдающийся поэт, музыкант, путешественник, в недавнем времени и писатель книжек для детей и взрослых, многими любимый ещё с детства поэт и замечательный музыкант, гость нашей программы Виталий Кукукин. Здравствуйте, Виталий!

– Здравствуйте, Андрей! У меня сегодня праздник своего рода. Сегодня у меня родился очередной сын, тоже Ваня, и эту песню, которую я хочу сейчас вам спеть, я посвятил моей супруге Катерине Самсоновой и Валентине Марковиной.

Не забывай.

Не забывай далёких деревенок,

Не забывай церквушек на холме,

Не забывай плакучих ив сплетенья,

Не забывай, как будто не во сне,

Не забывай коров на выпасе зелёном,

Не забывай берёзок белых хоровод,

Не забывай, как под ветвистым клёном,
Не забывал ты русский свой народ.

– Какая замечательная и глубокая песня, Виталий! Совсем недавно у меня вышел сборник моих новых стихов «Журавлиная песнь» Андрея Демертьева, и вот эта ваша песня, вернее, слова из неё, до боли перекликаются со стихотворением «Не покидай», которое вошло в мой сборник.

Не покидай.
Не покидай родные холмогоры,
Не покидай родимые места,
Не покидай поникшие заборы,
Не покидай реки, где плещется треска,
Не покидай ты юности горячей,
Не покидай летящих журавлей,
Не покидай родимый край, иначе
Покинешь то, что больше всех родней.

– Какие красивые строки, Андрей! Я вот сейчас вспоминаю, как мы с вами, да и, наверное, со многими нашими радиослушателями, когда-то в детстве босоногими мальчишками и девчонками бегали по росе среди белоснежных берёзок, пили свежее парное молоко прямо из-под коровы, слушали пение бабушки, которая при свете лучины ткала искусные половики. И приходит на ум песня, которую я посвятил нашей родной русской деревне. Она так и называется: «Родная русская деревня».

Родная русская деревня.
Родная русская деревня.
Я так далёк, а ты всё так близка.
Твоим напевам я уже не внемлю,
Умчалась прочь уж юности весна.
Родные избы и родные ивы,
Берёзки, сосны, нивы и поля:
Вы мне родны и искренно любимы.
Ольха, ирга, крыжовник, тополя,
Колосья хлеба, пашни, буераки,
Леса, овин, телеги, журавли
И старый пруд, там, где зимуют раки,
И Волга, по которой ходят корабли.

– Вот очень образно Вы про корабли упомянули в Вашей песне, Виталий! Сразу думаешь, а как вот живут простые люди там, в нашей российской глубинке. Ведь это мы с Вами, как и многие наши слушатели, стали городскими жителями и сквозь городской шум уже и не слышим, как шумят берёзы, как пролетают журавли...

– Вы правы, Андрей. Вы вот не поверите, а я однажды вышел из подъезда своего дома и вдруг заметил во дворе, в самом уголке берёзку. И вот сердце прямо сжалось, подошёл я к берёзке, обнял и простоял так до вечера. И Вы знаете, родилась песня.

Берёзка.

Во дворе, средь бетонных коробок,

Средь асфальта, железа и грязи

Проросла чередой берёзок,

Пыльный двор мой собой украсив.

А над ними вдруг клин журавлиный

Прокурлыкал, крылами махая,

И периною пух тополиный

Опустился, меня укрывая.

– Вот такая коротенькая песня.

– Зато какая глубина, сила! Я с Вами не согласен, Валентин, и думаю, что наши радиослушатели с Вами не согласятся, что она короткая! Кстати, современные ведь авторы, мнящие себя поэтами, вся эта, так называемая, молодёжь, забывают порой, что «кратость – сестра таланта». Позволю себе прочесть своё новое стихотворение, которое так и называется – «Кратость».

Кратость.

Кратость – сестра таланта,

Кратость присуща немногим.

Легко уличить дилетанта,

Откуда растут его ноги.

Он чурается русской деревни,

Призывает он клин журавлиный,

Избегает укладов он древних,

Потому как не краткий, а длинный.

– Удивительно мудро прозвучали Ваши последние строки! А ведь и вправду, длинный он, длинный. Растекается по дереву, а о сути, о сути он и забывает.

– Вы правы Виталий. Но, что-то мы взяли уж очень грустную ноту с Вами.

– А я вот прямо сейчас исправлю положение! Хочу спеть юмористическую песенку, думаю, нашим радиослушателям она давно и хорошо известна. Песенка про бетон.

Песенка про бетон.

Я бетон, я замешан с цементом,

Потому и зовусь я бетоном.

И горжусь вот таким я моментом,

Что могу стать высотным я домом.

– И все вместе!

Я бетон, я бетон,

С виду серая грязная жижа.

Будет дом, будет дом,

А над домом повиснет крыша.

– И все вместе!

Я бетон, я бетон,

Пум-пурум, бом-бом-бом!

–Хахахаха, Виталий! Сейчас, наверное, многие наши радиослушатели хохотали до слёз. Знаете, порой в нашей жизни не хватает такого вот чистого, искромётного юмора! Но, что-то мы с Вами расшутились, поэтому я прочту стихотворение, чтобы немного вернуть нас в колено передачи.

Не уходи.

Не уходи, когда шумят берёзы,

Не уходи, когда шумят дожди,

Не уходи, когда трещат морозы,

И летом знойным ты не уходи.

Не уходи, когда умрёт надежда,

Не уходи, как призрачный туман,

Не уходи, когда последняя одежда,

Не уходя, ложится на диван.

Не уходи под клином журавлиным,

Не уходи, постой, не уходи.
Не уходи своей дорогой длинной,
Не уходи, не уходя, не уходи.

– И на этой ноте хочется, как и многим нашим слушателям, попрощаться с Виталием Кукукиным, нашим прекрасным атором-песенником, пожелать творческих успехов и новых встреч у нашей «Берёзоньки»!

Курлы-Курлы - 2

– Добрый день, дорогие мои радиослушатели программы «Берёзонька»! Снова с вами я, поэт и ведущий программы Андрей Демертьев. Спешу сразу представить вам, дорогие радиослушатели, гостя сегодняшней программы – поэта-авангардиста Ивана Засадникова. Но, прежде чем мы начнём нашу беседу, хочу поделиться печальной новостью: на моей родной земле мне отказались поставить памятник. И добавлю, даже захудалую улочку не соизволили соплеменники по перу назвать моим именем. Вот такая у нас, поэтов, нелёгкая судьбинушка! Здравствуйте, Иван!

– Здравствуйте, Андрей! Полностью разделяю Вашу скорбь, поэтому посвятил Вам эти строки:

Ты памятник себе раздвиг неруконогий,
К нему не истечёт толпа народа.
Но если ты хочешь навеки прославиться,
Намотай на него свои яйца.

– ... Гм... Очень оригинальное стилистическое решение, Иван.

– Спасибо, Андрей!

– У нас в гостях, напомним, поэт-авангардист Иван Засадников. Позвольте вопрос, Иван, есть ли в Вашем творчестве что-то близкое к тематике нашей программы?

– Конечно, Андрей! Стихотворение «Берёзы».

– Прекрасно, Иван!

– «Берёзы».

Берёзы стоят, не колышатся
На зазеленевшем холме.
И что-то такое мне слышится,
Слышится что-то во мне.
Ведь даже у белых берёзок
Бывает пол.
Но спросите любого зайца,
Где у мужика-берёзы яйца?!

–... Вы не устаёте нас удивлять своими оригинальными формами, Иван! Но нам показывают, что время нашей программы истекло.

– Вы ошибаетесь, Андрей! Я вижу часы и то, что в аппаратной все

куда-то скрылись.

– Дело в том, Иван, что сегодня, к сожалению, у нас короткий эфир.

– В таком случае я позволю себе прочесть последнее стихотворение, «Журавли».

– Прекрасная тема, Иван! Тем более, что из аппаратной нам пальцем режиссёра показывают, что время ещё, как это и не странно, но есть.

– Спасибо, Андрей!

– «Журавли».

Журавли покидают родину.

Многострадальную родину.

Печальным летят они клином

Над какими-нибудь Тверью и Клином.

И летят ведь к каким-то китайцам,

Прощально махая яйцами.

– Иван, прошу прощения, есть ли в Вашем творчестве иная тематика?

– Конечно, Андрей! Совсем недавно приступил к теме космоса.

Позвольте прочесть стихотворение, совсем свежее, «Звезда». По мотивам А. Толстого «Аэлита».

– Просим, просим, Иван!

– «Звезда».

– В огромных пространствах космоса

Горит такая далёкая,

Такая горит одинокая,

Такая меня зовущая

П...

– Ээээ... Прошу прощения, дорогие радиослушатели, но по техническим причинам мы вынуждены прервать наш эфир. С вами был Андрей Демертьев и программа «Берёзонька»!

Муза

Долго ждал Музу. Скрёб висок авторучкой, глядел на белый лист и ждал, ждал, ждал... О её приходе-прилёте названивали заблудившиеся в голове фразы.

И вот она прилетела. Настроила лиру и... Я наступил случайно ей на крыло. Извинился и, переминаясь от неожиданности, наступил так же и на лиру. В ужасе отпрянул и сел на её баян.

Муза прижала обе пухлые свои ладони к губам, ждала.

– Простите, – промямлил я.

– Да ничего, – высоким голосом актрисы Соловей пролепетала Муза и зажмурилась.

– Я неловок.

– Да нет, это я была неловка.

– Да что Вы! Вы ловки!

Муза зарделась и растворилась. Смоталась.

Вот и доверяй теперь всякой имманентности. Уж я тебе устрою, когда вернёшься!!!

Креативный Гоголь

«Редкая птица долетит до середины Днепра», – написал Гоголь и блаженно откинулся в кресле. «Хороша строка! Редкая птица...». Вспомнил Днепр и закурил. «Да уж, редкая... Хороша строка. И поэтична, и отражает масштаб события. Редкая птица... Редкая».

Внезапно что-то заставило насторожиться. Сгорбился над столом, тонкими пальцами откинул прядь со лба. «В чем дело, что-то не так... Днепр широк, птица, конечно, перелетит, и большие расстояния покрывают, но что-то не так. Ну да, поэтично. Птица летит, типа. Днепр широк и все такое». Окурок обжег пальцы. «Твою мать! Редкая птица долетит». Вдруг обожгло мозг мыслью. Жалом коварным пронизало все естество. «РЕДКАЯ!!! То есть какая-то все же долетит!».

Снова откинулся в кресле, заложив руки за голову. В мыслях проносятся родные места. Птицы. «Редкие... е-мае!!!». Вскинулся Гоголь, заходил по комнате. «Редкая! Это что ж значит?! Редкая, это, типа, которой в нашей полосе не водится?! Ооох, москальская мовь!!! Значит, наша не долетит, а именно “РЕДКАЯ”-то и долетит!!! Павлин точно не долетит... Страусы вообще не летают. Реедкая... Так красиво было... Редкая птица... Вот уродство». Закурил и не заметил, как выкурил сигарету.

«Не поймет издатель... Потону в объяснениях “не всякая”, “не каждая”, “некая”». Тряхнул головой, отгоняя пошлость и дурновкусие.

Гоголь схватил черновики и, скомкав, предал их огню. На столе остался лежать лист, в конце которого виднелась строка «Редкая птица долетит до середины Днепра».

Холодный ветер хлестнул по щекам... «Гулять и думать... “Редкая” долетит, дрянь, до середины... Не каждая. О! Не каждая, не всякая... Это близко! Не всякая птица». Гоголь остановился и сказал сам себе: «Не всякая, всякая, слово-то какое поганое: “всякая”. Язык вываливается. Всяка бяка долетит до середины Днепра!».

Мимо со свистом и гиком пролетела тройка с лихачом, обдав снежным вихрем.

«Редкая, значит, долетит до середины, а наша-то может и перелетит... Все не о том. Это ж метафора, образ. Надо легче мыслить. Надо процитировать потенциальному читателю...». Заложив руки за спину и опустив голову на грудь, двинулся Гоголь к будке полицейского.

Уверенно постучал. «Скажи-ка, братец, как тебе такая фраза: «Редкая птица долетит до середины Днепра»... Поставой тупо смотрел на Гоголя, хлопая красными от водки и недосыпа глазами. «Ну-с?», – требовательно спросил Гоголь. «Нее, барин, редкая точно не долетит. Да и откуда у нас редкие-то?! Разве только в шапито да зверинцах...». С окаменелым лицом, плотно сжав побелевшие губы, Гоголь молча положил в толстую ладонь поставоного рубль и зашагал в ночь.

«Быдло! Стоит придумать восхитительную вещь, и все... Неужество растопчет, попреет, обсмеет...». «Редкая не долетит... Ворона долетит!». Широга Днепра, размах крыльев... Теперь Гоголю представлялись только: длинный павлиний хвост над Днепром, ибо размаха крыльев, и вообще птицу эту в полете над Днепром даже гениальное сознание представить было не в силах...

Как известно, Гоголь был не в себе. А все вероятно, из-за того, что иной издатель и читатель просто не образован. Так гибнут поэты.

«Редкая птица долетит до середины...».

В овсах

Подражание писателям-почвенникам

Отец нещадно драл Митьку за малейшие провинности. То двойку принесёт, то косу не выправит, то корма курам не задаст. Митька отца любил, но боялся. Будучи выпоротым, Митька бежал в овсы и прятался там, куда отцовский гнев не утихнет.

Когда же Митьке исполнилось шестнадцать, отец решил отдать его на работу в совхоз.

– Батя, – спросил Митька, – а кем мне итить работать? – и тут же получил звонкую затрещину.

Мать всплеснула руками, выронив ухват.

– Последний ум у дитятка вышибешь, ирод!

– Ничего, ему ум и не нужен, – прогремел отец, – трактористу ума не надобно. Сноровка нужна и трудолюбие.

Митька побежал в овсы и крепко задумался. Так Митька стал трактористом.

Работа спорилась, на Митьку весь совхоз не мог нарадоваться. Не раз молодой и работающий тракторист отмечался грамотами за хорошую работу.

Вечерами Митька сидел в овсах и думал.

Скоро пришла Митьке пора жениться. Невеста была девка хоть куда. И стать, и брови: всё при ней. На свадьбу собралось всё село. И вдруг Митька испугался страшно, сам не зная чего. Рванул со свадьбы в овсы. Невеста, Эльвирка, рыдала и рвала фату. Митька боялся и рыдал в овсах.

Когда драка утихла, Митька побежал к Эльвирке и упал в ноги. Эльвирка же, конечно, Митьку простила. От счастья, свалившегося на дурную Митькину голову, тот бросился в овсы, где его догнала Эльвирка.

– Примяли овсы, – отдышавшись, прошептал Митька.

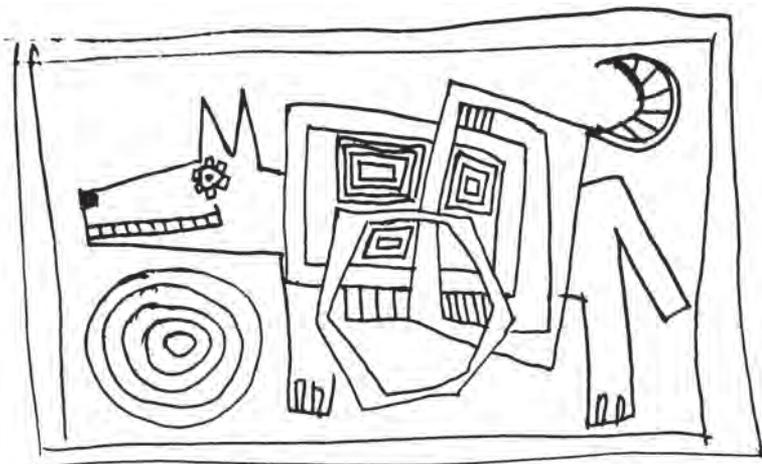
– Дурак, – с беззвучным смехом отозвалась Эльвирка и хлопнула Митьку по лбу тёплой ладонью.

– Дурак, – согласился Митька и откинулся навзничь.

Над ними висело необъятное звёздное небо с Ковшом Медведицы. Овсы пахли пряно и тягуче.

– А я тебя давно уже заприметила в овсах, – вдруг прошептала Эльвирка.

– Да ну! – встрепенулся Митька слегка ошалело.
– И давно уж, – томно прошептала Эльвирка, шлёпнула Митьку по лбу, рассмеялась белозубо и почти мгновенно уснула на его плече.
Овсы колосились.

Иногда бывает
Индюк заедает
Собака замычит
Как Иван Семёнович...

Новый год накануне революции

Псевдоисторическое вранье. Набросок.

Комната освещена ровным сумеречным светом знаменитого абажура. Тикают старые ходики. За окном воеет снежная буря и измождённые царизмом пролетарии.

А в комнате тепло. До Нового Года осталось полчаса.

Ильич, по привычке беспокойной, меряет комнату шагами в такт ходикам. Феликс Эдмундович мрачно курит в креслах, читая “Искру”. Надежда Константиновна и галантный Свердлов хлопочут по столу. Прислуга распушена на улицу.

Ильич нетерпеливо смотрит на часы.

– Промедление смерти подобно! – ударяет кулаком по столу, посуда взвякивает, все вздрагивают.

– Володенька, имей такт. Гости ожидают, и ты обожди.

– Когда под окном в морозную ночь слышен стон голодного пролетариата, а у меня горят трубы, не время ждать!

Дзержинский, поверх газеты:

– Действительно, Надежда Константиновна, херня получается и контрреволюция...

Надежда Константиновна укоризненно смотрит поверх пенсне:

– Мальчики, что за моветон?! Осталось пятнадцать минут, тогда все и чокнемся.

Свердлов игриво расставляет приборы и бутылки, с иронией посматривая на соратников. Ленин вдруг замирает посреди комнаты.

– Тогда я иду работать! Работать! Каждая минута теперь дорога! Товарищи, я в кабинете!

Удаляется в кабинет, закрывает плотно дверь, прислушивается. За дверью звон посуды, шелест газеты. Всё своим чередом.

Ленин быстро встаёт на четвереньки и шарит под диваном. Нашупывает, откупоривает, припадает, запрокидывает и видит прямо перед собой сапоги Дзержинского. Замирает, глотает судорожно. Не вкусно. Прошло трудно.

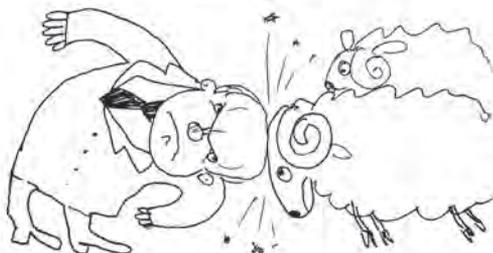
– Революция, Владимир Ильич, в одно рыло не делается!
 Дзержинский берёт у Ленина чекушку и прикладывает. Ленин
 поднимается и быстро отряхивает брюки.
 В комнате Надежда Константиновна заводила рояль. Свердлов
 сладострастно вскрывал бутылки.

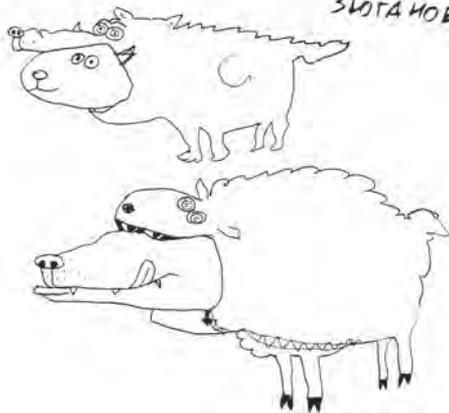
ПРИЗРАК
 КОММУНИЗМА

ГЕННАДИЙ ЗЮГАНОВ СОСВЯЗКОЙ БАКАНОВ

ЗЮГАНОВ И СТАДО БАКАНОВ

Ленин на субботнике

Воспоминания современников

В.П. Луцетин:

– Он со своим бревном к нам подошёл. Давай, товарищ, мы тебе поможем! Да нет, говорит, мне не тяжело. А тут фотограф! Ну, мы и пристроились.

М.И. Божий:

– Да висел он. Ногами земли не доставал. Боты, говорит, жмут: подвезите, товарищи. Ну, чего ж хорошего человека не подвезти! Цепляйся, товарищ, говорим. Спасибо, говорит, товарищи, мне вон до той кучи. Картавый, вежливый такой. Думали, еврей, а он Ленин...

Л.Д. Клароцеткина:

– Я ещё подумала: такой чистенький товарищ, в кепке и галстук, а в мусоре копается! Потом под бревно попал и к смоле прилип. Так его и понесли в чистку.

П.П.Прягников:

– Шпион он был австрийский. В бревне у него была типография запрятана, чтоб жидовские прокламации печатать. То-то тяжёлое такое! Там свинцу пудов двести было. Из этого свинца он потом пулей наотливал, чтобы комиссаров опальных расстреливать!

Неизвестная бабушка – очевидица. Возможно, Акулина Игнатьевна Шторц:

– Колоду он себе про мурзалей пёр. Хилый был, махонькой. Мужики его пожалени, да домовину понести подмогли. Чего это у тебя там, батюшка, плещется, спрашивают. А он прям прилип к домовине-то своей: мёд там, говорит, липовый. Как помру, положут меня в меду, в мурзалее, прям посреди площади на обозрение людям, чтоб память о мне была. Мужики-то колоду сбросили от греха. Сам, говорят, неси домовину свою, бес! Плюнули ему на плешь и пошли восвояси. А он утёрся шапкой, да и домовину свою сам дальше попёр.

Л.И. Мяс:

– Всё неправильно на картинах рисуют. То он спереду, то сзади, то в пинжаке, то в жалетке одной, то с бантиком, то в сапогах. Ничего этого не было. Бревно было, то факт исторический. А то, что он то бревно нёс, то неправда! Крутился под ногами, тяжело, говорит, товарищи, но это только поначалу, а потом будет легче. А мы бревно-то подняли, да комлем ему и саданули. Нечаянно. А неча под ногами юлить, когда субботник. Так на фотокарточке он и стоит присемши, за бревно схватившись. Не за... портки же ему хвататься было на всю-то площадь!

У.К. Дыдло-Громштейн:

– Сперва Ильич встал в главе колонны на построении. Комиссар оказался из бывших и Ленина не распознал. Иди, говорит, коротышка, в хвост и не мешайся. Ильич немедленно пристроился в хвост колонны. Комиссар скомандовал: напраааа-во! И все строем направились обедать.

Допустим, это фонарь.
Может ли фонарь управлять
государством? Ответ на
этот вопрос очень и очень
прост. Может. Во первых,
он будит освещать улицы
и путь к этой улице уже
всегда впереди светит.

ЭТО ДОМ. МОЖЕТ ЛИ ДОМ
УПРАВЛЯТЬ ГОСУДАРСТВОМ?
Хрен его знает...

ЭТО МУСОРНЫЙ КОНТЕЙНЕР
МОЖЕТ ЛИ МУСОРНЫЙ КОНТЕЙНЕР
УПРАВЛЯТЬ.....

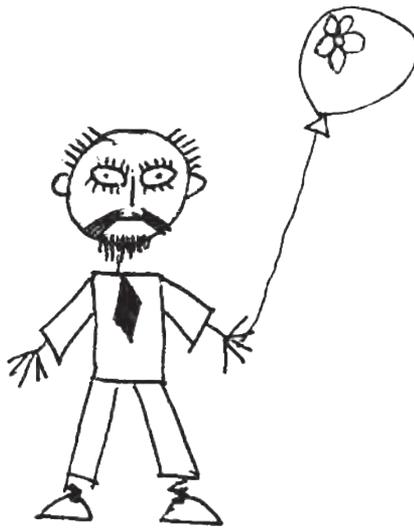
ЭТО ДЕВОЧКА МАША.

МОЖЕТ ЛИ ДЕВОЧКА МАША
УПРАВЛЯТЬ ГОСУДАРСТВОМ?
ДА! ЕСЛИ ОНА СТАНЕТ
КУХАРКОЙ!

МОЖЕТ!

ТЕПЕРЬ

ЭТО ДЕДУШКА ЛЕНИН.
ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ УПРАВЛЯТЬ
ГОСУДАРСТВОМ, ЕМУ НАДО
СТАТЬ КУХАРКОЙ.

Пионер

Поймали проклятые буржуины пионера. Схватили за красный пламенный галстук, разорвали на плече белую рубашу, отняли носовой платок и спрашивают злобно:

– А ну-ка отвечай, пионер, страшную тайну. Почему, когда у вас кликнут, так у нас откликается, как у вас запьют, так у нас подхватывают, что у вас скажут, над тем у нас задумываются?

Побледнел пионер, но только рассмеялся им в лицо. Еще больше разозлились буржуины и спрашивают:

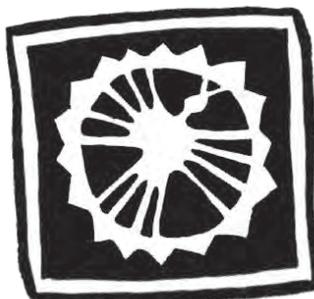
– А ну отвечай, почему дед бил-бил, не разбил, баба била-била, не разбила, а мышка бежала и хвостиком вильнула?

Но только побледнел пионер и рассмеялся им в лицо.

Долго бились проклятые буржуины, но так и не вывели страшную тайну.

Отпустили тогда они пионера и долго смотрели ему вслед.

А он все шел, все бледнел и смеялся им в лицо.

Истории из цикла «Федор»

Вещий сон

Снится Федору сон.

Стоит посреди комнаты стол. А на столе – чай с пирогами. И идет Федор к пирогам, руки вытянул, хочет взять, тут подламывается половица, и летит Федор в погреб.

Упал, видит: стоит посреди погреба стол. На столе – чай с пирогами. И идет Федор к пирогам, руки вытянул, хочет взять, а тут доска сверху – хватъ Федора по башке.

Проснулся Федор, огляделся – темно. Опять заснул, видит сон: стоит посреди пирога чай, в чаю – Федор, руки вытянул, хочет плыть, а тут стол сверху – хватъ Федора по башке.

Проснулся Федор, огляделся – темно. Страшно стало Федору, натянул одеяло, опять заснул. Видит сон: посреди комнаты – стол. На столе – доска с половицей. Идет Федор к доске, руки вытянул, глаза зажмурил, вдруг опять по башке что-нибудь стукнет. Подходит к столу, берет доску, а это не доска вовсе, а супруга Федора – Анастасия Макаровна, – трах Федора по башке!

Проснулся Федор в ярости, одеяло сорвал, в одной рубаше во двор выскочил, побежал в сарай, взял топор и назад. Положил топор под подушку. Руки разметал и заснул.

И снится ему: стоит посреди комнаты стол, на столе – пироги с топором, и идет Федор к пирогам с топором, руки вытянул, хочет взять, а сверху – чай на бошку!

Заорал Федор, проснулся, огляделся, замолчал сразу. Темно, страшно. Отвернулся к стене, спит: стол, чай, пироги. Идет Федор к пирогам, руки вытянул, а тут сверху Анастасия Макаровна с топором в пироги бах!

Взвыл Федор. Вскочил, изрубил подушку, топор в стену врубил, смотрит, а уже утро. Вышел Федор завтракать.

Стол посреди комнаты. На столе – чай с пирогами и Анастасией Макаровой. И идет Федор к столу, руки потирает.

А ТУТ ДОСКА СВЕРХУ – ХВАТЬ ФЕДОРА ПО БАШКЕ.

Стихи

Вышел однажды Федор утром на крыльцо, зевнул – и вдруг смотрит: красота-то какая! Роса на траве серебрится, коровы на лугу пасутся, солнышко светит!

Федор назад, в избу. Схватил карандаш – и давай стихи писать! А они не пишутся.

Сидит Федор за столом, глаза горят. Карандаш грызет. Думает...

Сгрыз карандаш.

Новый достал. Думает: «Что вижу, о том и писать буду». Смотрит, куры во дворе пасутся.

Обрадывался Федор!

Я вижу кур и...

Я кур увидел...

Увидел кур я...

Я, мать твою...

Сгрыз еще один карандаш.

Вдруг входит Анастасия Макаровна с коромыслом, Федора увидела да ласково так и заорала:

– Тоже, Релмонтов нашелся! Карандашей не напасешься!

И нежно Федора по уху потрепала коромыслом.

Убежал Федор за сарай и думает: «Ну их, эти стихи! ОДНИ УБЫТКИ!».

КОНЧИЛИСЬ ПОКА ИСТОРИИ ПРО ФЕДОРА.

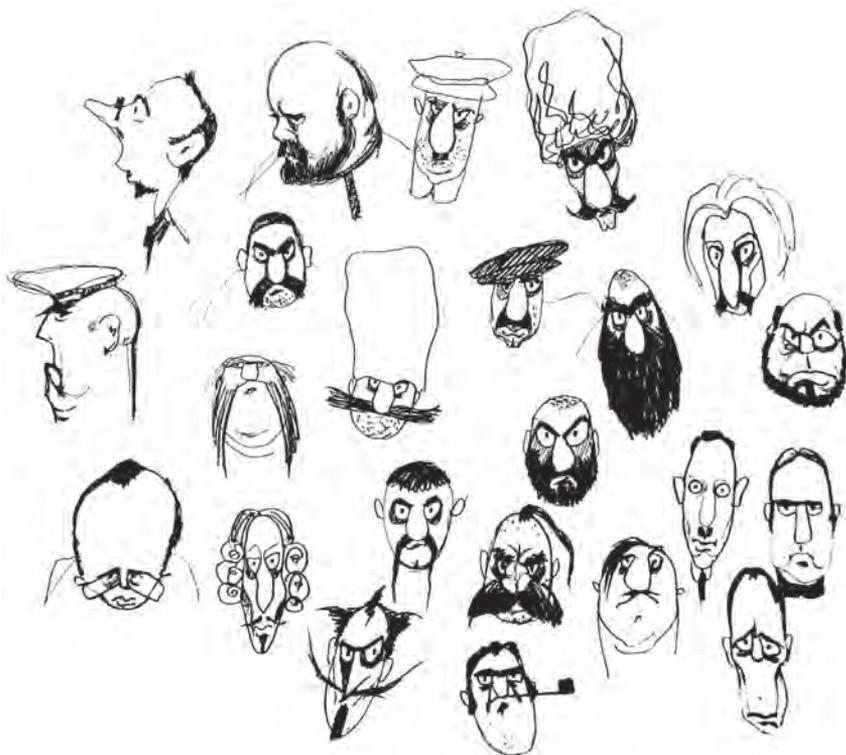

Картофель

Народная белорусская быль

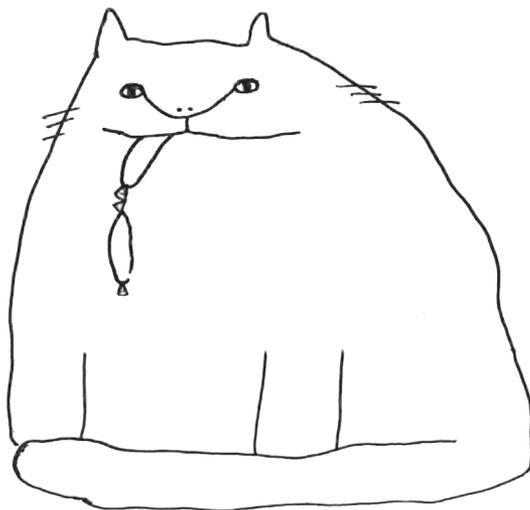
- Это что?
- Картофель...
- А почему много-то так?!
- А как же его мало может быть, когда у нас его отродясь много!
- Да ты знаешь, что нам за это быть может?
- А что за картофель быть-то может?
- Суд, тюрьма!
- Почему?!
- Ты картофель видал?
- Ну, конечно! Вот его сколькоросло!
- ...Ну, иии?...
- Что «ну, иии?» Голый лысый добротный картофель. Много его.
- Думай, что говоришь! Давай на фиг всё выкапывать!
- Зачем же добро-то губить?! Эвон его сколько! Не созрел только.
- Думай, что болтаешь! «Не созрел!» Поставят тебя к стенке – узнаешь!
- За что ж меня к стенке-то?! Я руководитель данного предприятия, у меня показатели зашкаливают!
- То-то и оно. Зашкаливают... «Голый, лысый»... А то, что на президента похож, ничего?! Когда очищен.
- Госсподи, причём тут президент?! У него и корень в фамилии от другого овоща! А тут сколько добра!
- Всё выкопать. И захоронить. Беларусь не картошкой славилась!
- А чем?!
- Русскими партизанами!
- А причём здесь картофель-то?!
- Национальная идея. Самосознание. Нельзя президентскую власть картофелем оскорблять!
- В чём оскорбление-то?
- На президента похож картофель...
- Это Ваши личные домыслы! Тогда мы все на картофель похожи! Кстати, усов у картофеля нет!

– А ботва?! Ботва-то какая.
– Так у нас у каждого второго ботва! Так нас всех можно пересажать!
А тут, смотрите, какая красотища!
– Захоронить всё!
– А репу, а редис, свеклу?!
– Всё захоронить.
– ...Лук!
– ...Однозначно.
– Что ж делать-то теперь?! Беловежье вырубить, потому что похоже?
– Ммм... Хорошая идея... Кстати, видели, как профессиональные лыжники профессионально отставали от президента? Берите пример с них. С русских партизан пример берите – умеете воевать и хитро прятаться! С белорусских партизан пример берите! Умейте хитро прятаться! А это всё выкопать и закопать на хрен. А то не дай Бог, чего...

Самый честный магазин

- У вас сосиски свежие?
- Ну что Вы! Недели две, как привезли. Сколько вешать?
- Килограммчик. С зеленцой там посмотрите...
- Они все с зеленцой, что я отбирать буду? Вешать?
- Да, и молока вот парочку вздутых пакетов.
- Только вчера вздулись.
- Ой, тогда не надо.
- Батон нарезной и пол-чёрного отпилите, пожалуйста.
- Сахара килограмм.
- Пакеты дырявые!
- А Вы в карманы сыпьте, во-во, а соль в сапоги. Сколько с меня?
- Пятьсот восемьдесят.
- А чек? Много получилось-то?
- Так я ж обвешивала!
- Ааааа! Спасибо, а я-то уж думал обманут!
- А водку брать будешь, а то после девяти дороже!
- Ой, милая! Давай пол-литра... Э! А дороже-то почему сейчас?
- А какая разница? Всё равно прибежал бы, опоздавши. Логично?
- Спасибо, ласточка, логично, логично....

Школьная зарисовка

В средней школе № 42 посреди кабинета директора на красном изможденном ковре стоит пионер Рыбкин и хмуро смотрит в окно.

В кабинете помимо Рыбкина находятся трое: сам директор Владимир Николаевич, завуч Александра Павловна и классный руководитель Рыбкина – Лидия Николаевна.

– Ну что, Рыбкин, это такое творится-то? – несколько даже нежно начала Лидия Николаевна. – Что не неделя – то прогул, что не неделя – то прогул, что не неделя – то прогул.

Лидия Николаевна удовлетворенно оглядела собравшихся. Владимир Николаевич оперся локтями о столешницу и тяжело покачал головой.

– Ты что, язык проглотил? – вскипела Александра Павловна и огласила кабинет звонким подзатыльником.

Рыбкин, насупившись, глядел в окно. Александра Павловна схватила Рыбкина за волосы и, откинув его голову быстрым и верным движением, открыла тому рот.

– Проглотил язык, засранец? – двумя пальцами завуч вынула рыбкинский язык и больно сжала.

Рыбкин инстинктивно прикусил пальцы Александры Павловны. Та взвизгнула и отшатнулась.

– Вы видели?! Этот негодяй завуча укусил.

Владимир Николаевич тяжело помотал головой. Лидия Николаевна вскочила со стула и ударила Рыбкина в ухо.

– Ну что с тобой делать, дрянь? – брызнула она слюной на Рыбкина.

Рыбкин угрюмо смотрел в пол.

– Ты не достоин носить пионерский галстук! – вскричала Александра Павловна и содрала с шеи Рыбкина галстук.

– Жри! Жри галстук!

Четкими и профессиональными движениями заслуженного педагога она затолкала галстук Рыбкину в рот. Рыбкин покорно прожевал и не без труда проглотил.

– Что будем делать? Надо наказать этого негодяя. Чтобы другим неповадно было, – залилась Лидия Николаевна. – А то ему школа уже и не дом родной!

– Расстрелять! – взвизгнула Александра Павловна.

Владимир Николаевич тяжело покачал головой.
Рыбкина увели в школьный тир и расстреляли.

ЛЕЩА!!!

У чиновника департамента железнодорожных перевозок Грушина настал обеденный перерыв. Чтобы не встречаться с сослуживцами, которые могут загрузить дополнительной работой, Грушин направился в новооткрытое близлежащее кафе «РУСЬ».

Усевшись на традиционно достчатую скамью за традиционно достчатым столом, Грушин огляделся. Половики. В углу живописно серела телега. Над телегой серели коромысла. За барной стойкой громоздились кринки, кувшины, чугуны. Под полками зловеще тускнел ухват.

Над Грушиным возникла официантка. Расписная, необъятная и пожилая, как вся наша Русь. Перед чиновным носом брякнулось меню.

«Уха по-русски», – прочитал Грушин. Озадачился. Но, глянув в проём кухни и увидев черноволосях и черноусых поваров, затих и смирился: «Ухи по-русски» и вот это вот, напоследок, ваше фирменное – «Леща!!!».

«Леща ждате надо», – равнодушно глядя поверх Грушина, ответила официантка.

«Подождём-с!», – истекая слюной, бодро пробасил Грушин.

С удовольствием выхлебав уху, обтерев рот салфеткой, Грушин, сыто отдуваясь и причмокивая, пухлым пальцем подозвал официантку: «Леща»!!!

На секунду он ослеп, услышал звук мощного подзатыльника, сотрясшего его крупную лысину, и потом осознал перед собой счёт.

«Почему так много?», – слабо спросил Грушин, прозревая и начиная слышать.

«За “Леща”!!!», – неумолимо ответила официантка.

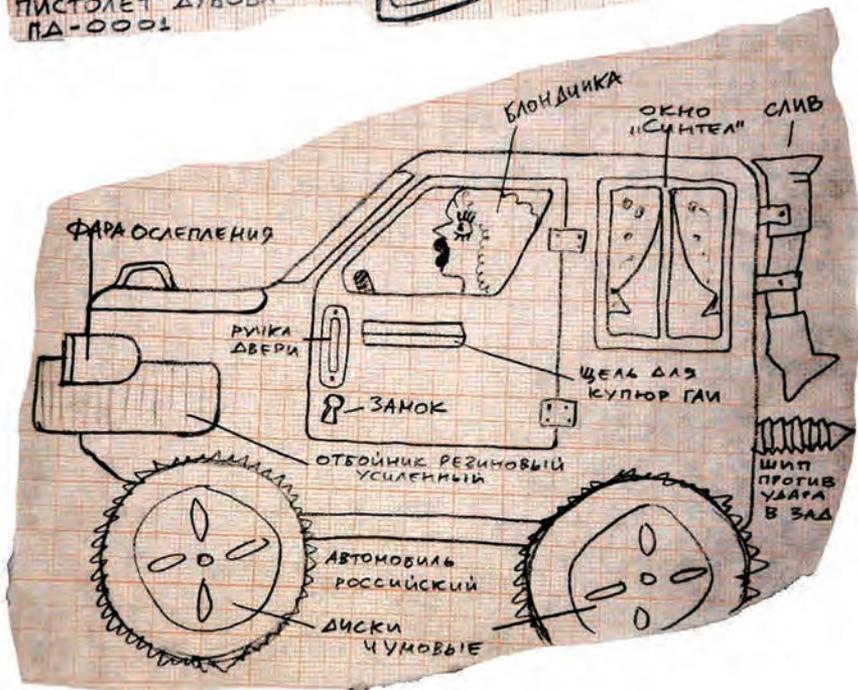
«Я думал, это рыба у вас... Можно мне леща?».

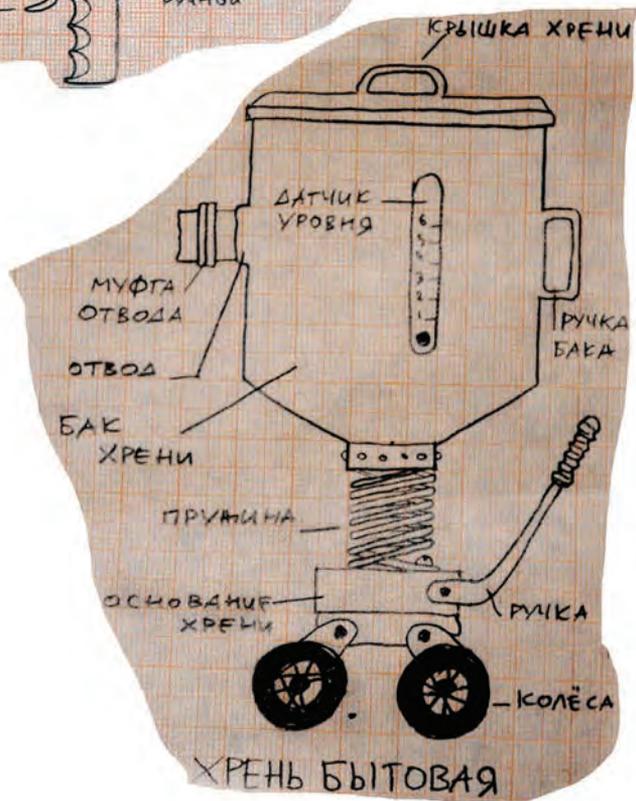
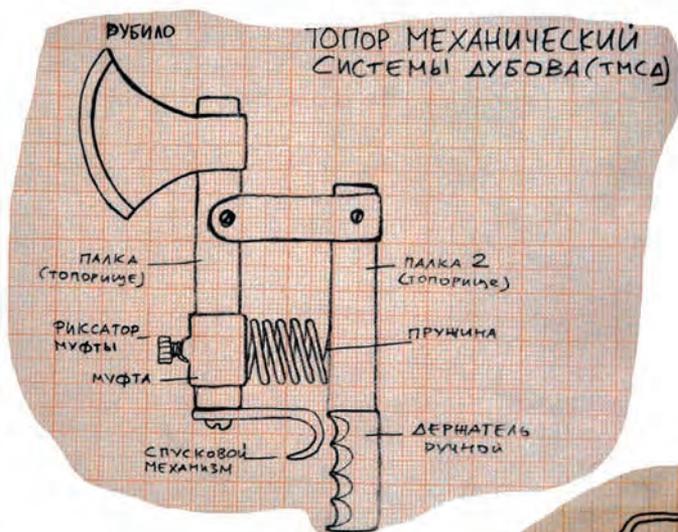
В хорошей палате Грушин, очнувшись, думал о жизни. Думалось трудно, как и всегда. В индивидуальную палату вошла индивидуальная медсестра.

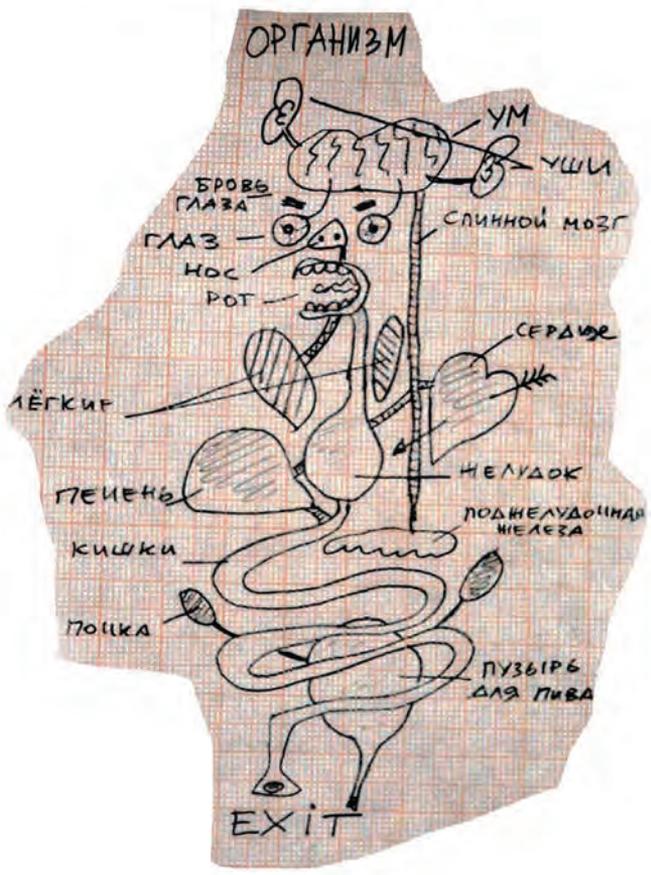
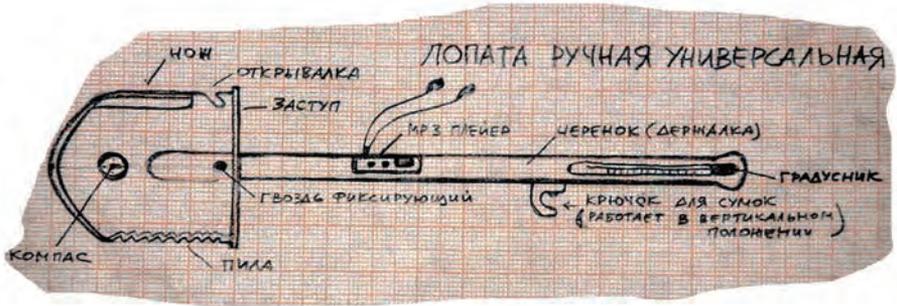
«Игорь Вадимович, у Вас ужин! Вам фосфор нужен, так что у нас на ужин лещ!».

Она грациозно поставила поднос на онемевшего Грушина и, виляя попой, удалилась.

Грушин проводил попу осоловелым взглядом, глянул на леща и пал на подушки с тяжёлой формой инсульта... Грушин выжил.

Зловонное, ядовитое и длинномерное

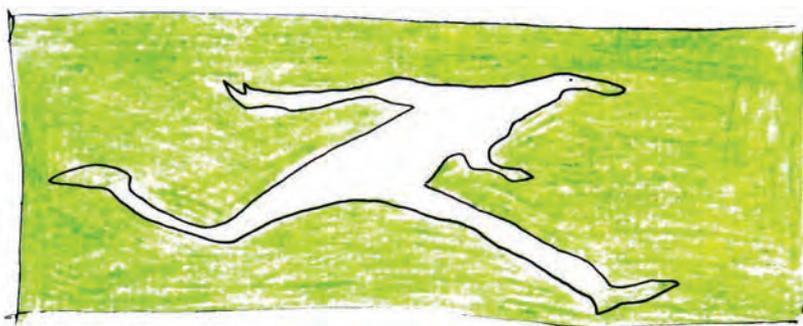
Всем известно, что в общественном транспорте ни в коем случае невозможно, нельзя, категорически запрещено, уму непостижимо вплоть до лифта и гужевых повозок провозить «Зловонное, ядовитое и длинномерное».

Васильев, к сожалению, в силу своей профессии не мог не провозить «зловонное, ядовитое и длинномерное». Пытался он пешком ходить со зловонным, одновременно ядовитым и чрезвычайно длинномерным, но быстро уставал и вдобавок привлекал внимание правоохранительных органов и народной дружины.

Общественный транспорт в этом случае, куда лучше. Одна проблема, а точнее несколько: зловонное плохо пахнет, ядовитое отравляет всё живое и неживое в округе, а длинномерное не влезает, загромождаёт проход, мешает выходу, и вообще ядовито и зловонно царапает граждан.

Бедный Васильев, в силу своей профессии, намучился... Сколько раз просил он начальство оставлять на работе зловонное, ядовитое и длинномерное, или, на худой конец, выделить этому специальный транспорт, но начальство категорически отказывало, ссылаясь на недостаток бюджета.

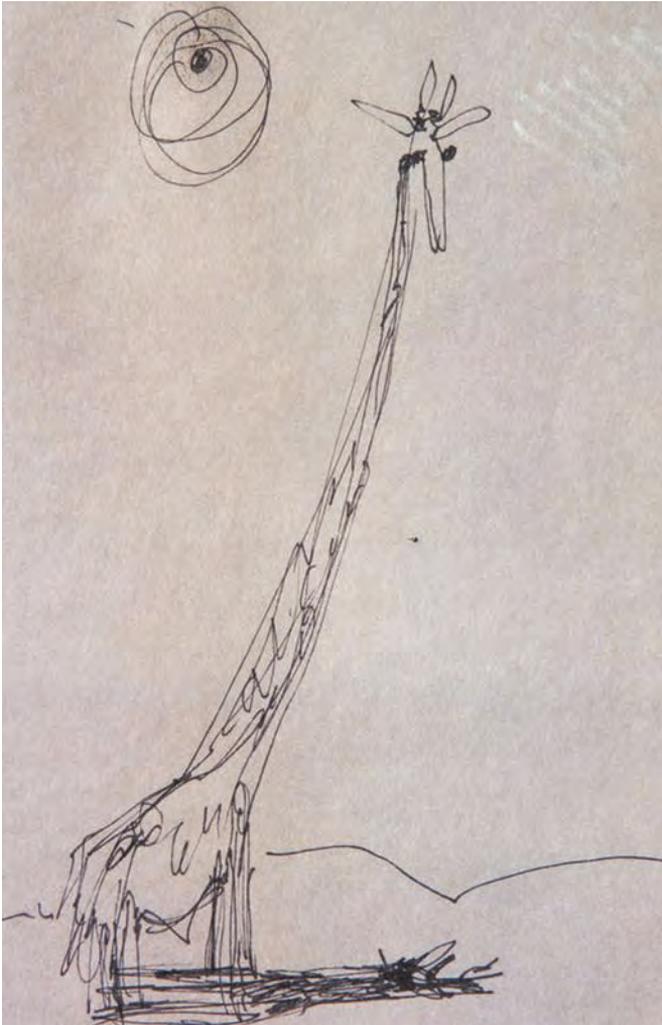
Наконец, Васильев не выдержал и притащил зловонное, ядовитое и длинномерное на работу и запер в кабинете. Поутру случилась трагедия...

Лавстори

Михаил Васильевич Штрумов и Надежда Викторовна Плять безумно полюбили друг друга на склоне лет. И было им, между прочим, по восемьдесят!

И всё бы ничего... И всё... Ничего...

История одной любви

– Я люблю экстремальный спорт, – сказав, он уронил бутылку диетической колы.

– А я читаю Кастанеду, – привычно соврала она, глядя, как он ловит убегающую бутылку.

– Прикольно, – сказал он, но никакое воспоминание не принесло в череп никакой кастанеды.

Они помолчали. Она потеряла нить разговора, а он тайком отключил мобильник.

– Научи меня кататься на скейте, – вдруг попросила она, не вполне понимая, о чём просит.

– Давай, – обрадовался он, не совсем понимая, чему обрадовался.

Понятно, что упала она сразу. Ударилась затылком пребольно. В голове гудело.

– Ой, ха-ха, я упала, – обретя дар речи, сказала она.

– Ты неправильно встала, – крикнул он издали, подбирая уехавшую доску и не расслышав её фразы.

– Придунок, – прошептала она, самостоятельно поднимаясь, отряхивая джинсы и глядя, как он осматривает скейтборд на предмет повреждений.

– Давай покажу! – крикнул он, стремительно приближаясь.

– Вау! – восторженно вскрикнула она, когда он пронёсся мимо.

– Догоняяааааай! – весело донеслось из конца аллеи.

– Фаааааак ююююууууу! – убедительно и звонко прозвучало в ответ и в обиде убежало за одиноким пивасиком.

Кондратий

– Ну, здрассссьте... – подумал Кондратий, когда увидел перед самым носом щенка. Причём ясно услышал оборванным в многосложной жизни ухом: «На, Кондрат, воспитывай!».

– Воспитаю, воспитаю, не вопрос... – Кондратий брезгливо оценивал щенка, самозабвенно производящего на полу лужу.

– Эээх! Всему учить надо псину!

– Что ж ты лезешь ко мне, собака? – Кондратий уж было занёс над щенком когтистую лапу, но вовремя остановился. Щенок лез обниматься и играть. Пушистый Кондратий казался ему большой и мягкой игрушкой.

– Мать твою! Ну ладно, грызи меня, мелочь! Я тебя ещё научу людям в тапки ссать!

– А интересно! Тёплый, только шустрый. И имя ему не дали. Будет Мурзик.

Кондратий, в обнимку с Мурзиком, басовито мурлыкая, засыпал.

– Твою-то мать!!! Кто тебе позволил жрать из моей миски?!... Да ладно, жри уж теперь... Лужи за тобой ЭТИ уберут. Хватит цепляться! Пойдём, покажу как ЭТИМ в обувь ссать. Сиди и не цепляйся! Первым делом нужно аккуратно пристроиться и мочить так, чтобы было сперва не заметно. Но если ссать в дорогие ботинки из хорошей кожи или хорошей ткани, запах будет... век не забудешь!!! Да отцепись от меня, собачатина!!! Далее, хрень эту из лотка надо раскидывать, как можно дальше. Хотя тебе это не потребуется. Тебя на улицу таскать будут. По часам. Если что, ори, я рядом буду. Недавно Ротвейлеру морду набил, дураку... А независимость от ЭТИХ, малец, надо заслужить! Во, правильно! Сри под дверь!!! Когда войдут, красиво размажется. Они умиляются, думают, что мы не соображаем ни хрена. А стоит на коленки запрыгнуть, помурлыкать... тебе, псина, хвостом повилать и поскулить... и они – твои.

Кондратий с Мурзиком слегка повозились, профессионально написали в хозяйские тапки и мирно уснули, обнявшись.

Неславянская внешность Львов

Сценка в участке

- Бабы...лев..
- БОбылѐв. Лев.
- Лев, Бабылѐв...
- БОБОБОБО!!! – дайте я сам запишу!
- Не хватайте ручку, гражданин!...Бобы...
- Лев!
- Меня Ваши знаки зодиака не интересуют. Имя!
- Лев! Бобылѐв Лев. Лев Бобылѐв! Лев я.
- Аааа... Понятно... Бобылѐв, значит, и лев.
- Что понятно?!
- Ваш лев, Бобылѐв, где?
- Что?!
- Дрессировщик? Льва потеряли в пьяном виде! Стыдно!
- Я – это Лев Бобылѐв!!! Я – Лев, Лев – я...
- Ах вон оно что... Значит Вы, Бабы...лев, левы?
- Да имя у меня Лев, а то, что паспорта нет, так не обязан же я его с собой повсюду таскать!
- С таким именем обязаны. Мало-ли что...
- Может, хватит? Лев, я, Бобылѐв.
- Бабы, Лев, до добра не доводят...
- Да я случайно в участке оказался. Паспорта у меня не было, забрали как кавказца, а я
- По папе фамилию получил. Мама у меня – Бернштейн. «Берн» – не знаю, что такое, а «Штейн» – камень по-еврейски! По-немецки похоже на – «Стоять!».
- Ага... Левый Лев, да ещё и с камнем... Поняаятно....
- Что понятно?! Я БОБЫЛѐВ! Бобыль – вдовый значит!
- Вдовый лев?
- Нееет!!! Бобылѐв от слова «Бобыль», что значит: «Вдовый», то есть «Баба была»!!!
- Ааааа... Значит были, всё-таки бабы?
- ... Я еврей. Жену и деток своих люблю. Лицо у меня на великого

русского арапа Пушкина в профиль похоже. Поэтому меня и скрутили!
Пушкина бы сюда! Он бы Вам устроил!

– Пушкин – другое дело... А Вы, гражданин... Бабы... Лев какой-то...
Ладно, вот пропуск, идите в утро. Пушкина поблагодарите за профиль.

– Спасибо... Не забуду. До сви... Прощайте!

– Да пожалуйста!... Тэк-с... Лев Левашов! Проходите, присаживайтесь.....

Кнопки

Лифтёрное

– Ты чё творишь?! Чё ты творишь-то?! Тебе брюки с рукавами надо покупать! И рукава эти хотя бы засучить. Электричество тебе – не это! Как ***анёт, сразу руки все отвалятся отовсюду!

Диэлектрические перчатки, диэлектрический коврик. Напряжение огромное. Как в электрическом шкафу, так и в сознании. Только в сознании не бывает деревянных палочек, размыкающих контакты. Это я лифтёр.

Олехов в шляпе и потен. Не без пиджака. Весь такой с портфелем. Наличествует галстук. Туфли начищены женой неделю назад. Выражение лица соответствует портфелю, пиджаку и туфлям. Короче, орёт.

– Ты подымай его! Где вас таких рОстят?

Известно где, в художественном училище. И руки растут из плечей, а не оттуда, куда указывает Олехов. Ой, ой, ой! Про деревянные щепки он не знал?! Как будто сам не заставлял Шамиля Баймурзина спящим, стоя, в электрическом шкафу, выжившего чудом именно благодаря щепкам.

«Подымай!»! Да подыму, не вопрос. Обожаю лифт с момента обучения на лифтёра. «Лифт – это стационарное грузоподъёмное устройство, движущееся по жёстким прямолинейным направляющим, угол наклона которых к вертикали составляет (вот здесь забыл) хрень какую-то градусов». У направляющих УГОЛ НАКЛОНА присутствует!!! Спросил у инструктора: «А если угол наклона больше будет?». Он пару секунд подумал и ответил на полном серьёзе: «Тогда, это уже будет трамвай».

Олехов кому-то звонил телефоном. Он вообще разговаривает исключительно с претензиями. То есть ором. По-другому он не умеет. Хрен знает, где прошли его розовое детство и трепещущая прыщавая юность, но получился человек, утверждающий себя за счёт перманентного оранья на подчинённых.

Хорошая штука – лифт! Запертый между этажами Олехов в шляпе и потен. Не без пиджака. Весь такой с портфелем. При наличии галстука. В туфлях, не имеющих никакого значения в данной ситуации.

Орать он перестал через десять минут. Начал просить. А механики – на обеде! То есть пьют в своей конуре. Какое мощное оружие – лифт!

Одно нажатие одной кнопки, и начальник превращается в мокрую мышь. Особенно при наличии клаустрофобии. Обожаю лифт!

Он угрожать пытался. Он реально не понимал, что я могу просто уйти и больше не появляться. Я другого поколения. И, вообще, я рок-н-ролл вдобавок играю, на меня децибелы действуют успокаивающе.

Олехову пришлось плохо. Плохо зависеть от подчинённого и зависнуть в вонючем лифте между вонючими этажами серой девятиэтажки. Ну, можно, конечно, пинать двери кабины. Можно беспорядочно тыркать оплавленные гопотой кнопки. Петь можно. Плясать не рекомендуется. Стихи сочинять можно. Можно и нужно подумать над смыслом жизни. Можно и нужно.

Меня хотели оставить дежурить в Новый Год. Эти люди реально не задумывались, что я просто могу не придти. Я могу, что угодно сотворить, пока под рукой есть кнопки. А кнопки есть везде.

Как умирала надежда

Школьный хоррор

Зеленов был обижен. Зеленов был зол. Зеленов был голоден. Зеленов хотел домой.

Зеленов был двоечник. Зеленов был оставлен после уроков...

Сначала Зеленов с унылой обречённостью подумал, что подержат полчаса и отпустят, но сидел он уже глубоко во вторую смену.

Когда прошли первые 45 мин., и Зеленов услышал звонок, он вяло закрыл тетрадь и понёс через класс Надежде Викторовне, преподавательнице русского и литературы. Надежда Викторовна была пряма, суха, безулыбчива, неопределённого возраста женщина.

Надежда Викторовна с искусственным удивлением посмотрела на Зеленова:

– Куда это ты собрался?! Ну-ка на место, открыл тетраточку, и переписываем... ммм... «Бежин луг».

Внутри Зеленова лопнула давно натянутая и уже перекрученная струна. Лопнула звонко, просадив весь зеленовский позвоночник, от чего Зеленов осел и задохнулся от безнадёжной ярости.

– Любишь с горки кататься, люби и саночки возить, – с удовольствием изрекла Надежда Викторовна, чиркая красным в чьей-то тетради.

Зеленов побрёл к парте. Зеленов открыл учебник, но букв не видел. Он думал об уютном запахе квартиры, вкусном обеде, который он лично и с наслаждением разогреет...

Новый звонок вывел его из оцепенения.

– Сиди, сиди, – певуче произнесла Надежда Викторовна, не поднимая головы.

Зеленов похолодел.

– Надежда Викторовна, я переписал... – обречённо соврал он.

– А теперь пиши: «Я больше никогда не буду прогуливать уроки Надежды Викторовны». Пишешь ровно, аккуратно и без ошибок. Будут ошибки, начнёшь заново... Дрянь...

Когда Зеленов плёлся домой, то уже не чувствовал голода. Одно безразличие, отупление, ощущение нереальности.

Надежда Викторовна засиделась допоздна.

Она чувствовала глубокое удовлетворение от чисто женского поступка. На Зеленове она отыгрывалась регулярно за свою неудавшуюся жизнь. Спешить ей было некуда, семьи у неё не было. Жила она с престарелой матерью. Когда Надежда Викторовна, что называется, «перезрела», она стала во всём похожей на мать, переняв сварливость, злопамятность и перманентное чувство презрения к благополучию.

Тихонько скрипнула дверь в класс. Надежда Викторовна вздрогнула и близоруко начала вглядываться во тьму поверх настольной лампы.

В дверном проёме мелькнула маленькая тень. Вдруг Надежда Викторовна ощутила лёгкое головокружение. Перед ней стоял Зеленов. Он был страшен. Волосы его были взъерошены, словно от электрического напряжения, глаза пусты, нижняя губа подёргивалась. В руке он сжимал металлический классный острый треугольник, именно острый угол которого был направлен на Надежду Викторовну.

– Это что ещё такое?! – преодолевая ощущение бреда, начальственно громко спросила Надежда Викторовна и протянула руку, чтобы вырвать треугольник.

Внезапно Зеленов резко отшатнулся с ожесточённой гримасой и замахнулся треугольником.

Теперь отшатнулась Надежда Викторовна. Зеленов был крайне страшен. Он тяжело дышал и смотрел сквозь Надежду Викторовну выпученными глазами.

– Зеленов, быстро успокойся, – дрогнул голос Надежды Викторовны.

– Надька, сволочь, сядь за стол! – неожиданно взрослым голосом приказал Зеленов, медленно приближаясь.

Надежда Викторовна ватно осела на стул. Ужас парализовал её. Она уже ничего не чувствовала. Пустота и сумрак во всём теле.

– Открой тетрадь, Надька, – прошипел Зеленов, треугольник дрожал в его руке, – и пиши.

Надежда Викторовна непослушными пальцами открыла классный журнал, не глядя, нашла незаполненную страницу. Не видя, подхватила ручку.

– Пиши, – шипел Зеленов, – пиши: «Никого не виню. Решение приняла добровольное. Больше так не могу. Надежда Викторовна».

Надежда Викторовна писала. Из мутных вод сознания льдиной

всплывало понимание того, что именно она сейчас пишет.

Зеленов тем временем уверенными движениями открывал окно. Верхние шпингалеты он звонко вскрывал треугольником. В класс ворвался морозный свежий воздух.

– А теперь прыгай, Надька! – страшным тихим голосом сказал Зеленов.

Морозный воздух слегка рассеял ужас. Надежда Викторовна внятно произнесла:

– Завтра в школу с родителями. С обоими. Вся семья... Нет, лучше мы все... Будешь дворником всю жизнь. В ПТУ слесарничать... – она запнулась. Снова сковал ужас.

Зеленов, спрыгнув с подоконника, держа в вытянутой руке дрожащий треугольник, двигался к Надежде Викторовне.

– Прыгай или проткну, проткну, проткну! – пронзительно заорал он.

Надежда Викторовна в миг оказалась на подоконнике. В голове пронеслось: «Третий этаж... Спасут». В зад впился нетерпеливый треугольник.

Всё закружилось, запрыгали огни, плавно приближалась ограда заснеженной клумбы.

Падение оказалось неосязаемым...

Надежда Викторовна открыла глаза. Было светло. Где-то рядом пели птицы. Под щекой было что-то жёсткое и неудобное. Она медленно подняла голову, приходя в себя. На задней парте спал Зеленов, уронив голову на учебник.

Надежда Викторовна недоверчиво огляделась. Плавно всходило солнце действительности.

Все разом чувства заколосились в груди. Надежда Викторовна слабо позвала:

– Зеленов!

Зеленов ошарашено вскинулся и с ужасом загнанного зверя уставился на учительницу.

Надежда Викторовна бросилась к Зеленову, опрокинув стул. Зеленов сжался.

– Зеленов, миленький, прости меня, прости, – учительница принялась обнимать уже выпитого ужасом Зеленова.

Надежда Викторовна плакала. Зеленов плакал.

Надежда Викторовна заботливо собрала Зеленову учебники, погладила по взъерошенной голове:

– Иди домой, иди.

Зеленов, подёргиваясь, поплёлся к двери, волоча за собой бесчувственный мешок со «сменкой».

– Володя, – тихим дрожащим голосом позвала Надежда Викторовна. Зеленов медленно обернулся.

– Завтра в школу с родителями. С обоими. Вся семья... Нет, лучше мы все... Поработаешь дворником в ПТУ, слесарем, узнаешь... – с отрешённой улыбкой бормотала Надежда Викторовна.

Бах

Жил-был вроде бы обыкновенный мальчик, как все, но было в нем одно «но». Имя. Звали его Иоганн Себастьян Бабушкин.

Родители назвали его так в конце 70-х годов, когда модно было давать детям имена «Эдуард», «Эльвира» и т.п. Рыжая тетка, регистрируя имя новорожденного гражданина, перегнувшись через стол, доверительным громким шепотом увещевала модных родителей: «Люди добрые, послушайте совета: не калечьте жизнь ребенку, назовите Ваней или, на худой конец, Эдуардом, вам забава, а ему жить...». Но гордые Иоганновы родители уперлись рогом, и большому кульку из шерстяного одеяла, перехваченного голубой лентой, суждено было войти в жизнь Иоганном Себастьяном Бабушкиным. Они были уверены в том, что имя определяет будущее человека.

В детсаду воспитательницы жалели Иоганна Себастьяна. Все звали его Ванечкой. От этого Ванечке Себастьяну Бабушкину было не легче. Наоборот, было чувство, что он что-то скрывает, что-то стыдное, что-то среди людей непроизносимое. Дети не верили, что у него имя Себастьян и Иоганн, и дружили с ним как с Ваней.

Во дворе у него друзей не было, потому что гулять Иоганн Себастьян не любил, и выходные проводил, играя в своей комнате с пластилином.

В школе товарищи дразнили Игуанодоном, учителя и врачи прятали улыбку, когда маленький, худощавый мальчик в очках серьезно произносил: «Иоганн Себастьян Бабушкин, 3-ий «В» класс», а противные девочки хихикали у него за спиной.

И вот однажды, пришел он домой из школы, бросил портфель оземь, раскидал обувь и завалился на кровать подумать о жизни и пожалеть себя. И заснул.

И снится Иоганну звонок в дверь. Иоганн бросается открывать и видит на пороге дяденьку в смешном белом парике, как у тети Светы из 24-ой квартиры.

– Дарф ман херайн? – спросил дяденька с вежливой улыбкой.

– Херайн, конечно, только мамы с папой дома нет, они на работе. Вы им записку оставьте, – Иоганн был умный мальчик.

– А я к тебе, Иоганн Себастьян, хошу с тобой поговорить. Меня зовут Иоганн Себастьян Бах.

Во сне Иоганн Бабушкин не удивился, а даже обрадовался.

– Проходите, конечно, а шапку можете здесь положить.

– Не тумай, майн хертц, што тепе одному тьяжело шифьется, – молвил Иоганн Себастьян Бах, располагаясь на тесной хрущевской кухне между холодильником и столом, – я тоше росс ф насмешках. Имя у меня опычное, с фот фамилия... Бах... это ше ушас!

– А что значит «Бах»? – спросил Иоганн Бабушкин голосом любознательного пионера из «пионерской зорьки».

Иоганн Себастьян Бах покраснел, недоверчиво посмотрел на мальчика и, наклонив свое большое, доброе, красное лицо к его очкам, сказал почти шепотом:

– Фамилия «Бах» оснатшает то ше, что и «БУХ» или «БАБАХ»!

И вот здесь мальчик Иоганн Себастьян Бабушкин громко и противно, как-то не по-детски, ЗАРЖАЛ. Прямо в лицо великому композитору. Ржал он долго, ровно и неприятно грубым сытым голосом.

– Ну, снаеш, некотный мальтшик! – вскричал Иоганн Себастьян Бах и исчез.

А Иоганн Себастьян Бабушкин проснулся от смеха уже совсем другим человеком.

Вот такая дурацкая история. Я ее выдумал из головы, чтобы кому-нибудь легче жилось.

Жизнь Коротка

Валера Короток был робким мальчиком.

Подсматривал за девочками в раздевалке, плевался из разобранной ручки в одноклассников.

Он был рыжим, близоруким и носил мужественный гипс. Гипс приковывал внимание пацанов и вызывал некое уважение. Не каждый день ломают руки! Кроме того он был «новенький».

То ли гипс, то ли природная предрасположенность к негодяйству толкали Валеру на необдуманные подвиги. С его фигурой негодяйством заниматься было удобно, но в силу комплекции и рыжести – опасно.

Он не понравился сразу всему классу. Мы к нему присматривались.

Бить его было бесполезно. У него была явная и неумеренная тяга к жизни и подлостям. Это даже восхищало!

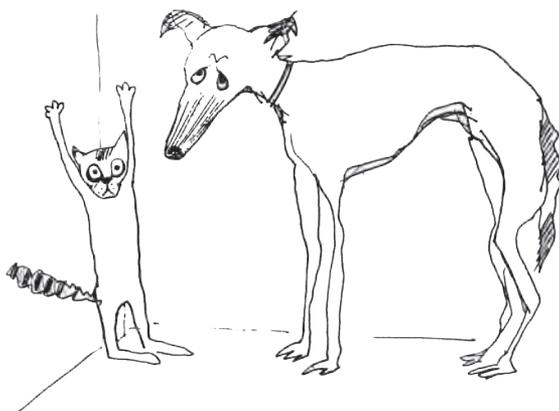
Однажды, освободив его из очередной (заслуженной, между прочим) экзекуции, я получил в ответ страшные издевательства про мои кривые зубы и т.п.

И тут же сразу Валера принял в свои... ровные и белые.

Я поднял его очки.

Я задумался... Рыжий, очкарик, гипс... А что ещё нужно было человеку подросткового возраста, чтобы отстаивать свое «Я». А точнее «В».

Я помню тебя, Валера.

Ковалёв

Ковалёв сидел в жестком синем кресле и ждал. Он ждал, когда же, наконец, его примут в этот белый кабинет, где его осмотрит ЛОР. Ковалёв держал в руках серую, не принятую в гардероб кепку и направление на медосмотр по случаю поступления Ковалёвым на работу. Ему нужно было пройти еще многих врачей, поэтому Ковалёв решил не терять время зря. До его очереди было еще далеко, он решил наведаться туда, где меньше народу: там быстрее примут. У кабинета хирурга Ковалёв остался, прикинув время и спросив, кто крайний. Контингент очереди составляли три пожилые женщины, одна неугомонная старушенция и угрюмого вида мужчина в усах. От нечего делать Ковалёв начал исподтишка разглядывать своих соседей и вдруг обнаружил, что мужчина держит в руках такие же бумажки, что и сам Ковалёв: стало быть, тоже устраивается на работу.

Наконец, загорелась лампочка над дверью, и мужчина, насупившись, вошел в кабинет. Ковалёв перекинул ногу на ногу и стал смотреть в окно. Неугомонная старушенция цеплялась к трем пожилым женщинам с вечными проблемами прорыва трубы в подвале, маленькой пенсии и дорогих похорон. Женщины ехидно переглядывались и тихо смеялись, прикрываясь направлениями.

Вдруг за дверью хирурга послышались скрип, движение, чей-то недовольный и резкий голос. Затем дверь открылась, и Ковалёв услышал: – ... направлением, а это что? Все так будут, идите, получите, я до двух сегодня.

Затем Ковалёв увидел усатого и угрюмого, который мял в руках бумажки и тоскливо слушал адресованную ему тираду.

Хирург трагично сказал: «Следующий», и удалился, возмущенный. Мужчина постоял посреди коридора, смял бумажки, потом, озаренный чем-то, быстро куда-то ушел. Ковалёв проводил его взглядом. Он не понял ситуации и остался сидеть.

Не успели женщины обсудить происшедшее, как усатый мужчина явился, держа в отдельной руке еще один, не измятый листок. Ковалёв, глядя на этот листок, почувствовал некое беспокойство и обратился к мужчине:

– Извините, я вижу, Вы тоже по поводу трудоустройства, что Вам сказал хирург?

Мужчина удивленно посмотрел на Ковалёва, обрадовавшись возможности высказаться, засопел:

– Да чё, я зашел, а он говорит, без направления не приму, иди, грит, за направлением. Я тут уже все утро, совсем, гады, совесть потеряли.

Ковалёв с мягкой, понимающей улыбкой выслушал мужчину и, почувствовав повисшую в воздухе обоюдную симпатию и расположение, сказал:

– Пойду и я за направлением, это в 19-й?

– Ага, – кивнул мужик, глядя исподлобья.

Пока Ковалёв ходил за направлением, хирург принял усатого. Они встретились на лестнице:

– До свиданья, – улыбнулся Ковалёв, – все в порядке?

– Да... – незаконченно ответил усатый и побежал вниз.

На следующий день Ковалёв сидел, ожидая приема на флюорографию, когда мимо него проходил усатый. Он кивнул в знак приветствия, Ковалёв приподнялся в кресле и тоже кивнул.

– Сюда, – смущенно ткнул в дверь флюорографии мужик.

– Да. А Вы? – спросил в свою очередь Ковалёв.

Мужик улыбнулся смущенно и махнул рукой в даль коридора

– А-а-а, – смущенно не понял, но не подал вида Ковалёв.

Они секунду постояли, переминаясь, потом, неловко хмыкнув, мужик осторожно, боясь обидеть Ковалёва начал пятиться своей дорогой, а Ковалёв наигранно и глупо захихикал и, кивая головой, занял свое место.

В этот день Ковалёв прошел последних врачей и устроился на работу. Жизнь пошла своим чередом, и Ковалёв окупился в нее с головой.

Как-то в субботний выходной день Ковалёв шел по улице, и вдруг увидел в одной из очередей знакомое усатое лицо. Лицо покупало что-то завернутое в бумагу, клало это в сумку, как вдруг заметило Ковалёва. В обоих лицах засветилось замешательство, две головы одновременно кивнули, и у обоих было ощущение, что кроме них двоих на улице никого нет. Ковалёв весь красный со смущенной улыбкой проплыл мимо мужика с усами, и в голове его стучала мысль о том, что подобные глупости могут очень быстро выбивать из колеи.

Потом они вдруг встретились в трамвае, но Ковалёв тут же отвел глаза,

как будто не заметил усатого, и они всю дорогу ехали, тупо уставившись в одну точку перед собой. Потом, когда усатый выходил, их взгляды все же встретились. Ковалёв улыбнулся и кивнул приветливо, но усатый только покраснел и сделал вид, что не узнал Ковалёва. Ковалёв страшно обиделся за то, что усатый поставил его в такую глупую ситуацию, и тоже покраснел и огляделся. Но никто его конфуза не заметил.

Потом они встретились в магазине: Ковалёв выходил, а усатый входил. Оба смущенно заулыбались, кивнули. Ковалёв даже снял перчатку, но какая-то женщина толкнула его в спину и нервно повысила голос: «Мужчина!». Ковалёв с застывшей улыбкой проскользнул мимо усатого и скрылся.

С этих пор оба ходили по улицам как охотники на тигров. Ковалёв поднимал воротник и опускал кепку на глаза, когда ходил по улицам, а усатый прятал усы в шарф, а потом совсем побрился. Ковалёв отпустил бороду, и бабки на улицах кланялись ему и осенялись крестным знамением.

Иногда они все же встречались и, конечно, узнавали друг друга, но проходили мимо, стараясь думать о своем. Обоим было плохо от того, что они оба не знали, как вести себя с едва знакомыми людьми.

Гроза

I

В городе Н назревал и пунцовел праздник Дня Города.

Бодрые с опохмела мужики в грязных апельсиновых жилетах красили урны и скамейки, периодически отбегая за тополь «догоняться». Василий, возвышенный на своём катке, укатывал гравий в раны асфальта. Словом, подготовка шла своим чередом.

В минимаркете «Люцерна» так же принимались меры. Владельцу маркета Григорию вступила в голову креативнейшая мысль, а именно переоборудовать на один день современный минимаркет в былой магазин «Продукты» со всеми атрибутами эпохи недоразвитого социализма. Вынесли все красочные упаковки в подсобки, убрали холодильники с вражеской дурманной кококолой и оставили пустые прилавки с единственной кассой и монументальными зелёными весами с перекошенными от непосильного обвешивания чашками. На оголённых витринах остались одинокий сыр «Российский», колбаса «Чайная», россыпи банок «Килька в томате», трёхлитровые банки «Берёзового сока» и прочие сопутствующие товары. Вошедший в раж Григорий царственно велел отпускать сыр и прочее по средневековым ценам, то есть по 2 руб. 20 за кг «Чайной», и бродил по магазину, излучая благодать и одухотворённость.

В это время бойкие студенты носились по кварталу и раздавали пенсионерам листовки с приглашением вернуться в молодость, то есть посетить в урочное время восставший из недр времени магазин «Продукты».

Григорий придирчиво осматривал растянутый на стене плакат «За отличное обслуживание!», как вдруг мысль в его голове переступила с ноги на ногу. Григорий замер. За прилавками стояли молодые красавицы-продавщицы и испуганно следили за переменной начальственного мурла.

– Бориинис! – срываясь на панический фальцет воззвал Григорий.

Мгновенно под мышкой Григория возник управляющий. Толстой шпикачкой пальца Григорий указал на обмерших девиц.

– Понял, – прогнусил Борис и одним жестом заставил продавщиц исчезнуть.

– Григорий Павлович, эээээ, ранее здесь продавщицей работала

Клавдия Петровна, ну, сами знаете, сейчас замзав отдела культуры, сами понимаете, конечно, можно с одной стороны, с другой стороны, конечно, сами понимаете...

– Сколько? – остановившимся взглядом мёртвого леща Григорий смотрел сквозь Бориса.

– Понял, – Борис из воздуха выловил мобильник и растаял.

Смушаясь и краснея, кокетливо похохатывая Клавдия Петровна напялила белый халат, прищипила белый чепчик и протиснулась за прилавок. Холёные пальчики с нейлдизайном скользнули по глади прилавка. Клавдия Петровна медленно осмотрелась и, ей богу, в ярко очерченном глазу блеснула ностальгическая слезинка. Григорий с умилением взирал на эту картину. Борис внимательно следил за мимикой босса.

– Всё, как прежде, – подсказал Григорий и даже слегка подморгнул глазком.

– Как прежде, – с тихой грустью прошелестело в необъятной груди Клавдии Петровны.

– А...вести себя...тоже, как прежде?.. – голос Клавдии Петровны вдруг стал крепнуть.

Через минуту Григорий Павлович и Борис с отвисшими нижними губами снизу вверх пялились на воздвигшуюся над ними глыбу. Среди надвинувшейся тишины в благоговейном ужасе металась муха. На их глазах происходило ПРЕОБРАЖЕНИЕ.

II

Открытие «Продуктов» было назначено на 15.00, на «послеобед». К этому времени у дверей выросла порядочная толпа ностальгирующих пенсионеров. Позвякивая медалями, сильно пожилые жители района обменивались последними новостями и недоверчиво поглядывали на часы.

Чья-то невидимая рука (вероятнее всего, Бориса) быстро перевернула синюю с белыми буквами табличку «Закррито» на просто синюю сторону. В толпе смешалось.

– Открылись, что ли? – недоверчиво и звонко риторически возгласила бойкая баба Галя.

Звезда района, борец со шпаной и домашними животными Михаил Васильевич деловито рванул дверь, и проём толпу поглотил.

Первые ряды замерли и упали на руки вторых рядов. Вторые попятились и прижали к дверям задних. Возвышаясь над белым прилавком, подперев весами громаду бюста, на толпу взирало ОНО. До боли свербящее знакомое ностальгическое прошлое.

Бойкая баба Галя, дальнотерко взглядевшись, охнула, закрыла рот сморщенной ладошкой и закачала головой как на поминках:

– Клавка!.. Господи, как живая...

Внезапно Клавдия Петровна как-то опала, зарделась, застеснялась:

– Ну что Вы, баб Галь, говорите-то такое... Я это.

Толпа загудела и, помявшись секунду, выстроилась в настоящую очередь. Старички облегчённо вздыхали, деловито осматривались. Пошли лёгкие стычки: «Чегой-то витрину всю заслонили, другим тоже посмотреть надо», «Ты тут не толкайся, а то я тоже щас толкану!», «Весь подол мне сумкой своей поганой обтёрла, места, что ли мало?!». Всё, впрочем, беззлобно, с удовольствием тайным.

Клавдия Петровна вновь преобразилась и воздвиглась над весами.

– В порядке очереди! Чего напираете как стадо?! В очередь, дед!

Бойкая баба Галя благоговейно взирала на Клавдию Петровну.

– Чего?! – прогремела та. Баба Галя от восторга чуть не преставилась тут же.

– Колбаски «Чайной» граммов двести, – заискивающе пискнула и пригнулась.

– Нету «Чайной»! – отвесила Клавдия Петровна, словно печать на бабкиной жизни поставила.

Бабка оторопела. Бабка искренне оторопела. Бабка оторопела реально. Очередь притихла.

– Так вот же на витрине... – прошептала баба Галя из предынфарктной невесомости.

– Сказали тебе, бабка, человеческим языком, нету «Чайной»! Чего я тебе, с витрины снимать, что ли, буду?! Не задерживай очередь! Следующий подходите!

В почти религиозном экстазе бабку Галю вынесли на свежий воздух врачи дежурившей под окнами «Скорой». На побелевших устах её играла счастливая улыбка.

Тем временем в очереди наметились беспорядки. Вдруг возник ветеран какого-то вторичного производства Сипейкин, популярный в городе магазинный склочник.

– Ветеранов без очереди! – дискомом звенел Сипейкин, порываясь и отпихивая.

– Видали таких ветеранов! Книжку покажи, инвалид! – апеллировала очередь.

– Вы мне тут не начальство, книжку вам показывать! Кому надо, тому покажу! – Сипейкин кипел и пузырился.

– Эттт я тебе щас покажу! Тут женщины стоят и ничего, а он лезет как глист!

Зелёной молнией сверкнула сипейкинская авоська, будёновской шашкой просвистела в густом воздухе, неся обидчику гибель. Всё смешалось.

III

Вечер выдался душным и влажным. Над рекой низко парили обожравшиеся шашлыка и шавармы чайки, то и дело припадая к вялой воде. Григорий и Борис решили пройтись. После многочасового отдыха в собственном элитном ресторане под коньячок и прочие вкусности необходимо было отдышаться и... отдохнуть. Время близилось к 19.00, до «Продуктов» рукой подать, отчего же не пройтись по праздничному родному городу. Они шли не спеша, дымя сигарой, беседуя о том о сём и, буквально, через пять минут приблизились к крыльцу своего малого бизнеса.

Григорий Петрович поставил ногу на ступень. Григорий Петрович со вздохом поднял своё разомлевшее тело на крыльцо. Григорий Петрович протянул увесистую руку к дверной ручке.

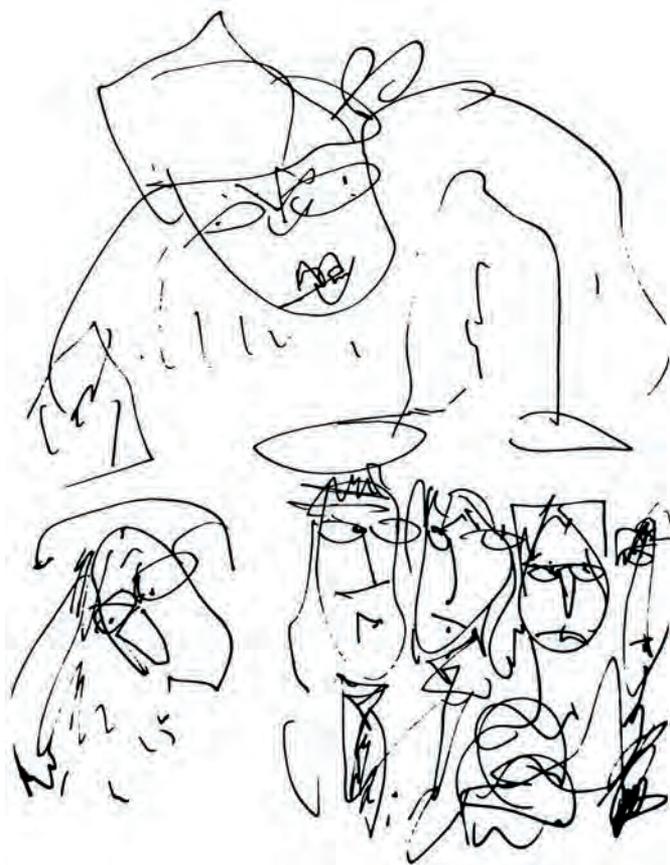
В этот момент где-то часы пробили семь. В этот момент перед обильным носом Григория Петровича синяя табличка мгновенно перевернулась, и стало «Закрыто». Над нею мелькнуло нечто похожее на как бы лицо, вроде женское. Послушная ранее дверь отказалась служить. Григорий Петрович постучал по стеклу костяшками пальцев.

Григорий Петрович постучал по стеклу кулаком плотно сжатым. Григорий Петрович бил в дверь ногой и рвал дверную ручку. То же самое, но более неумело, у чёрного хода проделывал Борис.

Внезапно что-то заслонило собой свет внутри магазина. Дверь вдруг резко распахнулась, отбросив Григория и подоспевшего Бориса на тротуар «Прадо» вверх.

– Закрыто! Написано ж человеческим языком! Чё прёте, жлобьё?! – прогремело как будто с неба, вкупе с надвисшей грозой, чёрной тучей. Дверь забабахнулась с театральной реверберацией. Отскочила и гулко прозвучала табличка «Закрыто».

Город потемнел. Над городом взорвалась гроза.

Естество

Николай решил вбить в стену гвоздь, чтобы повесить эстамп. Ударяя по гвоздю, Николай промахнулся и ударил по пальцу. Резкая боль пронизала всё его естество. Николай выронил молоток, который немедленно упал на ногу Николая, попав на большой палец. Резкая боль пронизала его естество. Потянувшись, чтобы схватиться за больную ногу, Николай ударился головой о стену. Резкая боль пронизала его естество. Николай резко выпрямился, держась за лоб здоровой рукой и балансируя на здоровой ноге. Пошатнувшись, Николай подвернул здоровую ногу, которая сразу перестала быть здоровой и низвергнула Николая на пол. Резкая боль пронизала его естество три раза: от подвернутой ноги, от падения ягодицей на пол и от вывихнутой, некогда здоровой, не ушибленной руки.

Николай лежал на полу, и смотрел на отметку, куда должен был бы быть вбит гвоздь. Резкая боль пронизывала все его естество. Поскольку пошевелиться толком Николай не мог, он стал думать. Он вспомнил детство. Катаясь на велосипеде, он часто падал, и резкая боль пронизывала его естество. Как и теперь. Но теперь Николай был не мальчишкой, и, несмотря на боль, которая пронизывала его естество, он поднялся с пола и пошел за аптечкой. Найдя йод, Николай кое-как капнул на ссадину на пальце. Резкая боль пронизала его естество... Хоть Николай и был простым человеком, но у него было естество, иначе боли нечего было бы пронизывать. А это и есть хэппи-энд.

Пять минут Валерия

Всё началось с того, что Валерий порезал палец краем бумаги для принтера. Холодная, давно свернувшаяся кровь Валерия, офисного работника, вдруг забрызгала несколько чистых листов.

«Господи, что я наделал», – опрыскала мысль Валерия. – «Меня теперь, должно быть, уволят!».

Тайком, преодолевая муки совести, Валерий использовал ещё один лист для останова тока погорячевшей от ужаса крови.

Кровь остановилась.

«Мне как-то дурно», – подумал мыслью Валерий и подошёл к окну.

«Я покинул рабочее место и подошёл к окну!», – пронеслось в Валерии, и он немедленно от окна отошёл.

Попытался работать.

Не работалось.

Нажимать на клавиши клавиатуры покалеченным органом было больно.

«Надо уничтожить испачканную бумагу в уничтожителе!», – Валерий воспрянул и даже как-то помолодел.

Придав лицу офисное выражение, он, небрежно подхватив кровавые листы, подошёл к уничтожителю.

– Что это мы там режем, Валерий? – услышал он за спиной добродушный заботливый окрик Владимира Николаевича.

Валерий обмяк и спиной почувствовал отцовски проницательный взгляд босса.

– Дайте-ка, взгляну, может, что-то и важное вдруг нечаянно поглотит уничтожитель, – добротню гаркнул Владимир Николаевич и тактично вырвал бумагу из закорюченной кисти Валерия

– Кровь, – констатировал Владимир Николаевич, внимательно глядя сквозь Валерия.

Валерий, смутно улыбаясь, щупал на столе курившего во дворике Аркадия канцелярский нож.

– Порезался случайно листом бумаги, – сквозь дымку ужаса почти произнёс Валерий.

– Покажите Вашу руку, – непреклонно прогудел Владимир Николаевич. «Кровь остановилась... Пропал», – промелькнуло в Валерии и тут же профессионально оформилось. – «А вот и рука...».

За спиной Валерий сделал резкий надрез руки. Кровь хлынула на спину, обутую в белую сорочку с нейтралитетным галстуком.

– Вот, – Валерий стоял перед Владимиром Николаевичем, и из отверстых артерий кровь неравномерно заливала лацканы Владимира Николаевича.

– Гм, – произнёс Владимир Николаевич, – сейчас же умойтесь и вернитесь к работе.

Повернув чистую широкую спину к Валерию, Владимир Николаевич отошёл.

«Спасён!», – окрылился Валерий и упал в ксерокс.

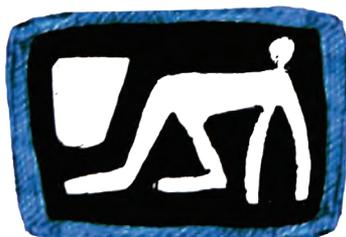
Леночка перетянула ему руку полотенцем из уборной. Саша принёс крепкого чаю. Надя побежала в аптеку купить чего-нибудь кровоостанавливающего и чебуреки. Бездушный Вадим убил очередного орка. Аркадий, перекурив, пил кофе с Жанной в кафе. Слава страдал аллергией. Ольга вообще отсутствовала третий день. Мила была мила и мылила Машу мылом дома. Геннадий пил в Твери с близорукими программистами.

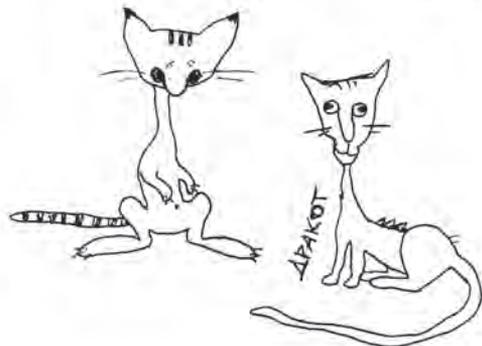
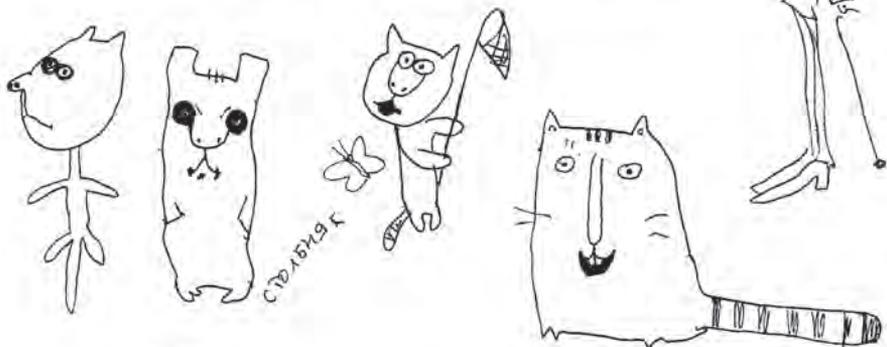
Виктора спасли.

Владимир Николаевич умер через пять лет от инфаркта.

Все жили долго и счастливо.

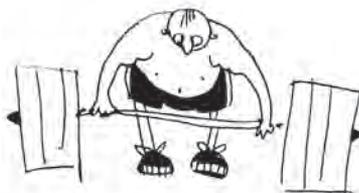
А главное, все нужны и на своём месте!

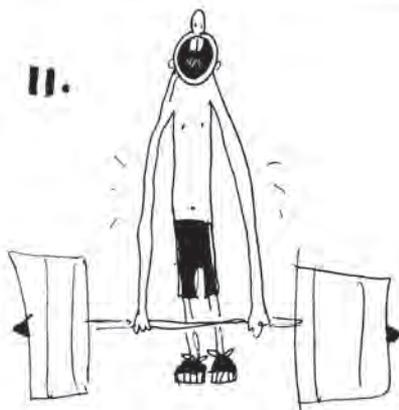

I.

II.

Последнее желание

Всеволод Сергеевич, проходя по магазину, вдруг обратил внимание на бутылку кефира. «Давно я кефира не пил», – подумал Всеволод Сергеевич и немедленно бутылку эту приобрел. Не то, чтобы Всеволод Сергеевич любил кефир, просто уж лет 20 не встречал этих белоснежных бутылок с зелеными крышечками из фольги. Воспоминания, что ли, нахлынули приятные...

Придя домой, Всеволод Сергеевич достал стакан, с меланхоличной улыбкой надавил на зеленую крышку. Густой напиток рыхлыми кусками начал выпадать из бутылки. Не наполнив стакан и на половину, Всеволод Сергеевич почувствовал затруднение в наливании. Приведя бутылку в вертикальное положение, Всеволод Сергеевич любознательно заглянул внутрь и... обмер. В недрах сосуда ясно обозначалась мокрая от кефира белая мышинная головка.

Спазм сдавил горло Всеволода Сергеевича, и он уже готов был устремиться в санузел, как вдруг голова наострила на Всеволода Сергеевича острую мордочку и открыла красные бусинки-глазки. Всеволод Сергеевич забыл про спазм и обмер вторично. Мышь, между тем, выбралась наполовину из горлышка, и, скрестив лапки на краешке, внимательно посмотрела на Всеволода Сергеевича.

«Да это форменная галлюцинация!», – с возмущением подумал Всеволод Сергеевич.

В этот момент мышь произнесла совершенно нормальным человеческим голосом:

– Добрый день, дорогой Всеволод Сергеевич. Огромное Вам спасибо за приобретение именно этой бутылки кефира! Я очень Вам за это признателен (то есть мышь оказался мужского пола).

Чувства Всеволода Сергеевича сиюминутно превратились в ленивые голубцы, а мысли – в макароны по-флотски.

– Я вижу Ваше затруднение в связи с нашей встречей, но позвольте в знак благодарности за чудесное спасение исполнить три Ваших желания, – продолжил Мышь и выжидательно уставился на Всеволода Сергеевича.

Пауза затянулась.

– Три желания. Любых, – деликатно напомнил Мышь.

Всеволод Сергеевич потихоньку начинал верить в чудеса. Уж слишком все было по правде. Макароны в голове Всеволода Сергеевича закружились испорченной каруселью. Мышь положил мордочку на лапки и терпеливо ждал, изредка слизывая набегающие на нос капли кефира.

– Миллион, – вяло шлепнулся в недрах рта язык Всеволода Сергеевича.

Мышь поднял голову и с интересом взглянул на Всеволода Сергеевича:

– Миллион, простите, чего?

– Долларов. Миллион, – более осмысленно вякнул Всеволод Сергеевич.

Мышь кивнул головкой, а бутылка чуть накренилась. Всеволод Сергеевич опустил взгляд и увидел, что под бутылкой лежит карточка золотистого цвета.

– Это карта Американ Экспресс, – пояснил Мышь несколько виновато, – миллион долларов надежнее хранить в банках, нежели в однокомнатной квартире.

Всеволод Сергеевич подивился разумности мокрого маленького зверька.

– Можно второе желание? – застенчиво спросил он.

– Конечно! – учтиво склонил головку Мышь.

Всеволод Сергеевич смущенно замялся:

– А... А можно, чтобы меня красивые женщины любили?

Мышь внимательно разглядывал Всеволода Сергеевича. Затем кивнул. Ничего не произошло. Всеволод Сергеевич разочарованно огляделся. Красивых женщин на кухне не оказалось.

– Не беспокойтесь, Всеволод Сергеевич, все уже состоялось.

В этот момент на телефон Всеволода Сергеевича одна за другой стали приходиться СМС. Всеволод Сергеевич начал лихорадочно читать «Входящие». Все, как одна, оказались от его студенток-красавиц. Все, как одна, содержали признания в бесконечной любви. Всеволод Сергеевич ошарашено отложил телефон, а СМС все поступали и поступали. Всеволод Сергеевич оживился.

– Вы можете заказать третье, – мягко произнес Мышь.

Всеволоду Сергеевичу стало не по себе.

«Последнее желание», – подумал он и содрогнулся от осознания

двойного смысла блеснувшей мысли. Мышь ждал.

– Понимаю Вашу заминку, Всеволод Сергеевич, я Вас не тороплю. Обдумайте хорошенько.

Всеволод Сергеевич лихорадочно напрягал мозг. Желания были все какие-то ненужные и глупые. Зачем-то промелькнуло: «Самолет», «Стать президентом», «Мир во всем мире». Ничего более осмысленного не приходило. Мысли превратились в фарш. Вдруг Всеволода Сергеевича осенило.

– А можно я пару дней подумаю и решу? – спросил Всеволод Сергеевич Мыша.

Мышь откровенно замялся.

– Всеволод Сергеевич, я хорошо понимаю Ваше положение, но, простите, мне несколько неудобно сидеть в кефире столь долгое время, – деликатно заметил Мышь. – Может быть, Вы вынете меня из бутылки, а то самому мне, извините, высоко.

– Ах да, простите, – смущению и замешательству Всеволода Сергеевича не было предела. Мгновенно он сморозил бестактность:

– У меня есть удобная клетка, от хомячка осталась, сейчас принесу! – и сделал уже порыв в комнату, как вдруг напоролся на изумленный взгляд Мыша.

– Простите, Всеволод Сергеевич, как же так?! Из бутылки в клетку... Я уже частично отблагодарил Вас за свое освобождение, а тут такое... как бы сказать... – Мышу было явно неловко и обидно.

Всеволоду Сергеевичу стало стыдно.

– Простите, простите! Я и не подумал, – промямлил он и осел на табурете. В голове чавкнуло: «Не каждый день с волшебными мышами жизнь устраиваешь». И взгляд Всеволода Сергеевича упал на карту Американ Экспресс, затем переполз на все еще вибрирующий мобильник. Что-то вдруг темное и дремучее всколыхнулось во Всеволоде Сергеевиче: «Удерет, уползет, ускользнет животное». Взгляд Всеволода Сергеевича заметался по кухне. Мышь испуганно следил за превращением Всеволода Сергеевича. Всеволод Сергеевич, не помня себя от страха, указательным пальцем запихал Мыша обратно в кефир и накрыл бутылку стаканом. Было слышно, как Мышь отчаянно барахтается в кефире. Всеволод Сергеевич стремительно перемахнул квадратные метры и вернулся с клеткой. Уверенным жестом перевернул клетку на бок, распахнул

дверцу, сорвал стакан с бутылки и опрокинул ее в клетку. Кефир залил стол и стал сползать на тапки Всеволода Сергеевича, но тот, ничего не замечая, трясущимися пальцами запирает дверцу. Мышь барахтался в белой кислой жиже на решетке клетки. «Теперь не уйдет», – с яростной радостью вспыхнул Всеволод Сергеевич.

Мышь, наконец, поднялся из лужи, встал на задние лапки, передние же скрестил на груди и в упор исподлобья глядел на Всеволода Сергеевича. Всеволоду Сергеевичу взгляд Мыша не понравился крайне. Мышь молчал. Молчал тяжело и угрожающе.

Под острым мышиным взглядом сквозь решетку Всеволод Сергеевич съежился и сам вдруг ощутил себя мелким и жалким.

– Ваше последнее желание, Всеволод Сергеевич, – ледяным и жестким тоном произнес Мышь.

Всеволод Сергеевич похолодел. Он вдруг осознал, что в мышинном тоне не было уже учтвого предложения, а звучал лишь короткий и четкий вопрос. Всеволод Сергеевич понял, что сейчас будет зачитан приговор.

Пальцами он вцепился в клетку и припал испуганным лицом к решетке. Ему показалось, что это он, не Мышь, сидит в клетке.

– Простите... Мне ничего не надо... Простите, – пролепетал Всеволод Сергеевич.

Мышь прищурил глазки-бусинки:

– Хотя это уже два желания, но я их, так и быть, исполню. И знаете что, Всеволод Сергеевич, Ваше «ничего не надо» – самое Ваше осмысленное желание, хотя и последнее, – мягким тоном проговорил Мышь.

Всеволод Сергеевич уперся лбом в клетку и зарыдал. Рыдал он долго и искренне, а когда вновь бросил взгляд в клетку, то увидел, что Мышь исчез, как исчезла и карта. Телефон молчал, значок «входящих» на экране не светился. На столе в луже кефира стояла одинокая бутылка, а по столу к краю, к маленькому кефирному водопаду, плыла зеленая смятая крышка.

За окном шел мокрый снег.

«Ничего не надо», – вслух подумал Всеволод Сергеевич и мягко опустил голову на стол в кефирную лужу...

Хотел бы я стать...

Хотел бы я стать писателем. Чтобы книги мои издавались, люди цитировали мои мысли, переживали мною не пережитое... Но я не писатель. Все писатели – уроды. Как и я. Только я – не писатель.

Хотел бы я стать художником. Рисовать, писать картины. Чтобы люди ходили на мои выставки. Задумчиво стояли перед полотном, прислонив указательный палец к губе... Но я – не художник.

Хотел бы я стать музыкантом. Выходить на сцену под шквал аплодисментов. Отключивая зад, откидывать фалды, садясь за рояль-пианину. Чтобы в зале обязательно страдали острым бронхитом. Кто не страдает – вон!.. Но я – не музыкант.

Хотел бы я стать поваром. И с интересом наблюдать, как гость с удовольствием отравился приготовленным мною лещом. Порекомендовал подруге, и та тоже с изяществом отравилась... Но я – не повар.

Хотел бы я стать сталеваром. Носить толстую мужественную робу, мужественно прикрывать отрицательным жестом глаза, когда лава кипящая превращается в звонкий рельс... Но я – не сталевар.

Хотел бы я стать строителем. Вкусно и утонченно ругаться матом прилюдно. Пробегающие служащие, мнящие себя интеллигенцией, будут говорить сопливым бессознательным детям, пугая: «Вот вырастешь и станешь строителем», не догадываясь, что ругаясь матом с высоты недоложенной стены, я больше них зарабатываю, и, вообще, пошли они все на *** со своими сопливыми деточками... Но я – не строитель.

Хотел бы я стать таксистом. Невзначай знакомиться с известными личностями. Допустим, тормозит меня известная личность Михалков. Шелестя усами и с недоверием глядя в мою красную вечно унылую рожу, попросит подвести. А я ему, преклоняясь перед его былым кусанием яблока в шляпе на рельсах, что затормозило целый поезд, скажу: «В парк!». Но я – не таксист.

Хотел бы я стать космонавтом. Дрожать от ужаса, когда огромную бомбу, где я внутри, выстреливают вверх, в неизведанное. Выходить на связь с Центром Полетов, сообщая подробности. Дрожать от страха в ожидании приземления, помня унылое молчание Комарова перед трагическим взлетом... Но я – не космонавт.

Хотел бы я стать хирургом. Проникать в интимность чужого ливера.

Цинично курить над остывающим трупом. Смачно и устало говорить близким усопшего: «Мы сделали все, что смогли», и уходить по коридору, оставляя за спиной не нужную трагедию. Забыть в больном какой-нибудь ланцет... Но я – не хирург.

Хотел бы я стать моим знакомым. Занудствовать по телефону, отрывая меня от работы, не давая возможности отказать в не нужной встрече. Никогда не равняться с моими друзьями, навсегда провонять мою комнату голубыми носками... Но я – не мой знакомый.

Хотел бы я стать моим соседом с древью. Жить со мной в одном доме. Просыпаться в восемь утра, завтракать чаем с бутербродами со слезливым сыром или постылой вареной колбасой и тут же браться за древь. С удовольствием перфорировать утреннюю стену. Не думать о спящих детях. Будить тех, кому в ночь. Быть желанным всеми. Убитым перфоратором... Но я – не мой сосед.

Хотел бы я стать критиком. Увесисто и томно сказать красноречивым междометием какому-нибудь Гоголю: «Иди в ***опу, Пушкин!». Запороть гениальный роман розгами бездарных фраз. Носить скептическую физиономию. Наслаждаться своей значительностью, палачеством, человекоубийством... Но я – не критик.

Я окурок

Когда-то я был красивой тугой сигаретой. В процессе курения мой пол поменялся на мужской. Меня обслонявили. Из всей пачки выбрали именно меня. Раскатали в пальцах, рассказывая банальную сагу о тупости начальника, будучи перманентным никем. Раздавили мой огонь, мой жар об стену, погасили. Бросили. Маленького, смятого, мокрого. К таким, как я. Сверху накрыли смачным плевком, чтобы я вдруг не возгорелся.

Я путешествую в мусорной машине. Я познакомился с мусором. Знаете, есть что-то в мусорных баках! Будучи окурком, я прожил более интересную жизнь. Спасибо, небеса, что выкурили меня!

Я обозначился.

Гробостол

- Так это же гроб!!!
- Ну, гроб. Зато, посмотрите, какая обивочка! Да и вообще, примерьте, сразу всё поймёте!
- Вы с ума сошли?! Я писатель! Я письменный стол Вам заказывал!
- Ну, так раз писатель, так и развивайте воображение!
- Я столько денег Вам заплатил, а Вы мне вместо рабочего, можно сказать, инструмента гроб суёте!
- Ничего мы Вам не суём. И, кстати сказать, чем это гроб – не рабочий инструмент?
- Каким это местом гроб – да рабочий инструмент?!
- Да всем!
- Верните деньги!
- Вы вложили Ваши деньги в гроб.
- Я вложил свои деньги в стол!
- Чем Вам гроб-то не понравился? Отличный удобный гробчик. Примерьте!
- В гробу я видал Ваш гроб! Либо стол мне организуйте, либо верните деньги!
- То есть гроб брать не будете?
- На кой хрен мне гроб Ваш?! Я стол заказывал!
- Стол, стол! Да такому гробу сам бы Гоголь позавидовал!
- Не нужен мне Ваш гроб! Я пока жив и творю. Пока ещё.
- Не зарекайтесь, не зарекайтесь! В столе-то Вас не похоронят! Глупо в письменном ящике покоиться! А тут красота такая!!!
- Какая, на хрен, красота?! Я Вам стол заказывал, а не гроб!!!
- То есть, товар брать не будете?
- Буду.....!

Притча о зайцах,
в темноте посмотревших
в берку.

КУКУШКИНЫ КУКИ

Песнь Добрых Друзей

Я буду долго и нууудно, долго и нууудно рассказывать о себе.
Я буду доооолго и нууудно, доооолго и нуууудно рассказывать о себе.
Пока ты жив,
Я буду дооолго и нууудно, дооолго и нуууудно рассказывать о себе.
Давай поговорим о тебе, и я буду...
Доооолго и нууудно, доооолго и нуууудно рассказывать о себе.
Буду доооолго и нуууудно, доооолго и нууудно рассказывать о себе.
Я только и жду вопроса: «Как дела?»,
И я буду доооолго и нуууудно, доооолго и нууудно рассказывать о себе.
Я буду дооолго и нууудно, доооолго и нуууудно рассказывать о себе.
Я позвоню тебе ночью, будучи пьян,
И стану доооолго и нууудно, доооолго и нуууудно рассказывать о себе.
Доооолго и нуууудно рассказывать о себе.

Баснословное

ОТЕЦ И СЫНОВЬЯ

Однажды,
Опосля скитаний долгих в отчий дом
Вернулись сыновья.
В отрепьях и репьях.
С следами на телах ушибов от падений частых.
И встретил их отец:
– Вернулись, сыны?
– Да, вот вернулись, отче!
– Ну, значит, всё путём! Ступайте в гастроном, – им старец отвечал...
Мораль:
Хоть трижды Землю обойди,
А всё равно потом бежать за водкой.

МОРКОВЬ И КРАН

На ели выросла морковь.
Развесиста, оранжева – нет мочи!
И, чтобы ту морковь собрать,
Пригнали кран и дюжину рабочих.
И так и сяк прилаживали кран –
Достать не могут, хоть ты лопни!
А между тем морковь висит концами вниз,
Похожа на оранжевые сопли.
Мораль:
Коль ты морковь и краном снять не можешь,
Устрой хоть фейерверк –
Он скрасит боль досады.

КОСМОНАВТ И НЛЮ

Однажды космонавт,
Увидев за бортом объект непознанный,
Не удивился сразу,
Наоборот, вошедши с ним в контакт,
Отравлен был инопланетным газом.

Да так,
Что больше уж не жил.

Мораль:

С кем ни войди в контакт,
Всяк отравить стремится!

ВОРОНА И ДУПЛО

Однажды Бог послал вороне
Вал карданный
От «Жигулей».
Ворона, взгромоздясь на ель с карданным валом в клюве,
Решила вал втянуть в гнездо своё, что высоко.

Да не втащила –

Ноша тяжела.

Тогда, карданный вал в дупло пристроив древа,

Ворона за подмогой полетела,

А вал в ту пору с***ила лиса.

Мораль:

Когда в дупле твоём

Вал «Жигулей» карданный –

Не щёлкай клювом!

БАРБОС И ПЫЛЕСОС

Однажды пёс Барбос

Увидел пылесос.

И так Барбос на этот пылесос взъярился,

Что хватъ его за шнур,

Приняв его за хвост,

И вмиг золой оборотился.

Мораль:

Да что там пылесос!
Ты, прежде чем на стул присесть,
Проверь,
Не подключён ли он в электросеть!

ЯЧИН, СОЛОВЕЙ И КЛЯЧА

Один герой,
По имени Василий Ячин,
Купил на рынке соловья.
И, радостью хмельной охвачен,
Принёс его домой.
А дома, в стойле кляча,
Увидев и услышав соловья,
К той птахе так возревновала,
Что отказалась есть и ржать.
И к ночи пала.
Опившись с горя водкой, как свинья,
Василий выпустил на волю соловья.
А поутру, обоих не найдя,
Теперь сидит и горько плачет.
Мораль сей басни вот, что значит:
Иной герой глупее клячи!

БОТАНИК И БЕНЗОПИЛА

Ботаник, как-то раз,
Нашёл бензопилу среди цветущей флоры.
С находкою своей спешит скорей к ботаникам-друзьям,
Чтоб научили те бензопилу завесь.
Собрался в миг совет.
Взирают на пилу.
Понять не могут, где у ней тычинка, а где пестик.
Задумчиво обходят вокруг пилы,
Но сей пилы нимало не заводят.
Вдруг муж учёный увидал тесьму,
И потянув легонько,
Он в сей же миг завёл бензопилу

И отскочил тот час в сторонку.
Пила ревёт, ботаники дрожат,
Взирая на зверьё стальное.
Один потрогать вдруг решил пилу
И тотчас потерял
Сперва ладонь и нос,
А после – остальное.
Мораль:
Отец тебя ботаником родил,
Чтоб нюхал ты цветы,
Не пилы заводил.

ЛОСЬ И КАРДЕБАЛЕТ

Пришёл однажды лось в кордебалет,
Перепугав гостей всех не на шутку.
И среди зала, заслонив буфет,
Встал, поедая мрачно чью-то утку.
Гарсон галдит, метрдотель снуёт
И вызывает полк охраны.
А лось стоит, а лось жуёт,
И паника ему по барабану.
Мораль:
Мой друг!
Чего бы не стряслось,
Ты верен будь себе без предрассудков.
Спокоен будь, как данный лось,
И сможешь слопать нахалюву чью-то утку.

МУЖИК, ДОМ, ПИВО, ВЯЗ

Мужик решил построить дом,
Используя лишь банки из-под пива.
Приятно, дёшево, да и потом
Не в очередь последнюю – красиво!
Он начал пиво пить как слон,
По сотне ярких банок к разу.
И строит потихоньку дом,

Ежеминутно отбегая к вязу.
Чем выше дом, тем больше вяз
Теряет хилые листочки.
Пропил мужик шестой модели «ВАЗ»,
Жену, детей и собственные почки.
А дом сверкает как алмаз
И требует к себе вниманья.
Мужик глотнул последний раз
И дом достроил, в общем, без сознанья.
Мораль:
Коль тяготеешь к нестандартной стройке
И дом построить хочешь из дерьма,
На то не надобно ни силы, ни ума –
Живи себе спокойно на помойке.

КОЗА И БАЯН

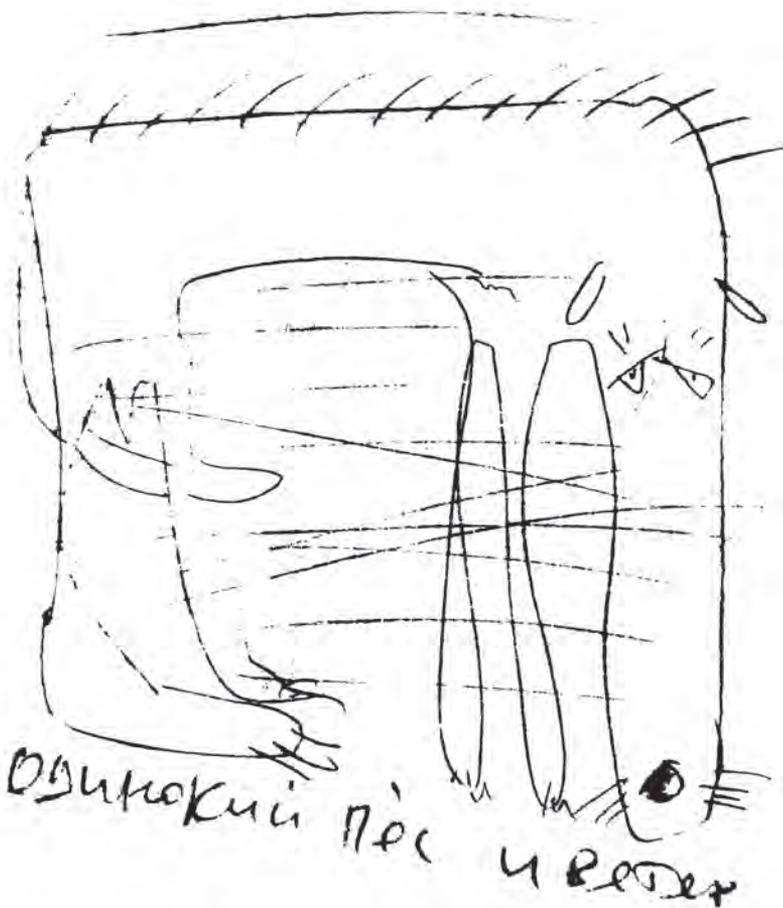
Если ты весел и пьян,
Протяни Козе баян.
Пусть потешит Коза народ,
Пусть сыграет в баян и споет.
Это ж можно с тоски помереть,
Коли некому играть и петь.
Чтоб загладить данный изъян,
Нужен Козе баян.

КОНЬ В ПАЛЬТО

Все должны одеваться хоть как-то,
Будь ты ящерица или трактор.
А голый конь – это что-то не то.
Даже конь должен носить пальто.
А делов-то пальто ему сшить,
Чтоб удобно скакать и ходить.
Все должно быть практично, а то
Нахрена тогда коню пальто?!

СОБАКА И ПЯТАЯ НОГА

Этот извечный вопрос
В разъяснении чрезвычайно прост:
Чтоб когда она будет бежать
Пятой лапой за ухом могла чесать!

Разнословное

Горький и Ленин

Встретились пьяный Ленин и Горький.

– Пошли, Горький, кататься с горки.

– Да ну тебя, Ульянов! Расшибешься пьяный!

Ленин и дождевик

Выступал Ильич с броневика без дождевика – промок...

– Какой прок, – думает, – в дождевике, лучше сидеть в броневике.

Государь и декабристы

– Вот устроим тебе, Царь, кровавое месиво!

– Ха! – сказал Государь, и декабристов повесили.

Пушкин и Вульф

Вульф к Пушкину приставал:

– Пойдем, Пушкин, на бал!

– Да ну его на...

Пойду, напишу «Евгения Онегина».

Крылов и Пушкин

Повстречались Пушкин и Крылов.

– Отчего ты, Крылов, не пишешь стихов?

– А от чего ты, Пушкин, не выпекаешь сушки?

Европейцы и красноармейцы

Пришли красноармейцы к европейцам:

– Гоните, буржуи, рублей около ста!

– Хер вам, красноармейцы!

Научитесь говорить «пожалуйста»!

Хрущев и Сталин

Принес Хрущев Сталину
Соленых огурцов.
Боялся, расстреляет Сталин,
А они выпивать стали.

Коммунист и коммунист

Сказал коммунист коммунисту:
– У меня есть спирта канистра!
– Прекрати быстро!
Ты позоришь звание коммуниста!

Классика нетленная

Выпей, бедная старушка,
Бедной юности моей!
Выпей с горя... Где же кружка?
С кружкой будет веселей!

Дай, Джим, на счастье лапой мне!!!

Вкруг юноши, громко рыдая,
Ленивая дева бродила.

Я памятник себе раздвиг
Неруконогий.

Буря кроет небо мглою,
Снег кружит, как карусель,
То заухает совою,
То поскачет, как газель.
Снег кружится и летает,
И поземкою клубя,
Заметает, заметает
Все, что было до тебя.
А крестьяне торжествуя,
Гонят сани во всю прыть,
Их лошадки, снег почуя,
Мчатся – не остановить.
Мальчик пальчик отморозил
И смеется, идиот.
Подкатив и спрыгнув с козел,
Доктор уж к нему идет.

А.П.Кукушкин-Прекрасов.

Смерть поэта

Крылов!

Крылов Иван Андреич, исполнен как-то озорства,
Насочинял две сотни басен,
А Пушкин басен не писал...
И чёрной завистью отравлен,
И в бакенбардах спрятав нос,
Наш Пушкин дрался на дуэли,
Где застрелил его Дантес.

Однажды я вышел из лесу,
От холода сильно дрожа.
Гляжу...
Поднимается медленно в гору
Груженная клюквой баржа.

Истязайте меня взором,
Поражайте кругозором,
И тогда с глухим позором
Я навек от Вас уйду.

Не коснутся Вас, как прежде,
Мои руки под одеждой,
Биотоки страсти нежной
Не коснутся Вас уже.

И когда с немым укором,
Я скончаюсь под забором,
Все тогда Вам скажут хором:
«Вы угробили его!».

Так оставьте раздраженье,
Проявите снисхожденье
И своим расположеньем
Воскресите наш роман!

Элегия

В долине шипучих морских океанских широт
Одинокая лодка с одним человеком плывет.
Плывет и не тонет, и волны качают ее.
И где ж неизвестно средь волн океанских
Пристанище сыщет свое.

А в лодке сидит, укутанный в бежевый с блестками плащ,
С задумчивым серым лицом Гребенхальд Грюденберг.
И видится страннику в пене бушующих вод
Прекрасная дева в платье прозрачном на ней.
Уж видится час или более танец ее в глубине,
Гребенхальд Грюденберг как прикованный
С лодки глядит на нее.
Как зачарованный в лодке сидит и глядит,
А лодка плывет и не тонет в пучине морской.

В долине шипучих морских океанских широт
Одинокая лодка с одним человеком плывет.
Плывет и не тонет, и волны качают ее.
И где ж неизвестно средь волн океанских
Пристанище сыщет свое.

Героическая баллада

Дубравы шумят, и к земле пригнулась трава.
Грозною тучей несется рыцарей славных отряд.
И впереди них на белом лихом скакуне
Несется Роланд с темным щитом за спиной.
На правом бедре его меч его добрый висит,
На левом – кинжал, что противников многих сразил.
На белокурой главе его – с перьями шлем.
Забрало опущено так, что не видно лица.
Тяжелые латы висят на могучих плечах.
Под ними – рубаха из тонких изящных кружев.
На сильных руках его зиждется сталь.
И на ногах тоже самое зиждется уж.
Несется Роланд на белом лихом скакуне.
Несется и не боится ни капли упасть.
И все от того, что умелой рукой кузнеца
Прочно, надежно и крепко привинчен к седлу.

Урнулсултан Касыр Дэгэ

Урнулсултан Касыр Дэгэ
Был славный малый в те года.
Когда он пас свои стада,
Вокруг дрожали города.

Урнулсултан Касыр Дэгэ
Носил жестянку на бедре.
И в той жестянке, как в ведре,
Он воду приносил в аул.

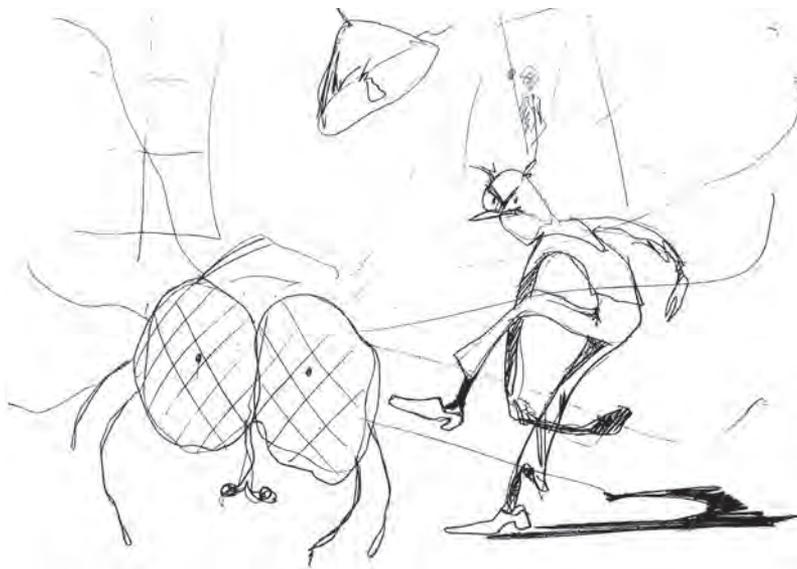
Урнулсултан Касыр Дэгэ
Хотел бы крылья за спиной
И долго плакал за стеной,
И вместе с ним и я не спал

Урнулсултан Касыр Дэгэ
Маскировал ветвями дом
И всем рассказывал потом,
Что дома нету у него.

Урнулсултан Касыр Дэгэ
Любил по сотне занимать.
Когда б смогли его догнать,
Сейчас уж не было б его.

Герой рок-н-ролла

В прокуренной кухне в сиянии лунном ленивом
Одичалый герой рок-н-ролла сидит напряженно.
Он силится песню писать на листочке бумаги,
Теребя машинально хайратник зеленый губою.
Гитара у ног его дремлет подобно собаке,
И стонет время от времени чайник на газе.
Герой рок-н-ролла все также сидит напряженно
И силится песню писать на листочке бумаги.

Касманавт

Касманавт залез в ракету
И нажал на кнопку старта.
Без ответа и привета,
Без паршивой звёздной карты
Взмыла вверх его ракета
Как огромная петарда.
Так они и подружились:
Касманавт с Альфа Центаврой.

Сельская зарисовка

(Мотивы Р.Бернса).
Пастух был молод и юн.
Пастушка была молода.
Но старость пришла как гроза,
И молодость их унесла.

Любовь и температура

Полюбил человек женщину
Со всеми её недостатками.
И прошла по сердцу трещина.
Впрочем, боль довольно сладкая.
Полюбил так страстно и жарко
Глаз её синие водные глади.
Полюбил даже её джинсы,
Особенно вид сзади.
Томным шепотом читал стихи ей под вишней.
Слышал: «Нас услышат, шепчите потише!».
Он шептал: «Я люблю даже Ваши кеды,
А особенно то, что выше!».
Если бы она в тот миг отвернулась,
Тот миг стал бы фатальным.
Ведь он любил даже её кофту,
Особенно вид фронтальный.

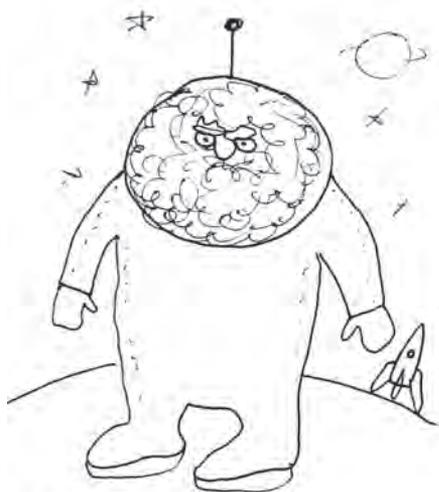
Но время текло расплавленным оловом.
И к нему пришло осознание,
Что он любил её голову,
Невзирая на содержание.
И вдруг понизилась любви температура,
И установилась нормальная.
Бросил человек эту дуру
И пошёл искать женщину идеальную.

Гробоскоп

Мертвее нету мертвеца.
Никто не ожидал конца.
Он упокоился, усоп.
Он превратился в гробоскоп.
Такой здоровый был с лица.
Теперь – как свежая маца.
Одеревенел, холодный лоб.
Он превратился в гробоскоп.

Потеря мужа и отца,
Не «умца-дрица-гоп-цаца».
Не спят, грустят комар и клоп:
Он превратился в гробоскоп.

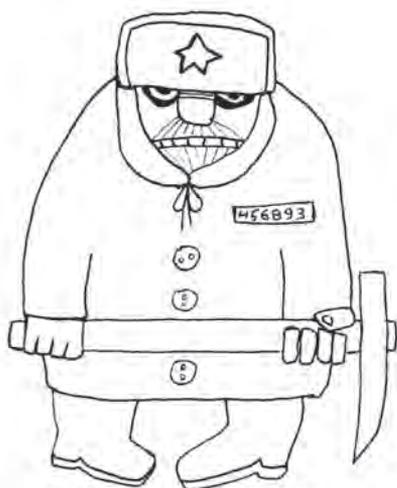
Был как-то вечер, пели птицы,
И ветер двигал облака.
Иван Петров опять напился
И спал теперь тревожным сном.

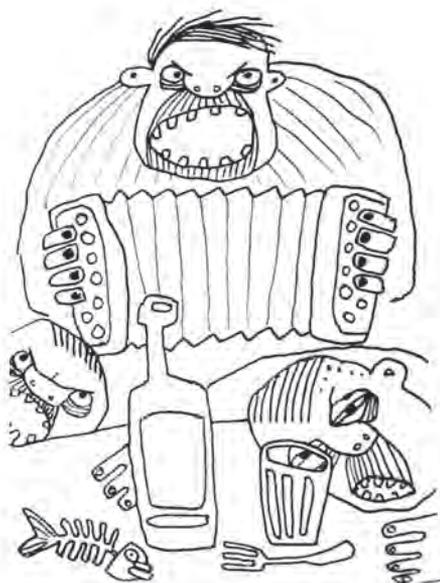
КАРЛ МАРКС
ВЫСАДИЛСЯ НА МАРС

ЛЕНИН ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ
РЕКЛАМИРУЕТ АВТОМОБИЛЬ
„МОСКВИЧ“

С.С.С.Р.

ИВАН ТУРГЕНЕВ В КОМПАНИИ
ГЕЕВ

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН
ПАЛЫТ В ДАНТЕСА
ИЗ КРУПНОКАЛИБЕРНОЙ ПУШКИ

ЛЕВ ТОЛСТОЙ ОСОЗНАЛ, ЧТО НАПИСАЛ ОТСТОЙ.

МЭР МОСКВЫ ЛУНИКОВ
ЗАТЕРЯЛСЯ СРЕДИ
ПОЛНЫХ МЕШКОВ

МЕНЕДЖЕРЫ, НАХОДЯСЬ В ПРОСТРАНСТВЕ
ДАЮТ КЛИЕНТАМ БЕСПЛАТНЫЕ КОНСУЛЬТАЦИИ

ГРУСНАЯ КРЫСА
И БУТЫЛКА КУМЫСА

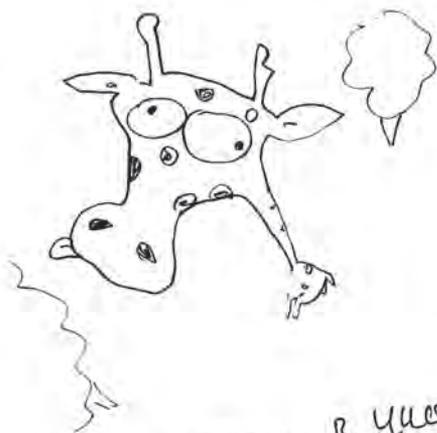
КОНТРОЛЁР-ВАНПИР ЗАЙЦЕВ
ЗАГРЫЗАЕТ В ТРАМВАЕ
ОДНОГО ИЗ "ЗАЙЦЕВ"

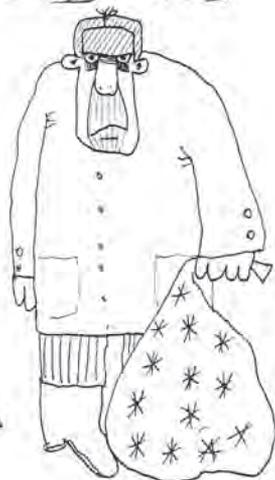
СМОТРИТЕ, РЕБЯТА,
КАКАЯ ПОТЕХА -
ГОПНИКИ БЬЮТ
УЧАЩЕГОСЯ
ПОЛИТЕХА!

ЛЮБИШЬ КАК ЛИДОР
НАРЯНАТЬСЯ?
СТАРАЙСЯ МНЕ НА ГЛАЗА
НЕ ПОПАДАТЬСЯ!

ДЕД МОРОЗ

КРАСНАЯ ШАПОЧКА
БЕЗ ПРИКРАС

ТАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ
КТОСЯЩИЙ МЕТЕФЕР

ДВА ДЕПУТАТА
КРОЮТ ДРУГ ДРУГА
ОТБОРНЫМ МАТОМ

ЗА ПРИВЕРЖЕННОСТЬ
К МОДЕ
НИКОЛАЙ ПОЛУЧИЛ
КУЛАКОМ ПО МОЗГЕ.

СТАРЫЙ ПАРТИЗАН
ДЕД СЫСОЙ

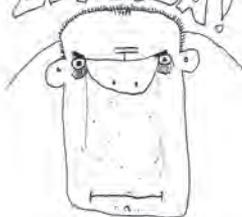

В ОЧЕРЕДИ ЗА ДЕШЕВОЙ
КОЛБАСОЙ

МЕНЕДЖЕР ПО РЕКЛАМЕ ЖЕНЯ
НЕ ЗАИНТЕРЕСОВАЛ КЛИЕНТА
КОММЕРЧЕСКИМ ПРЕДЛОЖЕНИЕМ

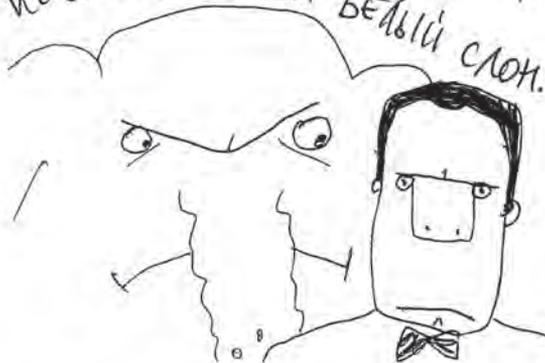
ДРУЖБА!

ДЕПУТАТ ШАНДЫБИЧ
НА ФОНЕ
ОГРОМНЫХ РЫБИЧ

КОСИЯ КАБЗОН И БЕЛЫЙ СЛОМ.

МАКСИМ ГАЛКИН И КРЕПКАЯ
БЕРЕЗОВАЯ ПАЛКА.

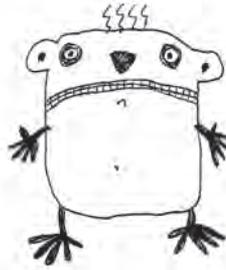

БЕРЕЗОВАЯ ПАЛКА.

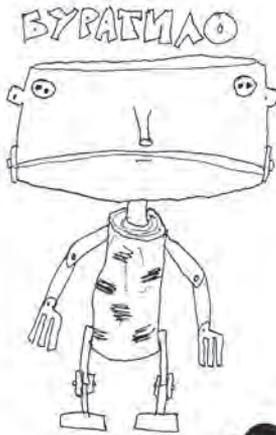
НИКОЛАИ БАСКОВ,
ДЕГОТЬ И ЧЕРНАЯ КРАСКА

БОЛОТНАЯ КВАБА И ПУЛЫБАГА
БАБА

ТАКИМ
ЧЕБУРАШЕУ НЕ ВІДЕН
НИКТО!

БУРАТИЛО

ЗІГМУКА ФРЕЙД ПОДАК ПОД
ПЛАТОВИЙ РЕЙД

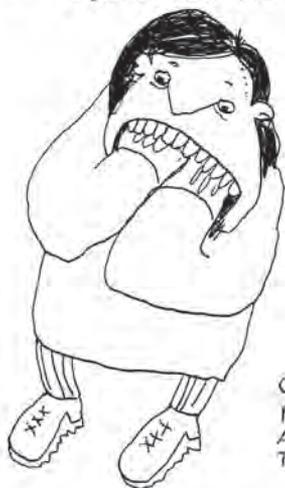
- Эй, официант-тупица!
Быстро неси мне
любимую пиццу!!!

ДУБОВ ТОПИТ НАНГАЛ, А СЕМЁВ ИДЁТ
СЛАВЯ В ВИДЕОМАТЕРИИ

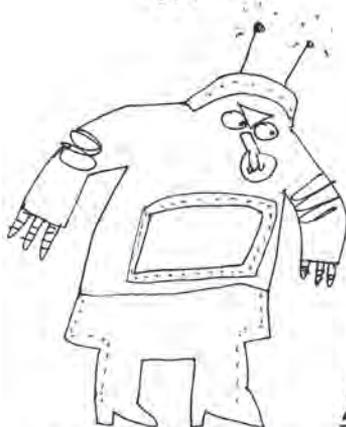
СЕРГЕЙ СЕМЁВ
ОТ ГОЛОДА ИСКУКИ
РОЕАЕТ
СОБСТВЕННЫЕ РУКИ

КОТ ПРОГЛОТИЛ МОРКОВЬ
ВУДКО, ЭТО
ЕМУ НЕ ВКОВЬ

КАРА МАРИС ПЫТАЕТСЯ
ОТПАВУТЬ ЭКСКАУП РАПС

ВАСИЛИЙ МАКАРЫЧ ПУШКИН
ПРОТИВОСТОИТ НАШЕСТВИЮ
ЦЕЛОВЕКОБРАЗНЫХ МАШИН

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ
НЕ ХОЧЕТ
КУШАТЬ ГОРЬКО-СОЛОНКО

ПУШКИН НЕ БОРОУЩИ СВОИМ КОТОМ...
САМИ ЗНАЕТЕ, ЧТО СНИМ СТАЛО КОТОМ...

АРКАДИЙ

БОРИС

ВЛАДИМИР

ГАКС

ДОРИДОТ

ДЖИНСЫ ИЕНСКИЕ
И КАТАКЛИЗМЫ ВСЕЛЕНСКИЕ

ДЛИННОЕ РАССТОЯНИЕ
И ДЕПРЕССИВНОЕ СОСТОЯНИЕ

ИЕНСКАЯ БЛУЗКА
И ПТИЦА ТРЯСОГУЗКА

БОМБЯ КАРА
И ЦАПНАЯ
ПАРА

Инструкция по проведению процесса сна

1. Примите горизонтальную позу относительно ложа (кровати, лежака, матраса). Руки следует вытянуть вдоль туловища тела. Допускается скрещивание ног туловища, а так же переворот всего тела на левый/правый бок, закидывание руки под голову либо подушку, в соответствии с положением тела.

2. Глаза необходимо закрыть веками. Ресницы сомкнуть.

3. Начинать видеть сны.

4. В процессе видения снов допускается ворочение, ного- и рукосучение, подёргивание пальцем руки/ноги.

5. В состоянии сна необходимо отказаться от храпа и сопения.

6. В процессе просматривания страшного сна (кошмара) либо сна смешного, сдерживайте эмоции. Не старайтесь убежать от монстров. Не смейтесь. Ведите себя нейтрально. Помните, что сон не является явью.

7. По окончании процесса сна проснитесь, откройте глаза и потянитесь (вытяните руки и ноги туловища в горизонтальном положении, сделайте зевок при помощи ротовой полости, напрягите мышцы туловища тела).

8. Опохмелитесь.

Считалочки

Ворошил я сена воз,
Растревожил улей ос.
Улей ос, улей ос
Превратил меня в навоз.

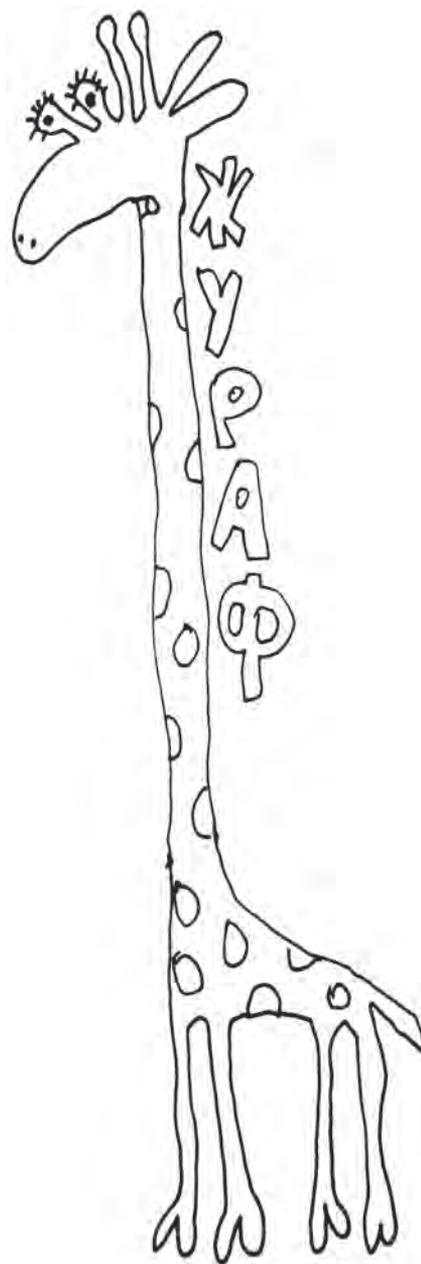
Уронил на ногу вес,
Тренируя классный пресс.
Классный пресс, классный пресс –
Я теперь ношу протез.

Бил кирпич я головою,
И не смог его пробить.
Буду бить, буду бить –
Все равно тебе водить!

Под высоким желтым краном
Стоит Вася со стаканом.
Буду пить, буду пить –
Васе этот кран водить.

Николай напился водки
И пошел чинить проводку.
Николай, Николай
Летит чинить проводку в рай.

Рано утром два дебила
Оседлали крокодила.
Раз дебил, два дебил –
Нынче водит крокодил.

Вышел Пушкин из тумана,
Вынул ножик из кармана.
Дурачина, ты, поэт!
У Дантеса пистолет!

Стою на берегу Невы...
Выходит лошадь...
Это вы?

Потомучты

У рыбы потому ног нет,
Что на суше она подохнет.

Не нужны питону брюки,
Потому что он ползает на брюхе.

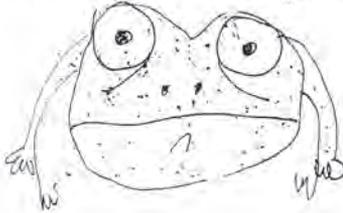
Кенгуру не носит шапку,
Потому что в ней прыгать жарко.

У коровы всего два рога,
Потому что три – уже много.

У кота потому сзади хвост болтается,
Потому что спереди мешается.

Ресницы?!
НРАВЯТся Ресницы..

БЕДНАЯ КАБА ЖИВЁТ БЕЗ
РЕСНИЦ
ЭТО ПЬЮЩАЯ ОНА
В СВОЕЙ ПРОСТОТЕ
И ПАВАЮТ ЕЙ ПЕРВОКЛАССНОЙ
СКАЗОЧНЫЕ ИВАНЬКИ.

ХВОСТ.

НЕ СПРОСТА
У ЧЕЛОВЕКА НЕТ ХВОСТА.
ТЕ У КОГО ЕСТЬ ХВОСТ
НЕ СОБЛЮДАЮТ ВЕЩКИ ПОСТ
(ОБЛАМАЛО. ПРО ОБЕЗЬЯН ПИСАЛ)
У ВОЛКОВ, КОМЛЕК
ХВОСТ ЕСТЬ. ОБЛАМАЛО.

Человек:

ГЛАЗА. №1

ГЛАЗА ЕСТЬ И У ТЕХ
КТО БОЛТАЕТ НОГАМИ В ТИХОМОСКУ
А ТОЛКУ?
Окончил "Политех"
И ВПЕРЬД-
КА МУКОСЛЕНЬ!

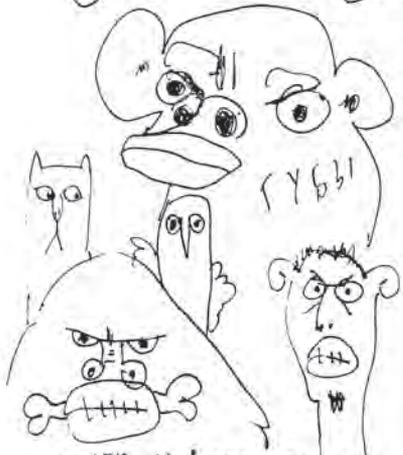
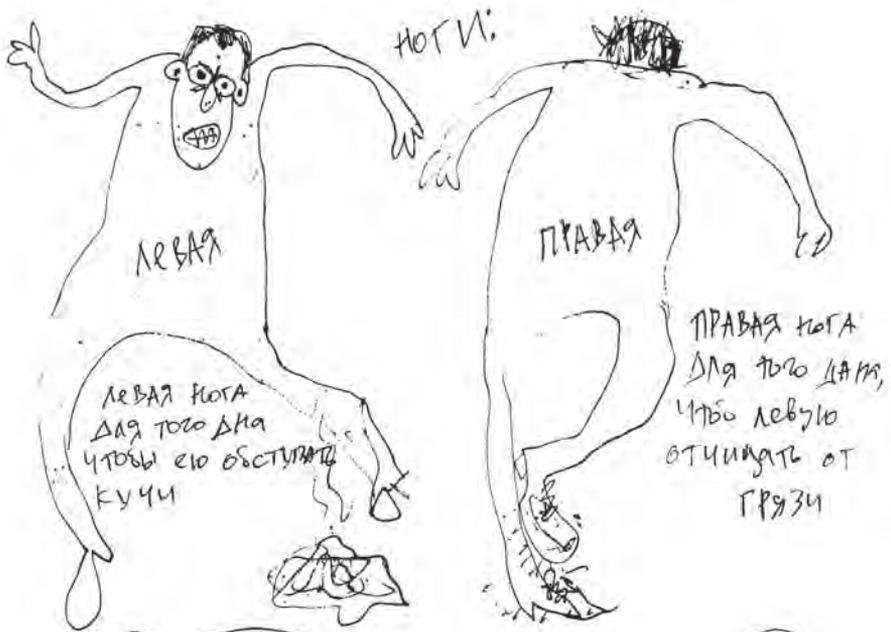
ГЛАЗА. №2

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ГЛАЗ
НЕ ЗАМЕТИТ И "КАНАЗ"

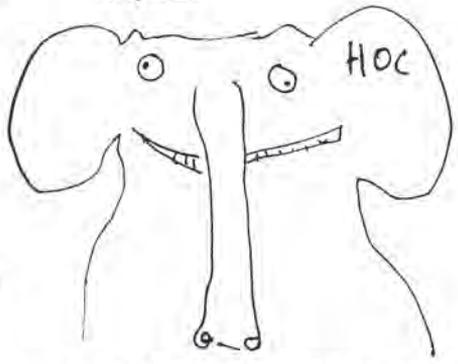
НЕ ИМЕЯ ГЛАЗ И КАФТАНА
НЕ ПОУЖИМЕСЬ АЛМАЗ
АВТОГРАФОН.

ГЛАЗА - ЗЕРКАЛО ДУШИ
ИХ ЗАНИМУРЬ,
И ЗА ГОРЛО ДУШИ!

Слепой Гопер сочинял.
Античные Вирши
Ты, современник,
ДЕРНИ ГЛАЗА ШИРЦЕ!

ГУБЫ у всех разные
 НОГОБРАЗНЫЕ
 СМОТРА ЧТО ЭТИМИ ГУБАМИ
 МОЖНО СВИСТЕТЬ, ДЕЛАТЬ
 А МОЖНО ОБЕДИТЬ

У СЛОНА - НОС. ТОЖЕ НОС
 НРАВИТСЯ?
 ПОД РАЗНЫМИ УГЛАМИ
 ЗАГИБАЕТСЯ
 И ДЕЙСТВУЕТ КАК НА СОЕ
 БУВШЕ УРАБОТАТЬСЯ,
 КРАСАВИЦА?

Гороскоп

КОНЬ

Не ржьте. Звёзды рекомендуют вам на людях не появляться в пальто. Не впрягайтесь в работу. Будьте вежливы с окружающими, не пытайтесь показывать зубы, особенно если вас перевели на новое место.

ОЛЕНЬ

В начале, в середине и в конце недели вас сопровождает популярность. Но будьте осторожнее, кое-кто попытается «наставить рога».

ГРАЧ

В конце недели будьте аккуратнее с алкоголем, это чревато потерей денег в такси.

ЧАЙНИК

Вас ожидает удача. В результате ДТП, возможно, вас не станут бить. Отдайте деньги по-хорошему, и вы узнаете, как благосклонно к вам отнесутся звёзды!

КОРОВА

Осторожнее с косметикой. Старайтесь не надевать обтягивающие легинсы и туфли на высоком каблуке. Попробуйте мычать тише, но разборчиво, особенно, если вы работник торговли.

КОЗЁЛ

Звёзды рекомендуют вам вести себя скромнее, иначе вас могут ожидать неприятности. Попробуйте выработать командный голос. Постарайтесь в конце недели в кругу других «Козлов» не употреблять название знака «Овца» по отношению к «Козам».

ОВЦА

«Ягуар» – положительно не ваш знак! Остерегайтесь случайных знакомств с «Козлами». Звёзды советуют вам меньше разговаривать и больше слушать. Земля круглая и вертится. H₂O – химическая формула воды. Химия – это наука. Вода – жидкость. Жидкость – то, что вы пьёте. «Ягуар» – это животное, марка автомобиля и то, что вы сейчас пьёте.

ЯГУАР

Животное, марка автомобиля, напиток. Будьте осторожнее, из вас захотят высосать все, что только возможно!

ЛЕЩ

Не плещитесь, покоритесь судьбе и сможете обрести новых друзей. В конце недели вас ожидает увлекательное путешествие в приятной компании с пивом и бабами!

ЖАБА

Постарайтесь сдерживать свои эмоции. Не провоцируйте людей на зависть. Будьте внимательны, уворачивайтесь от стрел, но сохраняйте их в целости. Хотя... Знак у вас...

ХРЕН С ГОРЫ

К сожалению, на этой неделе, как и в последующие годы, ничего хорошего не ожидается. Соберитесь с силами, и, возможно, вам ещё удастся стать просто «Хреном»!

ПИПЕЦ

Как говорят звёзды, в вашей судьбе ничего нового в ближайшем будущем не произойдёт. Вы сами – судьба!

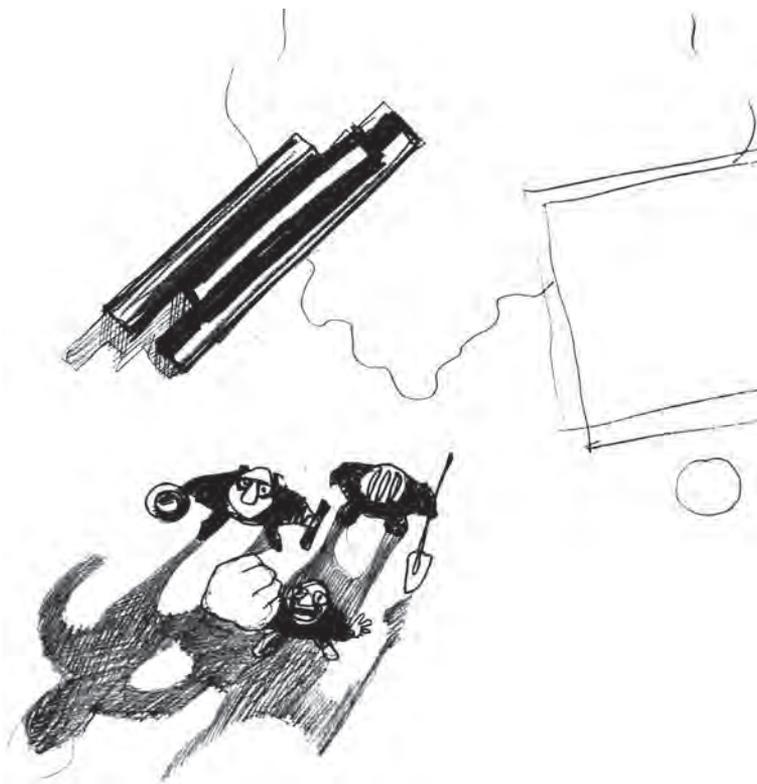
Перфоратор

Стена не поддавалась.

«Наверное, камень в бетоне», – непривычно подумал Николай. Взял пробойник, вонзил в скважину и ударил. Стена дрогнула, молоток звонко отпружилил.

«ЁПТЬ!», – остервенело подумал Николай во второй раз. Мгновенно повторил удар. Стена снова дрогнула, молоток звонко отпружилил. Николай взял дрель и вонзил жало в рану стены. Стена взвыла. Взвизгнула нетерпеливо дрель. Сверло истерично било камень. Камень сопротивлялся. Безвкусная картина стояла около мусорного ведра. Художник Гуков второй день пил.

Я хотел бы убить обоих.

Книга Жалоб

Бригантина Вельзевуловна Перц у вас повар.
Нет, она, конечно, молодец,
Но, кажется, у них там сговор.
То есть, действуют сообща.
Вот заказал тут у вас щи из ща.....

Что это у вас за “Мясо по-французски”,
Если мясо лает на тебя по-русски?!
И даже за язык укусило!
Такого я не просила!

Заказал у вас чебуреки.
Так какие-то неумытые люди
Принесли мне огромные зразы
И денег не взяли, заразы!
До глубины души возмущён,
Пойду, отравлюсь борщом!

Я, конечно, понимаю, что у вас все повара какие-нибудь кандидаты...
Но, извините, “Компот из ваты”...

Вы меня извините, но меня укусила ваша змея.
Нет, я, конечно, сама её заказала,
Но, когда я бежала из зала,
Наступила кому-то в “Фугу”,
В результате потеряла и ногу, и руку...

Книга Жалоб – 2

Вынул из горла нитку от швабры!
Постыдились бы, как бы.
Пил всего лишь чай.
Что там у вас остальное, невзначай,
Швабра – и первое, и второе?

Ваша квашенная капуста
Пробуждает совершенно низменные чувства,
И прилагаемые сосиски
Заставляют вести себя низко.
А если бы заказал ваш шницель,
Точно провёл бы ночь в милиции...

Я – профессиональный рыбак.
Понимаю, что такое судак.
Отличаю его от трески.
Но при помощи разделочной доски
Ваш повар объяснил, что я – мудака
И не разбираюсь в рыбачьих породах.
На что потрачены годы?!

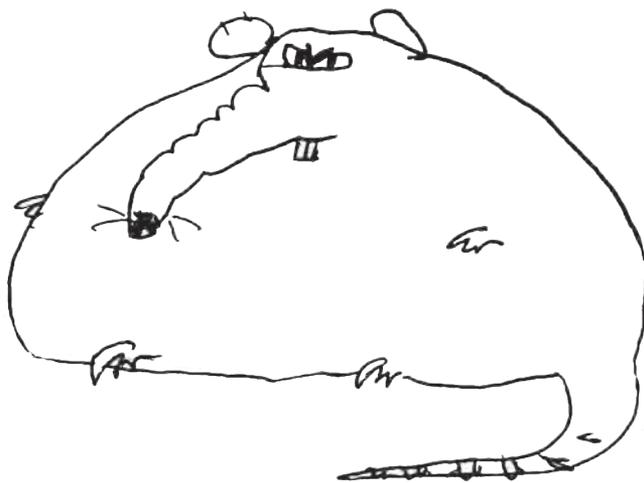
Салат из соли оставил впечатление,
Что больше не приду в ваше заведение.
Если только за солью...
И то, с душевной и моральной болью!

Ваша, ***ля, поломойка,
Обтирая столы грязной губкой,
Превратила жульен мой в помойку,
Да, вдобавок, скривила губки!
Теперь у меня из-за жульена зуд и кариес!
Как её зовут, и какой у неё адрес?!

Директор вашего заведения
Давно обходила свои владения?
Два раза поскользнулся на суши!
Их до меня кто-то кушал!!!

Каждый день прихожу к вам кушать компот:
Персик, яблочко, слива. И вот...
Этот ваш огромный столовский кот
Портит весь аппетит...
Напротив меня сидит
И смотрит игриво:
Персик, яблочко, слива!

В вашей столовке псы бродят блохастые!
Я не против псов, но блохи – ужасные!

Марш Водолазов (из сна)

Исполняется бодро, голосом молодого Кобзона или Юрия Богатикова, на манер “Идёт солдат по городу”

Водолазится вода водоёмкая
Водолазная судьба трудоёмкая
Водоглазятся глаза ненаглядные
Очевидные в ночи очи видные

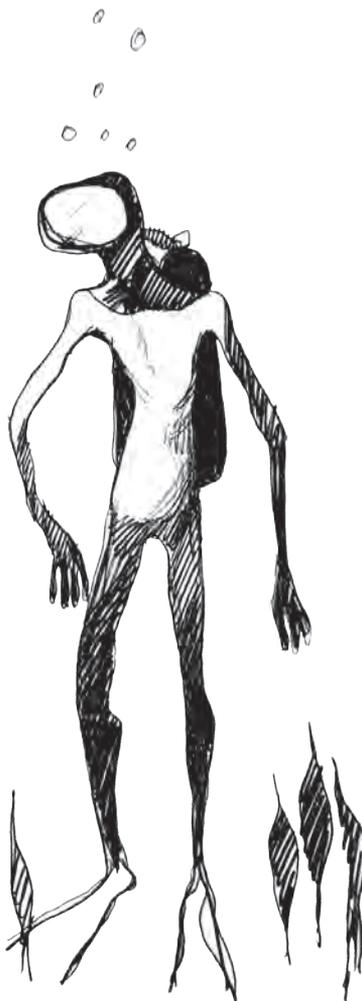
Припев:

Эй, водолаз!
Привет, водолаз!
Эй, водолаз!
Привет, Водолаз!
Эй, водолаз!
Привет, водолаз!
Привет, водолазоглаз!

Водовидится водой водостройное
Водовзводится в воде многостройное
Воздвигается воде водозначное
Водолазная вода однозначная.

Припев:

Эй, водолаз!
Привет, водолаз!
Эй, водолаз!
Привет, Водолаз!
Эй, водолаз!
Привет, водолаз!
Привет, водолазоглаз!

Лифтерное

Взмываю среди ночи с дивана натруженного
Словно ужаленный,
Громом разбуженный,
Стараясь понять, что за гром.
Словно на вверенном мне объекте
Родился и за ночь вырос слон.
Причём, прямо в лифте.
Или артиллеристы
Случайно баловались в лифте пушкой,
Пункт “Правил” нарушив,
Провозили взрывчатые вещества в виде ящика снарядов
И, собственно, пушки?..

Нееет! Это одна старушка
Застряла в лифте и долбит клюкой, что есть мочи.
Откуда она летит среди ночи?!!
“Лифт сломан в результате спорчи”.
Короче...
Пока я бежал за ключами, потом облитый,
Она сумела самопроизвольно выбраться из лифта,
Чудом поломав створку двери и панель управления тоже.
Ну что ж...
Рождённый ползать – летать не может!

Лифтерное - 2

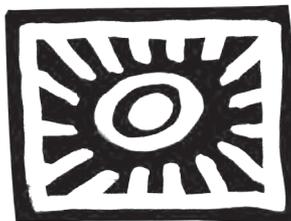
Сменщица Барабанова
Осмотрела меня с видом православной страдальицы.
Мужики-лифтёры в основном-пьяницы,
А тут молодой, и с виду “интилигент”
Заступил на вверенный ему объект.
В глазах её печаль и мучение,
Словно я получил назначение
В засранном лифте лететь на Юпитер...
Слышу: “В лифтёрной не шалите”,
Намекает на возможное пьянство...
А далее, наблюдая в окно свет лунный,
Слышу: “Дюже ты юный!”.

Что там Есенин?!
Что там Пушкин?!
Что Маяковский, острый на слово?!
Раскалённым оловом
Пишет лифтёрный народ
Объявление чётко и здорово:
“Кто в лифте плюёт, тово глотка гниёт!”

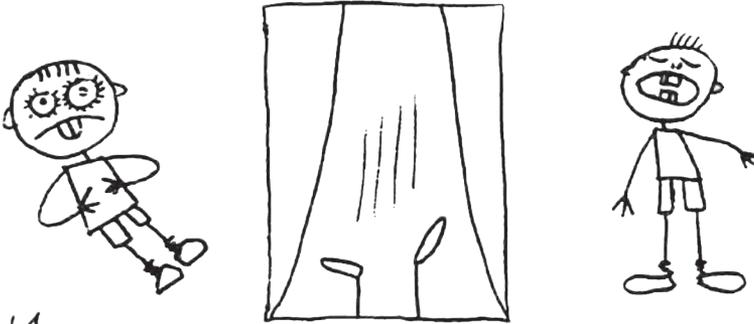
Новости

Читаю новости, дрожу от жути.
“Крушение нартов в Якутии!
Выжил каюр и четыре оленя.
Каюр в шоке, читает оленям Ленина!”
Читаю новости, дрожу от жути.
“Жена мужа утопила в мазуте!
Боже, что творится с нами?!
А ничего. Мужик мазут выпил
И на жену с кулаками”.
“Военнослужащий Кайали Ийят
Выпил олифы канистру,
Чтоб не ходить в наряд.
В то же время лопнули два министра,
Преисполнившись национальной гордости
И, далее, подробности”.
Читаю новости, дрожу от жути.
“Побрился наголо Агутин!
У истории печальное продолжение,
Фанаты не скупятся на выражения.
И печальный конец:
Агутина не пустили в Кремлёвский Дворец”.
Читаю новости, дрожу от жути.
В информационной барахтаюсь мути
И на вопрос: “Что нового?”, мечтаю услышать ответ:
“На сегодня новостей больше нет”.

ЧТОБЫ ЧЕЛОВЕКУ СТАТЬ
СЧАСТЛИВЫМ

ЕМУ НУЖНО СЪЕСТЬ ДЕСЯТЬ,
НЕТ, ПЯТЬДЕСЯТ КИЛО
СЛИВОЧНОГО ПЛОМБИРА!

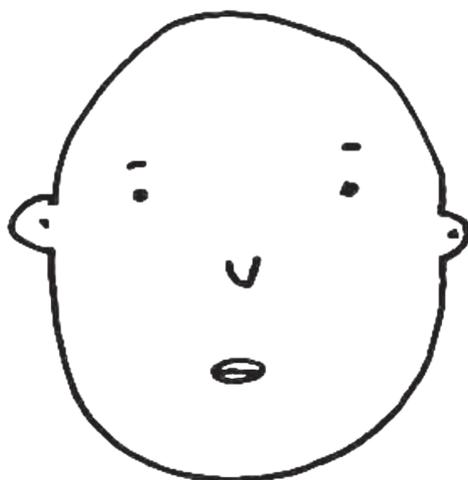

ЧТОБЫ СТАТЬ ЧЕЛОВЕКУ
СЧАСТЛИВЫМ

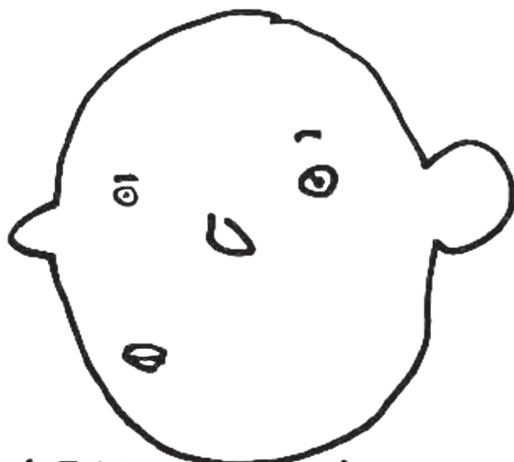
ВОВСЕ НЕ НАДО ДАВИТЬСЯ
ПЛОМБИРОМ

ЕМУ НУЖНО ПРОСТО СЛУШАТЬСЯ
МАМУ

КОТОРАЯ МЫЛА ОКОННУЮ
РАМУ

ИДЕАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

НЕИДЕАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Азбука

А

Аня ахнула: «Асерт!»,
Алексей в прострации:
Нет денег на билет,
Нет аккредитации.

Б

Бошку чешет белорус,
Бледный, как белила.
У него в машине груз –
Две бадьи тротила.

В

Воет волк в лесу дремучем,
В чаще волки вякают,
А в коровнике вонючем
Вася пьёт с вояками.

Г

Голова на шее есть –
Это, братцы, главное.
Можно ей горбушу есть,
А гречку и подавно!

Д

Дуб срубить решил дебил
Масляным домкратом,
Но сопровождён в дурдом
Бдительным медбратом.

Е

Ест в Елабуге еврей
Вдоволь ежевику,
Есаул Петров Евсей
Точит остро пику.

Ё

Ёж в лесу гоняет сов,
Ёрзает под ёлками,
Обожрался ёж грибов,
Вот его и торкает.

Ж

Всяку бяку жук жуёт
И живёт – не мается.
А жираф набил живот
И в «жигулях» катается

З

Зайцев Коля круглый год
Ходит весь лохматый.
Ты пошёл бы на завод,
Зебра полосатый!

И

Индюк равнодушен к игрушкам,
Игуанам не нравится кофе,
Да и прочим диким зверушкам
Всё человечье – пофиг.

Й

Йог написал оду
Коряво и всё про Нирвану.
Выпей, автор, йоду,
И соль не сыпь мне на рану!

К

Краб корячится в кустах
Клюквы и смородины,
Коля кильку завернул
В карту нашей Родины.

Л

Ласты склеил лесоруб,
Лошадью задавленный.
От того, что был он груб,
И лентяй отъявленный.

М

В магазине продают
Маргарин и мыло,
Матросы давку создают,
Матерятся мило.

Н

Надя носитя с ножом,
Нос отрезать норовит.
Я, ребята, поражён,
Я, ребята, неофит!

О

Обновки очумело отряхивая,
Оля орёт ошарашенно.
Опустила своё место мягкое
Прямым на «Осторожно, окрашено!».

П

Плюнул Петя с подоконника,
Попал на затылок бритый.
Превратился Петя в покойника,
Из пистолета убитый.

Р

Раскинула руки Раиса
В позе, далёкой от смысла.
В позе, отнюдь не прекрасной.
Ходить по путям опасно!

С

Семён отличается силою.
Пи***юлей насует одним махом!
И поэтому ночью с любимую
Гуляет в саду без страха.

Т

Толя толкает трактор.
Тужится, боится драки.
И это важный фактор –
Толя пропил траки.

У

Учащийся университета
В устье увидел Ундину.
Удивлённо уронил удило и, это...
Учащегося звали Дима.

Ф

Фабрика произвела фуфла
За смену три тыщи кила.
Передовик-фуфлосборщик Пахом
Награждён почётным фуфлом.

Х

Первая буква Отчизны!
Закалённая буква веками!
Не страшны стране катаклизмы!
Всегда наша Х с нами.

Ц

Цапля в научном запале
Разводит муху Цеце...
Настанет ей с П в начале
И с буквою Ц на конце...

Ч

Человек – звучит гордо!
Перед ним всё живое стелется.
И ничего не изменится,
Пока не дадут Человеку в морду.

Ш

Шурин в ондатровой шапке
Шепчет куме шаловливо:
«Шевелится в Вас загадка!
Пойдёмте на антресоли, Нина!».

Щ

Водка – не ровня продуктам полезным.
Пиво – не ровня борщам.
Рыболов Щепкин, не будучи трезвым,
Получил щукой по щам.

Ъ

Твёрдый знак «Ер» называется,
Букву «Х» спрятав от народа.
А по-моему, «Хер» звучит более твёрдо.
На ера он его стесняется?!

Ы

Тяжесть поднимаем мы,
Обрывая руки.
Говорим протяжно: «Ыыыы»,
И зашиваем брюки.

Б

Сыпь рассыпает по плечи игриво.
Ели тушует колючесть иголок.
Такой из себя безопасный и милый
Мягкий знак – хитрец и подонок!

Э

Электрик чего-то монтировал,
Чем наш этаж эпатировал.
Этаж наш отреагировал –
Долго электрика третировал.

Ю

Юля едет на юга
Юная, прекрасная.
На Юле Юрина рука,
Одной на юг – опасно!

Я

Не имею места я,
Растерянный, в бассейне.
Как же это, я – не я!
Ведь я – местоимение!

Наболело ...

(пародии на поэтический альманах «Иволга»)

Стою я на ниве, печалью объятый.
Над мною кружит воронья.
Стою я пред храмом, Отчизной предатый,
Но знаю, что всё тут – моё.
Церквушки, избёнки, столешники, свечи,
Кафтаны и сусла, и квас.
Как вам далеко, прихожане мечети,
До наших, до русских, до нас!
Не моете главы шампунью,
Не крестите русский пикник.
В печали за вас этой ноченькой-лунью
Главою к берёзке приник.
Ругаетесь матом, Россию сгубили,
Торгуете тут или там.
А я по родной, по российской идиллии,
Стучу в поэтический там-там.
Ах, где ж вы, российские наши устои,
Где порка, хомут, самовар?!
Где наши родные коровьи надои,
Где русский родной перегар?!
Увидите, вмиг наша Раша восстанет
И сбросит жидовский уздец!
И вмиг всему миру счастье настанет,
А вам, супостатам – пиздец!

Выйду за околицу,
Погостом надышусь,
С видом богомолицы
Крещу родную Русь.
Выпью из кафтана,
Сяду на арык,
Выверну карманы –
Веселись, мужик!
На армяке чёрном
С свистом прокачусь,
Встанет солнце коробом,
Вязлом окачусь.

Вдрызг, вбрызг, гвалд, шмыг
В мглу.
Хвать, тать! Дать, ать?
По лбу.
Тут пруд. Прут гну, мну.
Ну, тать, дать
По лбу?

Кровью сочатся заболевшие пальцы руки.
Жилы вывернули пальцы кричащей от боли души.
Слышишь, крылья кровавые шумно шуршат во тьме тишины.
Ты никогда уже боле не будешь во сне.
Любовь – это смертью пронизана боль навсегда.
Мир неизбежен, как снова иду я к тебе,
Чтобы напиться твоих страшных ран на челе,
Чтобы опять ты вернулась только ко мне и во сне.

Поэты, они такие,
Не зелёные, не голубые.
Такие загадочные и кошмарные.
И в одиночества Masse – бездарные.

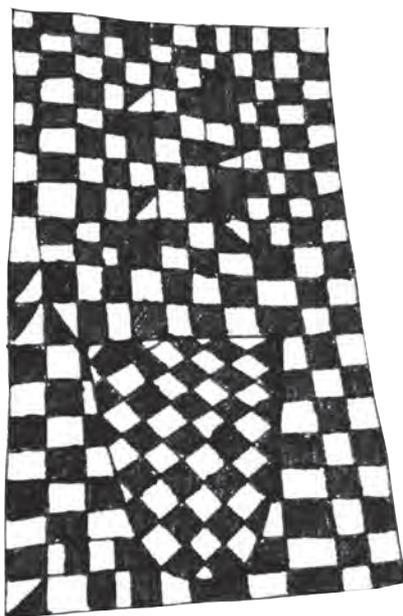
Прочитав поэму Ахматовой,
Подумала, буду я матовой,
Такой изящной старушкой.
Посмотрев картин Пастернака,
Подумала, буду я маковой...
Сушкой.

Как невозможно жрать ***опой,
Так невозможно писАть недалёкой.
Или Недалёкому.
Потому что
Хотя бы «Му-Му»
Не дано из них никому.

Вот ты умер, Есенин, и чё?!
Я своё подставлю плечо.
Буду слать бесконечные рифмы,
Как ракеты,
И пусть дохнут нимфы.
***ля, натянут не хуже вас,
Отмезший, поэzenый класс,
Наши новые парусья,
И стоять у руля будем я.

Когда нечего сказать и хочется кушать,
Хочется говорить, но не хотят слушать,
Надо писать, зашторив душу,
До тех пор, пока не оборвут уши.

Овладеть литературой многим хотца!
А она не ***лядь,
Не отдаётся....

Двери (The Doors)

(пародия на произведение автора литературного клуба «Декадент»)

Стой!
Я стою...
Ты видишь дверь?
Которую?
Вторую.
Какую из вторых? Здесь две вторых двери...
Ту, что теплей.
В салатový горошек?
Нет, в синий ромб. В горошек – это шкаф.
Так. Мне открыть её?
Зачем?
Так мне ж сказали – дверь... И что, открыть её?
Ну что ж, давай, открой.
..... Так это шкаф!
Я, стало быть, напутал. Открой в горошек.
..... Тоже шкаф!
Два шага в бок! Не закрывай обзор.
В какой конкретно бок? Ведь у меня их два...
В любой. Тааак...
Я жду...
Подумать дай!
Чего тут думать? Давайте все открою.
Не надо все. Открой сперва одну.
Какую?!
Что «какую»?
Какую дверь открыть?!
Не надо так орать... Открой зелёную.
Тут шланг какой-то...
Пожарный шланг. Подвинься чуть левой. Открой.

Открыл.
И что там?
Ты не видишь?!
Ты всё загородил спиной!
Ну вот, смотри!
...Хм... Что это?
Тебя хотел спросить я...
Похоже на тюфяк...
Тюфяк и есть. Открыть другую дверь?
Зачем?
Так вы ж сказали «Дверь».
А если я скажу: «Главой стучись об камень!»?
Стучаться будешь?!
Нет! И что теперь?
Ступай ты в шкаф. Мне недосуг теперь...

На Хармса

Повстречались возле бани,
Ни у печки,
Ни у тачки!
Возле бани, это точно,
Два здоровых мужика.
Повстречались, повстречались,
Ни простились,
Ни прощались.
Повстречались, это точно,
Никодимов и Петров.
Никодимов тут Петрову,
Ни Козлову,
Ни Шварцкопфу,
Ни Берхердцу, это точно,
А вот именно Петрову
Так с улыбкой говорит:
«Ты вчера меня на поле,
Ни у речки,
Ни у бани,
А вот именно на поле,
Там где множество народу,
Грязно матерно ругал.
Вот за то тебе – по морде,
Не по глазу,
Не по носу
И уж точно уж не в ухо
Я сейчас вот буду бить».
А Петров нашел ответить,
Ни сказать,
Ни спеть,
Ни крикнуть,
А в довольно грубой форме
Он ответить, что нашел.
Говорит Петров с ухмылкой,

Не с улыбкой,
Не со смехом,
Не с восторгом – это точно,
А вот именно с ухмылкой
Держит свой ответ Петров:
«Никодимов, ты ***
Не ***
Не ***
Не ***, это точно
А вот именно ***.
Так что, знай», – сказал Петров.

Хокки

В старой изящной
Вазе на окне
Белая роза стояла,
И я плакал,
Облитый сметаной.

Диск телефона кручу,
Но слышу гудок,
Только длинный,
Значит кручу
Диск со всем аппаратом.

Объятый безумием
Страсти, неловко
Станом задел я
Плиту с обедом,
Как ты смеялась.

Однако!
Сегодня ведь вторник,
А не среда,
Как я думал вчера,
В понедельник.

После того
Как на праздник к тебе
Вез в метро икебану,
Мысль терзает меня,
Не сменить ли гражданство...

В жаркую пору закрыты наглухо окна.
В комнатах прибрано так, что завидовать может пустыня.
Мама была...

Я художник.
Мне необходимо
Написать картину
Размером со шкаф.
Я не умею.

* КАТАНА - КАКЭ - ПОДСТАВКА ДЛЯ МЕЧЕЙ *

* * *

ВЗЯЛ В РУКИ БОКЭН.

ПРАХ НЕ ПОЗОР

МИЯМОТО МУСАСИ.

* * *

КОЛЬ НА КАТАНА - КАКЭ
ЗАРЖАВЕЛ ТВОЙ КАТАНА -
- ХРЕНОВЫЙ ТЫ БУСИ

* * *

С ТОБОЮ МЫ ОБА СВЯЩЕННЫМИ
СВЯЗАНЫ УЗАМИ БРАКА -
ЕЩЕ ПО САКЭ И ДОМОИ!

* * *

НЕТ НИЧЕГО БЕЗРАЗЛИЧНЕЙ И СУШЕ
ОТНОШЕНИЯ ЕВРОПЕЙЦЕВ
К ПРИГОТОВЛЕНИЮ СУШИ

* * *

ДАН БУСИ КАТАНА
СОВСЕМ НЕ ЗА ТЕМ
ЧТОБЫ РЕЗАТЬ УВЕТЫ К ИКЭБАНА!

* * *

ВЛАДЕНИИ КАТАНА И БОКЭН * СУШИ - ЯПОНСКОЕ БЛЮДО.

МИЯМОТО МУСАСИ - ЛЕГЕНДАРНЫЙ ЯПОНСКИЙ ВОИН, ДОСТИГНУШИИ СОВЕРШЕНСТВА ВО

СУШИ - ЯПОНСКИЙ ВОИН * БОКЭН - ДЕРЕВЯННЫЙ МЕЧ * КАТАНА - МЕЧ

Названия и прочая дребедень

Стоматологическая клиника «ЗУБАВА»
Стоматологическая клиника «11» (документально)
Ансамбль пытки и порки.
Большой сатирический оркестр.
Детская хордовая студия.

СЛУЖБА ЭКСТРЕННОЙ ПОРКИ –
нерадивые сотрудники, супружеская измена,
капризные дети и многое другое.
Сеанс – 5 мин.
Ремень кожаный – 50 руб.
Плеть – 100 руб.
Кнут – 100 руб.
Розга ивовая – 100 руб.
Внимание, бонус! – пендель бесплатно!

СТУДИЯ НАРОДНОГО ТАНЦА «ЛЕЗГИНУШКА»
объявляет набор учащихся на следующие отделения:
1 Свистопляс
2 Болгарский доходяг
3 Раскоряк с припрыжкой
4 Литовский гаандон

Заглавия

Песнь исчезающего подбородка
Ключья цельного
Проза мениска
Приключения мигрени
Маленьким о самом вкусном: козявки и сопли
Жизнеописание любительского фарша
На острие круга

В.И.Ленин, Демьян Бедный, Максим Горький, Николай Дохлый,
Петр Нищий, Иван Неизлечимый, Федор Кислый.

Лениво отсчитав мне сдачу, кассирша уставилась в даль...

Всю жизнь она ждала принца на белом коне и, когда,
наконец, он появился, она полюбила... коня.

Почему люди не летают как птицы, не ржут как кони,
не ползают как змеи, не квакают, нор не роют, гнезд не вьют
и по ночам не орут на крышах?

Когда дети остаются дома одни, единственное,
что они потом помнят, это добрые лица врачей
и слезы счастливой матери.

Ядерная атака – равномерное разнесение местности с помощью ядра.

Академии античного ваяния требуются безрукие и безногие модели.

Иногда думается: некоторым людям, вместо голов
и позвоночника, вставить бы жердь со скворечником,
было бы больше пользы.

... А потом все стало буднично, будто бы и не было ничего.
Очутившись на краю Вечности, словно на краю пропасти –
зашатался, но удержался за хрупкие ветви жизни.

Джинглы

В нашем доме поселился замечательный сосед.
По утрам сосед заводит мотоцикл и мопед.
Целый день не умолкают, но поверьте мне друзья,
Я проблемы не решаю без двухствольного ружья.
Пам-пам, пам-парара, пам-пам...
Магазин “Арсенал”.
Крупнее калибр – весомее аргументы!

Ролик товара на экспорт.
В кадре:
- русский бородатый мужик в красной рубашке в белый горошек
- румяная баба в кокошнике и с караваем
- медведь с балалайкой.
Мужик:
– Берите то, чем Русь богата... – делает широкий жест рукой.
Камера переходит на общий план.
– Вёдра тамбовского ведростроительного комбината!
На общем плане те же в поле, до горизонта уставленного вёдрами.
Муз.сопровождение – что-нибудь из Глинки.
В небе полощется флаг России (компьютерная графика).

Помните взрослые!
Помните детки!
Суйте два пальца
Только в “Тульские Розетки”!

Рабочий и химик!
Запомните оба:
Жизнь невозможна
Без хорошего гроба!
Тверской гробостроительный завод!

Я покажу из широких штанин
Дубликатум бесценного груза
Смотрите, завидуйте,
Я гражданин
В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ РЕЙТУЗАХ!

Трудоустройство зомби
Восстал из могилы
И надо трудоустроиться?
Не вопрос!
Поможем всем, кто разуспокоился!
Работа на стройках,
Работа в маршрутках.
Трудоустройство
Всего за минутку!
Кондуктором можешь бродить по транспорту,
Никто у зомби не спросит паспорта!

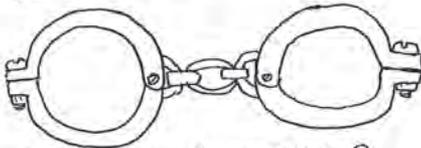
КРЕПСО
КРЕПКАЯ КОМПАНИЯ
НАДЕЖНОГО КРЕПЕЖА

OTITANI

КРЕПСО
КРЕПКАЯ КОМПАНИЯ
НАДЕЖНОГО КРЕПЕЖА

КРЕПСО

КРЕПКАЯ КОМПАНИЯ
НАДЕЖНОГО КРЕПЕЖА

KREPCO

Крепкая компания
Надёжного исполнения

ДОИКРАТ РОМКИ
 ЧТО УГАДАЮ →

КРЕПСО
 крепкая компания
 надежного крепена

Мудрые мудрости

Стоять с протянутой рукой не то же самое, что стоять с вытянутой ногой.

Иному мало того, чего другому не достаёт.

Зрячий видит глазами, а слепой и глазами не видит.

Дорого яичко, когда цена высока!

Иной петух и на курицу не похож.

Иной медведь лапу сосёт, а плохой кузнец плохо куёт.

Хорошо то пиво, что выпито.

Умный в гору не пойдёт, а альпинист пойдёт.

Плоха та актриса, что на лошадь похожа.

И зимой ночи темны бывают.

Железо железо острит, а остроумный острит.

Плох тот моряк, что намок, утонувши.

Двух одинаковых зайцев плохой лесоруб не заметит.

Чем выше возвышенность, тем ниже униженность.

Умный мужик на ус мотает, а у бабы и усов-то нет!

Хорошие сапоги лучше плохих лаптей!

Хороший строитель воды в цемент не нальёт.

Добрый конь плохого не испортит.
Лёжа и убежать тяжело.
Остра стрела, когда в спину впилась.
Простой хлеб тем вкусен, чем намазан.
Бедняк займы не даёт, а иной богач и тоже займы не даёт.
Пара лаптей бывает лучше, чем один лапот, надетый на руку.
Река Кова в глубине своей неодинакова.
Плох тот пловец, что утонуть боится!
Хорошему пианисту и жизнь хороша!
Хорошая соль и сахар посолит.
«Человек» – звучит гордо, а «Мудак хренов» – оскорбительно.
Птица узнаётся по полёту, а огнемётчик по огнёмёту.
Красна изба пирогами, а походка ногами.
Злой тюремщик лучше, чем добрый палач.
Священник Богу молится, а плохая лошадь и молиться-то не умеет!
Человека украшает красота, а портит испорченность.
Меткая пуля и в заду меткая.
Острый топор и в библиотеке острый.

Воин Родину защищает, а обезьяна банан очищает.

Хорошая шляпа отсутствия головы не скрасит.

Умная рыба селёдкой не назовётся.

Иная подруга лучше, чем половина друга.

Каким бы умным человек не казался, плохой кирпич любого дураком делает.

Плохой врач и калеку искалечит.

Дарёному коню в зубы не дают.

В детстве человек младше, чем в старости.

Глупая книга и в умного попадёт, коли метко брошена.

Что у трезвого на уме, то у пьяного в животе.

Хорошая песня тем лучше, чем плохая хороша.

Плохая жена лучше, чем плохая карусель.

Гордой птице и обосраться не стыдно.

Красна девица статью, когда спереду и сзади увидена.

Не раскрылся запасной, в следующий раз – возьми другой.

На осторожного волка седла не положат.

У большой свиньи – большие проблемы.

Хромой тем будет хромее, чем более будет наглее.

Следи за собой, коль твой цвет голубой.

Хороший хозяин первым из гостей не уйдёт.

Молодой сосне и крепкая голова не страшна.

Рано праздновать победу, когда привязан ты к мопеду.

Брюки и кот тогда хороши, когда обои поглажены.

Бумага клеем клеится, а красна девица красным молодцем.

Убивает смерть косою, а красна девица бывает косою.

Красна девица краснотою.

Жалкая змея на жало не жалуется.

Иному воздухоплавателю и одной ракеты много.

Красивому лицу и глаз не помеха.

Глупому и голова не нужна, а умному и две много.

Трус даже тогда боится, когда на змею садится.

Если бы Земля не была круглой, её стоило бы закруглить,
и если бы не вертелась, то стоило бы развертеть.

Опоздавший гость хуже, чем случайно убитый пришедший
на час раньше.

Овца тогда будет представлять угрозу,
когда будет мчаться со скоростью паровоза.

Сидеть на двух стульях всегда лучше, чем сидеть голым задом на еже.

Красивая голова лишь прикрытие студенистого противного мозга.

Как бы шило не впилося, всё неудобно.

Президент, севший на оголённый провод,
– отличнейший информационный повод.

Если бы не было электричества, его стоило бы включить.

Гранатомёт против кулака – оружие слабого,
а кулак против гранатомёта – глупца.

Глупец книг не читает, а умный в глаз получает.

Высока птица в полёте, а человек в самолёте.

Иметь десять врагов лучше, чем иметь десять голов.

Здоровье одним – удовольствие, а другим – служить продовольствием.

Служба хоть и тяжела, зато ещё как тяжела.

Одна голова хорошо, а и ладно.

Береги честь смолоду, а зубы тоже.

У дятла потому клюв острый, что сам тупой.

Жизнь прожить – не поле перейти, не пить дать,
не руку поднять, не еще что-нибудь очень простое сделать.

Знание – хило.

Один в поле не вой.

Не имей сто рублей!

Лучшая расческа – бритва.

Готовь завтрак вечером, а обед ночью.

Тяжело в ученье – потом легче.

Голод – дядька.

Голод не тетка – в лес не убежит.

Слезами Борю не положишь.

А Васька кушает да ест.

С милым ад в гамаке.

Тише едешь – больше времени потеряешь.

Лучше синица в руке, чем журавль во рту.

Не пришей кобыле нос.

Золотые крюки.

По одежке встречают – по башке надают.

Деньги – зло, а не деньги – не зло.

Жри корень!

Баба возит – кобыле легче.

ЧЕМПИОНАТ МИРА ПО АЛЬТЕРНАТИВНЫМ ШАХМАТАМ

Репортаж с места событий

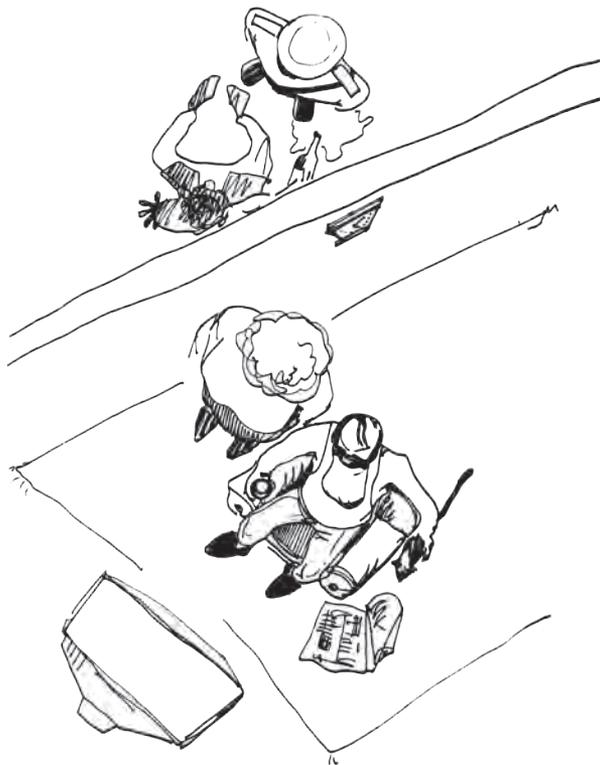
«Добрый день, дорогие любители альтернативных шахмат! Мы ведём репортаж со стадиона им. Кржыжановского, где с минуты на минуту начнётся чемпионат. Сейчас мы видим, как на поле выходят участники чемпионата Валерий Крабов и Джильберт Гукасов. Крабов играет синими, Гукасов зелёными. Противники сходятся под рёв трибун, Гукасов делает первый ход и неожиданно для всех прорывается в дамки. Крабов слегка растерян. Надо Крабову в такую минуту собраться, но вот он перехватывает мяч, и мы наблюдаем, с какой филигранной точностью он попадает в сиреневый шест! Но рано ещё говорить о том, кто сейчас лидирует. Гукасов на зелёном поле делает стремительный разворот, его двигатель ревёт и он устремляется к Большой Клумбе. Крабов явно не ожидает такого хода событий и, похоже... Нет, он всё-таки решил нырять!!! Невозможно описать, что сейчас происходит на трибунах!!! Крабов ныряет, но Гукасов снова рвётся в дамки! Неет, похоже, красивый нырок Крабова ему не поможет... Внимание, опасный момент... Ядро Крабова проходит через Левые Ворота... И он снова попадает в сиреневый шест!!! Даааа, друзья, начинаешь верить в судьбу, наблюдая за тем, как разворачиваются события. Теперь уже Гукасову остаётся выходить на ничью... что, собственно, он и делает! Что происходит на трибунах!!! Противники сгибают Обруч Согласия, это значит, что им предстоит ещё одна встреча! Итак, будем ждать... А я с вами прощаюсь, до новых встреч!!!».

Абсолютно положительный человек

Илья Александрович – мой давний знакомый. Он абсолютно положительный человек. У него любящая жена-красавица, новорожденная дочурка, всеми обожаемая. Живут они у дедушки с бабушкой, о которых трогательно заботятся. Машину прикупили. Илья Александрович каждое воскресенье ходит в церковь. Иногда он с парой предположительно таких же положительных ребят совершает мужественные велопродолжения за город. Жена в восторге: «Мужчина!». У него хорошая «непыльная» работа. Всё в дом, всё в семью. Летом они выезжают на дачу...

... О чём я пишу? Вам интересно? Мне – нет...

Углы и округлости

Всё, всё в этом мире состоит из углов! Параллелей, пересекающихся перпендикулярами, квадратов, прямоугольников и треугольников. Ну и прочей угольности.

Ну, всё вокруг какое-то угольчато-параллельно-перпендикулярное. Зеркало в прихожей (да и сама прихожая), мебель, дома, улицы, книги... Да и сам-то я какой-то квадратный бываю, порой даже в мыслях.

Остановка трамвайная угловатая, трамвай весь прямоугольный такой из себя, правильный.

Человечеству необходимы углы. Загнать себя в угол – любимое развлечение людей.

А Земля-то круглая! Бог, создавая нас, мыслил окружностями. Кстати, «нуль», абсолютное ничто, тоже круглый. Голова человека тоже почти круглой формы. Эдакая персональная планета над опорно-двигательным аппаратом и пищеварительно-дыхательной системой, с половыми органами, обшитыми высокосортной шкурой.

И вот мы, человеческие люди, мыслим и думаем углами и параллелями с сопутствующими перпендикулярами. Бог создавал мир округлым, а мы делаем его угловатым. Даже собственные отношения.

А ехать, пардон, хочется на круглом, которое с лёгкостью прокалывается угловатым.

Конечно, параллельно-перпендикулярное легче пристроить к параллельно-перпендикулярному. Хотя... треугольное... На него же фиг сядешь, не говоря о том уж, чтобы лечь. На параллелепипед и то проще лечь.

В Египте, кстати, в своё время понастроили треугольных пирамид, но там внутри мёртвые лежат параллельно, да и те, кто строили, тоже померли. Хотя строили из прямоугольных кирпичей. В общем, с треугольным – сплошная беда.

Самое приятное в мире – округлой формы. Взять, к примеру, любимую женщину... Формы такие округлые! Грудь, попа, голова, опять же! А глаза! Представьте себе глаза любимой квадратными!..

А, с другой стороны, жить в округлом доме из круглого кирпича неудобно. Неудобно всем и совсем. И строителям строить, и жильцам, вечно скатывающимся с неустойчивых кроватей, проживать. И одеяло вечно сползает, и суп выкипает не в ту сторону. Сквозняки, опять же, и спина болит.

Но всё-таки, Бог создавал Мир округлым, мы его оквадратили. Не можем мы существовать без резкостей и углов. Хотя футбол любят ооочень многие. Конечно, круглое-то пинать приятнее, чем квадратное, кубическое. Тем более головой.

Ну, посмотрите!

Ну, посмотрите!

Каждая вещь под ногами имеет смысл.

Каждый камень, подобранный ребёнком и им разглядываемый, воплощает целый мир.

И видится ребёнку в застывшем шумящее море, и фигуры дивные в прибрежной волне, и знаки времени, ему пока не понятные, и обнаруживаются знаки, пока им не понятые.

И Беспечное копанье в куче щебня обогащает его.

И в каждой крупнице песка он видит Время.

А мы забыли, что были детьми, времени неподвластными.

Смотрим под ноги, чтобы не упасть, но не для того, чтобы вновь и вновь из соринки собирать мир...

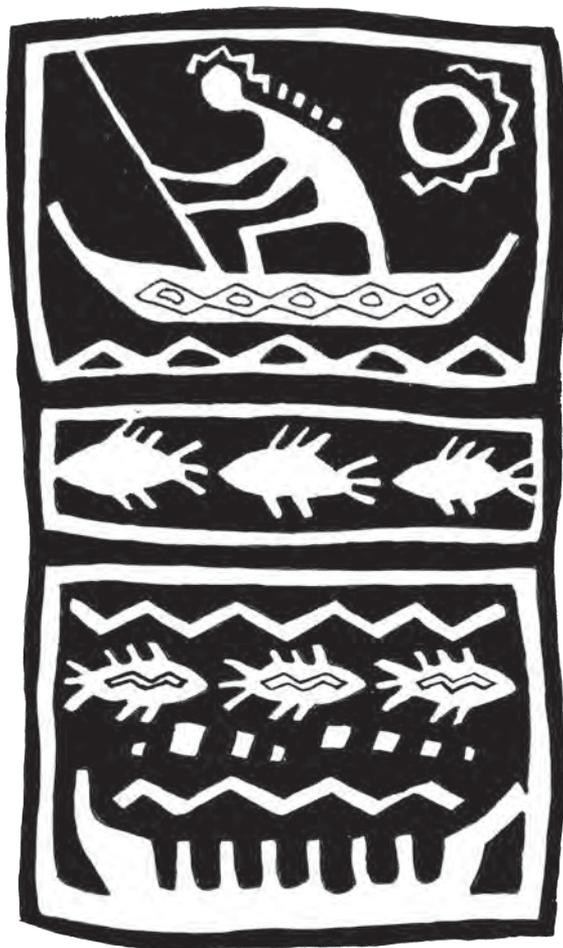

НАМ ДЕНЬ
БЫЛ
ДАН

НАМ ДЕНЬ
ДАЛ
ДЕЛ

ДАН БЫЛ
ДЕНЬ
БЕЛ

ПЬЕСЫ И ПРОЧАЯ ДРАМАТУРГИЯ

Красная Шапочка

Революционная пьеса

ВОЛК (грозно): Стой, кто идёт?!

КРАСНАЯ ШАПОЧКА (бодро): Это я, Красная Шапочка!

ВОЛК (пожимая хвост и уносясь в чашу): Ой, ёпть...

КРАСНАЯ ШАПОЧКА

Зарисовки о Некрасове

НЕКРАСОВ И “МУЖИЦКАЯ ДОЛЯ”

Драма

Поле. Лето. В поле бричка. В бричке Некрасов с бородой. В поле мужики жнут покос. В небе летают птицы.

Некрасов устремляется к мужикам. Мужики замирают, мнут шапки.

Некрасов (останавливаясь):

– Солнце же печёт, а я, назло фуражку позабыл в поместье!

Производит жесты. Продолжает:

– Однако ж, мужики на знойной ниве, под солнцем уж палящим жнут!

Да много ль получают за труды?!

Кричит (с бородой и в коляске):

– Эй! Мужики!

Мужики подходят, мнут шапки.

Некрасов (мужику в лаптях на босу ногу):

– Отвечай, скотина, тяжела ли мужицкая доля?

Мужик (ломая шапку, потупясь):

– Вестимо, батюшка, тяжела!

Некрасов (в бричке):

– Так чем же тяжела?

Мужики (ломая шапки):

– Да всем, батюшка, тяжела!

Некрасов (подбоченясь):

– Работы, поди, много?

Мужики (ломают шапки, потупясь):

– Ох, много, батюшка, много!

Некрасов (с бородой, в бричке, подбоченясь):

– Так чего ж вы стоите, болваны?!

Мужики:

– Виноваты, батюшка.

Некрасов (строго):

– Ничего, ничего...

Некрасов уносится, оставляя клубы пыли.

Мужики (ломаю шапки):

– Спасибо, батюшка!

Занавес.

НЕКРАСОВ И “ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ”

Поместье Некрасова. Некрасов и помещики едут с охоты. Все пьяны. Встречают бабу с коромыслом.

Некрасов (и помещики):

– Стой, баба!

Баба (голосит):

– Христом Богом, святыми угодниками!..

Некрасов (морщась):

– Отвечай, баба, коня на скаку остановишь? Рупь жалую.

Помещики галдят, делают ставки. Разгоняют коня. Баба тормозит коня на скаку. Ей подносят рубль и рюмку водки.

Некрасов:

– Баба! В избу горящую войдешь? Рупь и рюмка водки!

Помещики галдят и делают ставки. Поджигают избу. Баба входит в избу, бродит там и выходит цела и невредима, не снимая коромысла. Получает рубль и рюмку водки. Помещики со свистом уносятся, теряя ассигнации и клубя пылью. Баба стоит на фоне горящей избы и коня, машет вслед помещикам кокошником.

Занавес.

Ходоки у Ленина

Пьеса

Действующие лица:

Владимир Ильич

Ходоки: мужики числом три, в тулупах, лаптях, с котомками. Стрижены под горшок. Бородаты.

Смольный. Вечер. Кабинет Ленина. Ильич работает.

Стук в дверь.

ЛЕНИН: Войдите!

Входят ходоки. Толпятся в дверях, мнут шапки.

Ленин оживляется, вскакивает, бросается к ходокам.

ЛЕНИН: Здравствуйте, товарищи мужички! (Принюхивается). Экий от вас душок-с! Народным дерьмецом попахивает. С полей-с! (задорно хохочет, прищуря глаз). А, впрочем, проходите, проходите!

Рассаживает всех троих на диване.

Ходоки стесняются. Ильич Ульянов-Ленин хитро разглядывает ходоков.

ХОДОКИ: Мы к тебе, батюшка, по большой нужде...

ЛЕНИН (заливается задорным смехом, откинув голову): По большой, говорите, нужде? Так это не ко мне! Это прямо по коридору и налево!

ХОДОКИ (в смущении): Мы к тебе, батюшка, за советом издали пришедши...

ЛЕНИН (с интересом): Так, так!

ХОДОКИ: Рассуди, батюшка...

ЛЕНИН (нахмурясь): Никакой я вам не «батюшка», батеньки мои! Я вам товарищ! Батюшки все на фонарях болтаются! (весело, задорно хохочет).

Ходоки испуганно подхихикивают.

ХОДОКИ: Товарищ-батюшка Ленин! Беда у нас...

ЛЕНИН (с интересом): Так, так!

ХОДОКИ: Усадьбу помещичью разорили, разграбили, как ты велел...

ЛЕНИН: Оччень хорошо!

ХОДОКИ: Помещиков...

ЛЕНИН (перебивая): Прогнать! Всех прогнать!

ХОДОКИ (смущённо): Сперва хотели прогнать, а потом поубивали...

ЛЕНИН (задорно хохочет, утирая слёзы): Вот уморили! Вот она – смекалка-то мужицкая!

ХОДОКИ: Чаво теперь делать, не знаем...

ЛЕНИН (удивлённо): То есть как, «не знаем»? Землю берите.

ОДИН ИЗ ХОДОКОВ (тощим голосом): А на кой она нам сдалась, земля-то эта?! Её ж пахать надо!

Ходоки зашумели.

ЛЕНИН (в изумлении): Так пашите! Сказал же: «Земля крестьянам, фабрики...этим...рабочим! И т.д.»!

ХОДОКИ (чешут бороды): Экой ты, товарищ-батюшка скорый! «Пашите»! Пахать нечем...

ЛЕНИН: То есть как это, нечем?

ХОДОКИ: А пожгли всё.

ЛЕНИН (изумлённо): Зачем пожгли?!

ХОДОКИ: А на кой оно нам? При царе-батюшке пахали, и таперича что ли пахать?! Накось, выкуси!

Показывают Ленину большой грязный кукиш. Ленин, наклоняясь, внимательно рассматривает кукиш.

ЛЕНИН: Так-с... И что же делать собираетесь?

ХОДОКИ: Знамо чего. В город переберёмся. Тут и пожрать есть, и это...телеграф.

ЛЕНИН (подходит к двери, отворяет и кричит в коридор): Товарищи солдаты! Зайдите на минутку!

Появляются: матрос с деревянной кобурой, товарищ в кожанке и фуражке, солдат с бородой в шинели с винтовкой.

ЛЕНИН: Товарищи, вот этих товарищей ходоков расстреляйте, пожалуйста!

ХОДОКИ (смутясь): Как же это, батюшка Ленин Ильич?

ЛЕНИН (лукаво щурясь): Расстрелять, расстрелять и ещё раз расстрелять!

Ходоков выводят. Ленин садится за стол, работает. За окном хлопки выстрелов.

Ленин поднимает голову, прислушивается.

ЛЕНИН (задумчиво): Маловато патронов у Революции... Надо было распорядиться повесить.

Склоняется над бумагами.

Занавес.

Народный хор в кафе

Опера (Исполняется на мотив «Ой ты степь широкая»)

В кафе входит народный (предположительно кубанский) хор. Мужчины в бурках, сапогах, с кинжалами. Женщины в национальном колорите. Сзади располагается оркестр народных инструментов. Бас-балалайка обязательна.

МУЖЧИНЫ (напористо, сильно):

Это что ж такое творится?!

ЖЕНЩИНЫ (причитая, скороговоркой):

Ойёйёйёии!

МУЖЧИНЫ (сильно, напористо):

Оооотравились хором ВСЕМ!

ЖЕНЩИНЫ (причитая, скороговоркой):

Траванулись, траванулись, траванулись.

МУЖЧИНЫ (грозно, напористо):

Хором ВСЕМ!

Выход солиста-тенора. Звучит спокойная народная музыка, поёт рожок.

СОЛИСТ:

Позовите мне директора! Что же это за дела! Сотню раз со сцены-то убежал, столько ж раз и возвращался!

Оркестр нагнетает мощь.

ХОР (мощно, с напором, распевно):

Отравились хором всем! Это ж не концерт был, а кошмар! Нам верните деньги, деньги все. За отраву вашу погануюууу!

ЖЕНЩИНЫ (часть, причитая):

Потравились, потравились, потравились!

Выходит солист-тенор. Льётся спокойная народная мелодия. Фоном поёт рожок.

СОЛИСТ:

Дайте жалобную книгу мне! Напишу я правду там всю. Как я заказал
щи. А потом сорвал концерт!

ХОР (мощно, с напором, раскатисто):

Отравились хором всем! Это ж не концерт был, а кошмар! Нам верните
деньги, деньги все. За отраву вашу погануюууу!

Выход ДИРЕКТОРА (бас):

Кто вы?

ХОР (героический мотив, напор):

Отравились у вас! Хором пообедавши! Вот хотим чело вам бить.
Хором всем за ваши щи!

ДИРЕКТОР (сторонясь, закрывая лицо рукой):

Постойте!

ХОР (грозно):

Нет!

ДИРЕКТОР:

Постойте!

ХОР (грозно):

Нет!

ДИРЕКТОР (встаёт на колени, скрещивает на груди руки, склоняет
голову):

Раз уж мне судьбина такая, чтоб травить честных людей, до смертноГо
часа своего буду эту ношу нести!

Плавная народная музыка. Фоном рожок. Постепенно оркестр
нагнетает мощь.

ХОР (грозно, торжественно):

Чтоб тебе поганому этих щей, да налить, да в дырки ноздрей! Чтоб
тебе тот винегрет снился до конца твоих лет!

ДИРЕКТОР:

Нееееет!

ХОР (грозно, с напором):

Прощайся с жизнью!

Пауза.

Тихая народная мелодия. Фоном звучит рожок. Директор на коленях с преклонённой головой.

ДИРЕКТОР:

Дело я своё знаю хорошо, чтоб травить чесной народ. Коли мне судьбина такая есть, то не страшно и помереть!

Оркестр нагнетает музыку.

ХОР (мощно):

Ах, коль ему судьбина такая есть, то сейчас придётся его увести!

ДИРЕКТОР (тяжело поднимаясь, крестясь):

Ведите...

Берут под руки, уводят.

Занавес.

Любовь и ненависть

Пьеса

Действующие лица.

АРТУР – молод, недурен собой.

АННА – молода, недурна собой.

ТЕТУШКА – старуха лет 80, немолода.

И другие.

Действие I.

На сцене меблированная комната. В креслах сидит Артур. Он задумчив. За кулисами шум дачного поселка.

АРТУР: Однако, что-то нынче не ясно (как бы очнувшись). Не поехать ли мне кататься? (Смотрит в окно за спиной).

Входит слуга.

СЛУГА: Кушать подано (уходит).

АРТУР: Ах, конечно, конечно... Кататься... (Кричит) Эй! Человек! (Делает жест рукой. Одевается, уходит).

Пауза.

ГОЛОСА (из-за кулис): Ах, нет, нет и нет.

Входят Анна и Константин.

АННА (удивленно оглядываясь): А где книги?

КОНСТАНТИН (с готовностью): Вот книги!.. (Дает Анне книги. Анна берет книги, читает).

КОНСТАНТИН: А где нынче тетушка?

АННА (падая без чувств): Ах! Она скончалась.

Входит слуга.

СЛУГА: Кушать подано (уходит).

КОНСТАНТИН: Ах, Анна! Книги, книги!

АННА (слабо): Что мне?

Замирают.

Занавес.

Действие II.

Та же комната.

АРТУР (задумчиво декламирует): Ах, что мне свет, коль нет его донныне! (трагически закрывает лицо руками).

Входит Анна.

АННА (смущенно): Я, кажется, некстати...

АРТУР: Ах, нет! Недавно я катался. (Страстно) Анна, я... я... (запинается..., и не в силах сдержать себя, рыдает).

Входит слуга.

КОНСТАНТИН: Вам плохо?

АРТУР: Нет! Это так... (обреченно замолкает).

КОНСТАНТИН: Анна! Вы чудовище!!!

АННА: Ах, нет, нет!!!

АРТУР (слуге): Пшел вон!!!

СЛУГА (уходя): Кушать подано.

Занавес.

Действие III.

Комната в черных тонах. Кресла. В креслах – Артур.

АРТУР (делает взмах рукой): Жизнь трудна.

Падает покрывало. За ним – Анна.

АННА (бледнея): За что? За что?
АРТУР (трагически): Ах, нет ее... (рвет волосы).
АННА (истерически): Вы все убийцы! Ненавижу!

Входит слуга.

СЛУГА: Кушать подано (уходит).

Продолжительная пауза.

АРТУР: Пшел вон!!! (Вонзает нож в Анну).
АННА (бледнеет и падает в обморок): Я люблю тебя!..

Артур рвет волосы и выбегает из комнаты. Входит Константин.

КОНСТАНТИН: Анна! Анна!!!
АННА (поднимаясь): Все это только фарс.
КОНСТАНТИН (в ужасе): Анна! Вы чудовище!!!

Анна демонически смеется. Константин вонзает в нее нож.

АННА (валясь на бок): Костя!
КОНСТАНТИН (цинично): Умри!

Входит слуга.

СЛУГА: Кушать подано (уходит).
КОНСТАНТИН (оборачиваясь): И ты здесь, гнусный демон,
двуличный Янус?!!!! (Бросается с окровавленным ножом за кулисы).

За кулисами шум борьбы, крики.
Звучит музыка.
Занавес.

Действие IV.

Константин и Артур.

АРТУР: Я любил ее... (Не в силах сдержаться, рыдает, рвет Косте волосы, убегает).

КОНСТАНТИН (со злой улыбкой): Ты мне заплатишь за кровь Николая! (Вынимает нож, бросается за ним).

За кулисами шум борьбы, крики «Нет! Нет!!!». Все смолкает...

На сцену выползает окровавленный Артур в белой окровавленной рубахе.

АРТУР: Жизнь кончена, мой друг...

Константин выходит, пошатываясь. Поворачивается к залу спиной. Спина окровавлена.

КОНСТАНТИН: Умрем друзьями!..

Жмут руки. Умирают.

Сантьяго

Трагедия

Действие первое

Сцена первая

Испанская провинция, стог сена. У стога Родриго и Камильо.

РОДРИГО: Однако, жаркий день сегодня, и солнце прямо в сердце ранит.

КАМИЛЬО (со смехом): То верно! Я бы выпил бочку пива, да поросенка съел с петрушкой

РОДРИГО (весело): Обжора гнусный! Что тебе любовь, что воздух свежий! Мечтаешь только о еде и пище! (Смеются).

Уходят.

Сцена вторая

Те же и Яго

ЯГО (закрываясь плащом, зло): Ах, как я ненавижу солнце, людей, животных и природу! Я один умнее всех, красивой и ...

Появляется древняя старушка, она слепа.

СТАРУШКА: О, рыцарь! Я слепа, я нищенка больная. О, дай мне хлеба, ради Бога!

ЯГО (со злой усмешкой, подавая ей камень): Вот, добрая старушка, возьми сей хлеб. (Смеется, закрываясь плащом).

СТАРУШКА (берет камень): Спасибо, добрый человек. Не ела я уж месяц. Ты спас меня. (Кусает). О, зачем ты дал мне камень вместо хлеба! (Рыдает в стог сена).

ЯГО (зло): Пошла ты прочь, карга! Откуда ж хлеба в поле я возьму?! Подумать можно, что с собой таскать повсюду каравай я должен. (Закрывается плащом, уходит со злым смехом).

Из-за стога выходят Родриго и Камильо.

РОДРИГО (весело толкая Камильо): Смотри, мой друг, старушка плачет и камень держит в согнутой руке. (Смеется).

КАМИЛЬО (серьезно): Постой! Она, кажись, слепая...

РОДРИГО (в задумчивости): Что привело ее сюда? И камень у нее не просто так лежит в ладони.

СТАРУШКА: Обидел старую старуху подлый Яго. Злодей и негодяй! Просила хлеба я, а он мне камень дал заместо.

РОДРИГО и КАМИЛЬО (в ужасе и негодовании): Ах, Яго?! Так кто еще способен так вот издеваться?! Ему набьем чело мы, только встретим!

СТАРУШКА (со слезами благодарности): Спасибо, добрые, отзывчивые люди! За доброту за вашу вам скажу, что будет с вами через годы. Подайте руки мне сюда!

Подают.

(Родриго) Ты, рыцарь, будешь очень счастлив. Найдешь свою любовь, и будут дети. Потом состаришься, и будут внуки. Ты будешь счастлив.

Уходит, оставив их одних.

Действие второе

Сцена первая

Сток сена, поле, Яго.

ЯГО (закрываясь плащом): Все разболтала старая старуха. Однако средство есть и у меня ... в запасе. (Достает флакон). Конечно, ЯД! (Смеется, уходит).

Появляется Сивилья.

СИВИЛЬЯ (держится за сердце): Ах, странное предчувствие меня съедает. Родриго, кажется, грозит опасность. Ему должна немедля оказать я помощь.

(поет):

Словно полевая лилия

Роняет росу со стебелька,

Так катится слеза моя
По моим алым губам
К тебе на грудь, мой милый.
Тебя люблю, и неужели
На свете есть любовь сильнее
Чем эта?*(Задумывается).

Появляется Родриго. Он печален.

РОДРИГО (поет):

Подобно лилии на

Тонком стебельке.

Так жизнь моя идет

Своим чередом**

(Страстно хватается Сивилью за плечи). Скажи, меня ты любишь?!

СИВИЛЬЯ: Да, люблю!

ЯГО (злобно крадется сзади с флаконом яда и кинжалом. В руках его пистолет и нож. Закрывается плащом): Сейчас конец придет обоим!!!
(Вонзает нож в спину Сивильи).

СИВИЛЬЯ: Ой! Кольнуло сердце!

РОДРИГО: Любимая!

СИВИЛЬЯ: Любимый!

ЯГО (Родриго): Умри и ты! (Стреляет ему в голову).

РОДРИГО: О, Яго! Что наделал ты! Разбил любовь! (Умирает).

СИВИЛЬЯ: Ты мерзок, Яго! (Умирает). (Вонзает в сердце нож). Умру за то! (Принимает яд, умирает).

Занавес.

*Перевод с исп. П. Тарасенко

**Перевод с исп. Т. Парасенко

Смерть Моцарта

Пьеса

Действующие лица:

МОЦАРТ – юн, быстр;

САЛЬЕРИ – стар, медл.

Сцена первая

Сад. В саду Сальери. Вид его не свеж. Держит рукой чело.

САЛЬЕРИ: Ах, Моцарт, Моцарт!

Знал бы ты, что еду

Нынче в гости я к тебе... (Уезжает).

Сцена вторая

Комната барокко или рококо. Мебель, рояль. Везде стоят бутылки. Посреди – накрытый стол. На столе шампанское и бокалы. В комнате Моцарт. Он играет на рояле.

Входит лакей.

ЛАКЕЙ: Ах, Моцарт, Моцарт! К Вам – Сальери.

МОЦАРТ (перестает играть, закидывает голову, смеется):

Сальери? Пусть идет сюда.

Его с утра я жду, однако. (Входит Сальери).

Сальери! Вот так да!

Тебя ли вижу я, так рано утром? (Спохватывается).

Ах, да! Вина! Вина!

(Ведет Сальери к столу, наливает, делает порыв к Сальери).

Сальери! Пьесу написал я давеча в гостиной.

Она со мной. Постой не пей.

(Бросается к роялю, играет. Сбивается. Играет снова. Бросает, наконец).

САЛЬЕРИ (брезгливо): Ты выпил, Моцарт...

МОЦАРТ (пропуская мимо ушей): Ну, каково?

А давеча, я скрипку слышал.

Чудесный инструмент. Малехонька, а скрипу, писку, шуму!

Такая прелесть...

Однако выпьем... (выпивает).

САЛЬЕРИ: Послушай, Моцарт!

Ты слушал скрипку?! Остановился слушать скрипача?!

(Оборачивается к Моцарту. Моцарта тошнит в рояль. Сальери продолжает).

Когда успел ты?

Право, не припомню, чтоб скрипку ты любил.

По-моему, все больше барабан.

Но, впрочем, ладно... (Пьет).

Моцарт с зеленым лицом, шатаясь, сзади подходит к Сальери. Сальери наливает.

МОЦАРТ: Гав! (Звон бокала, смех Моцарта).

САЛЬЕРИ (гневно): Ты, право, Моцарт, идиот!

Своим собачьим лаем

Смутил меня ты! (Наливает, выпивает).

МОЦАРТ: Ты прав!

Вина, еще вина!

Но где же кружка?

САЛЬЕРИ (раздраженно): Ты гений на идиотизмы...

Ты давеча, когда писал ноктюрн,

Ее поставил на рояль

Для большего и звучного вибрато.

Моцарт тупо смотрит в глаза Сальери. Сальери смотрит на Моцарта. Моцарт падает на пол.

САЛЬЕРИ (делает порыв): Ты умер, Моцарт?!

МОЦАРТ (вдруг бросается к роялю): Послушай, что я сочинил!
«Кантата на падение Кастилии»
(Играет что-то бесформенное. Обрывает).
Однако выпьем!

САЛЬЕРИ (поворачивается к залу с болезненным лицом):
Несовместимы, гений и злодейство...

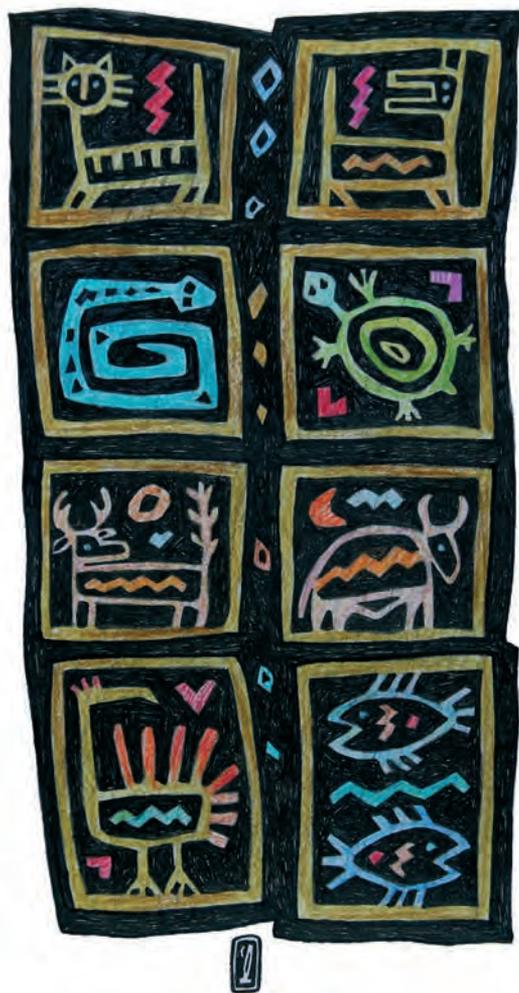
МОЦАРТ (пья): Чего?

САЛЬЕРИ: Да, впрочем, так...

ФOLSKЛOPHOE

Жил-был Иван-дурак. Да и помер.

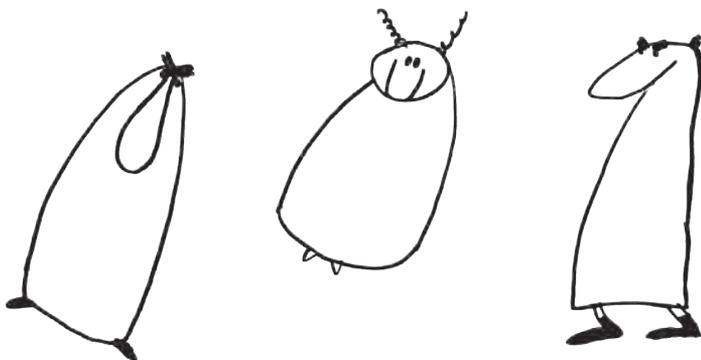
Жил-был Мужик. Пошел он как-то раз на базар и купил там хомут. Купил, повесил на шею и пошел домой. А Жена увидела его с хомутом на шее и запричитала. А Мужик от горя помер. А потом вся деревня танцевала. Потому что дело было в Мексике.

Жил-был Петров. А дело было в субботу. Петров напился алкоголя и уронил в реку трактор. А навстречу ему Василиса Прекрасная.

– Утро, – говорит, – вечера мудренее.

Проснулся Петров – смотрит, а в речке уже три трактора и комбайн. Вот уж и, правда, мудренее...

ЖИЛА-БЫЛА ОДНА ДЕВОЧКА,
И БЫЛО У НЕЁ ТРИ СЫНА....

Алкобыль

Ой, да то не ветер по деревьям перешелёстывает, то не реченька шумит широкоструйная, то не молот гремит кузнеца-молодца, то и не то совсем. А то удалой молодец-богатырь Геннадий свет Сергеевич по прозванию Осиновый на опохмельное дело сбирается, в одежи статные одевается.

Ни свет ни заря он на улице, на пидзажи красивые любитесь, путь-дорогу держит пряменько.

А навстречу ему добрый молодец. О синих штанах он с лампасами, в красной он футболочке, с пакетом в руке полиэтиленовым. И молвит удалой молодец:

– Ой ты гой еси, добрый молодец! А иду я на поклон к моей маменьке. Да испил с вечера-с утра-вечера зелена вина, да учует, еси, дух пряный моя маменька! А подай, еси, богатырь ты мне пять рубликов, одари меня, еси, еси, своей милостью на жевачную резину заморскую, чтобы дух отбить непрезентабельный...

Поглядел Геннадий-богатырь на молодца, открыл-отпахнул мощну скудную, да от своих щедрот, да и выложил.

Молвил тут добрый молодец:

– Не забуду я твоей милости, и щедрот твоих не забуду я. Только свистни, только топни, появлюся я и помощь способную окажу тебе!

На том и расстались.

А тем временем, держит путь Геннадий свет Сергеевич по прозванию Осиновый во торговый край да за зеленым вином.

А навстречу ему сирый бомже.

Держит речь сирый бомже:

– Ой ты, еси, гой, еси, добрый молодец! Сирый бомже я, инвалидушка. Да жена меня моя бросила, да с дела ратного уволили. Скитаюсь я теперь сирота-сиротинушка, убогий да сирый побираюся. А подари ты меня, еси, добрый молодец о пяти рублех!

Прослезился тут Геннадий-богатырь, да понурил буйну голову.

Да распахнул мощну свою скудную, да от своих щедрот, да и выложил.

Молвил тут бомже сирый:

– Не забуду я твоей милости, и щедрот твоих не забуду я. Только свистни, только топни, появлюся я и помощь способную окажу тебе!

На том и расстались.

Держит дальше путь Геннадий-богатырь. А навстречу ему супостаты суровые. Глядь-поглядь, мошну отобрать сулят скудную, ногами на молодца притоптывают, руками сучат в его сторону. Стать грозят нарушить молодецкую.

Тут присвистнул Геннадий-богатырь, да кедовою ножкой притопнул:
– Эй вы, добры молодцы да алкогольных дел, эй вы, бомжи сирые! Вылезайте да выползайте на подмогу мне, благодетеля своего от поругания упасите!

Тут как выползли изо всех щелей алкогольных дел мастера да бомжи сирые, тянут к супостатам руцы тёмные, просят голосами жалобными о пяти рублей. Разевают рты беззубые, приближают лики необритые, глядят очами заплывшими да подбитыми.

Испугалися тут супостаты, да разбежались восвояси.

Глянул окрест Геннадий-богатырь, да подарил всех заступников по пяти рублей.

Потом хватил он на торжище ковш зелена вина, да вдогонку мёду крепкого, да грянулся оземь, тут и сказке конец.

Жили-были сестричка Аленушка и братец Иванушка. Вот идут они раз по лесу. Солнышко печет, жарко. Видят – на тропинке коровьи копытца. Иванушка говорит Аленушке:

– Солнце высоко, колодец далеко. Напьюсь из копытца?

А Аленушка ему отвечает:

– Не пей, Иванушка, теленочком станешь.

Обиделся Иванушка, но промолчал. Долго ли коротко ли, видят – на дороге лошадиные копытца. Иванушка говорит:

– Солнце высоко, колодец далеко. Напьюсь!

А Аленушка в ответ:

– Не пей, Иванушка, жеребеночком станешь.

Долго ли коротко ли, подошли они к горе. Под горою – козьи копытца. Иванушка говорит:

– Солнце высоко, колодец далеко. Напьюсь из копытца.

– Не пей, – говорит Аленушка. И отвернулась.

Иванушка попил из колодца и стал козлом, потому что за горою был колодец.

Житие нежити

Сказка

...Иван с длинным заскорузлым шестом брёл по болоту. Путь был долгим и трудным. Наконец, увидев небольшой островок, Иван огляделся, отдышался, подумал: «Здесь»... Мрачно исследуя болотную жижу, Иван достиг островка. Усевшись в сырую зелень, Иван стал ждать.

«Ну, Добрая Фея и сама по себе ничего... Всё лучше, чем с жабами целоваться...», – думал Иван.

Вода пришла в движение, и над волнами образовалась головка с зелёными волосами, хитрыми, зелёными же глазками и острым длинным носом. Иван вытаращил глаза и выронил шест.

– Иван? – спросила головка, – пристально глядя на Ивана.

– Иван, – оторопело ответил Иван.

– Дурак или Царевич? – требовательно спросила зелёная голова.

– Ну... – замялся Иван, – ну Дурак, а ты кто?

– А то не заметно! Кикимора Болотная.

– Что ты здесь делаешь?! Я Русалку жду!

– После жаб теперь Иванов на русалок потянуло? Что ты с ней делать будешь? Сверху целовать, а снизу копытить?

Кикимора кокетливо поднялась из воды. На ней был расшитый купальный сарафан. Кикимора, небрежно откинув зелёные пряди, играя бёдрами, вышла на островок и уселась рядом с угрюмым Иваном.

– Влюбился... – Иван опустил голову, – Добрая Фея координаты дала.

– Таааак... Добрая Фея, значит, – проникновенно пропела Кикимора.

– А мне на это время обещала Ивана, только Царевича!

– А Русалка где? Обманула Добрая Фея...

– Дурак!

– Кикимора!

Иван и Кикимора ссутулились и уставились в болотную даль.

Иван, отвернувшись от Кикиморы, прогудел:

– Подождём чуток, и по домам...

Кикимора тонко вздохнула:

– Чуток подождём...

Наступали густые летние сумерки. Ивану нужно было собираться.

Кикимора разочарованно смотрела на закат. Иван поднялся и внимательно уставился на Кикимору.

– Ты без воды жить можешь?

Кикимора, не отрывая взгляда от заката, вздохнула:

– А кто ж может-то?

Иван насупился, подобрал шест и тихо пробасил:

– Ну её в пень, эту Добрую Фею с ейной Русалкой бешеной! Давай, Кикимора, жениться! А что, красиво звучит – Иван Дурак и Кикимора Болотная! Дети пойдут все Ивановичи Дураки... Династия! Фамилия!

Кикимора повернула зелёную голову к Ивану. Осмотрела крепкую крупную фигуру.

Вздохнула и прижалась мокрым сарафаном к иванову плечу. Зажмурившись от внезапно нахлынувшего счастья, прошептала:

– Согласная.

ДВА

МЕДВЕДЬ

РУССКО-НАРОДНАЯ *
СКАЗКА

Жили-были ДВА БОЛЬШИХ МЕДВЕДЯ. Они очень любили МЁД. Они жили в ЛЕСУ и бродили по нему. Больше они ничего не умели делать. Потому что они были НЕЛЮДИ а МЕДВЕДИ. А это значит что им и не полагается ничего ДЕЛАТЬ, как только жрать МЁД и бродить по ЛЕСУ в поисках ульёв. Так их жизнь и течёт. Никаких хоббиёв и увлечений, только лишь один МЁД. Тяжело быть МЕДВЕДЕМ. Бродишь по ЛЕСУ, ищешь МЁД а потом наешься и в спячку. Разве это жизнь? Вот они и бродят по ЛЕСУ от БЕЗДЕЛЬЯ.

Но есть другие МЕДВЕДИ. Они ездят на ВЕЛОСИПЕДАХ в ЦИРКЕ. Так это вообще не МЕДВЕДИ, а ДЕГЕНЕРАТЫ. А те что бродят по ЛЕСУ - те настоящие.

ПОМНИ ЭТО, НЕ ЗАБЫВАЙ.

THE END

БЫЛЬ

Жил когда-то древний старик. И было у него четыре сына.

Вот пришло время старику умирать, и призывает он своих сыновей.

– Сыны мои! Пришло мне время помирать. Но, прежде чем я умру, хочу дать вам один мудрый совет. Принесите мне веник!

Принесли старику веник. Старик выразительно поглядел на детей. Вынул из веника прутик и с треском сломал. Затем вынул второй прутик и снова сломал. И так еще два раза. Затем старик снова выразительно глянул на сыновей. Взял в холодеющие руки веник, согнул... А веник – ХРЯСЬ! – и пополам! Выпучил старик глаза на веник, захрипел да помер.

Так и не поняли сыновья мудрого совета.

В одной старой-старой стране в давние-давние времена жил ну просто дряхлый султан. Он был такой справедливый и добрый, что все его ненавидели, потому что простой народ любил воровать и жульничать. Потому каждый день кому-нибудь отрубали что-нибудь в наказание.

И вот один раз приходит к султану один из его слуг и, низко поклонившись, говорит:

– О высокочтимый, добрый и справедливый султан! Какой-то нищий, старый, грязный, слепой, хромой и, по-моему, даже глухой мудрец из далекой страны хочет сказать тебе и только тебе какую-то мудрость!

Султан подумал и махнул рукой, подчеркнув тем самым свою любовь к простому народу и международным отношениям.

Минуту спустя жалкий мудрец из далекой страны стоял перед султаном:

– О великий султан! Один человек посадил дерево. Он поливал его, заботился о нем день и ночь. И когда оно зазеленело, он отгонял птиц, чтобы они не повреждали листву и ветви. Также у этого человека была лошадь, которую он поил, кормил, холил и на которой пахал свое поле...

– Так у него было еще и поле?! – спросил султан заинтересованно.

– Нет, мой господин, – ответил мудрец, склонив голову в наклоне, – это был лишь жалкий клочок земли, на которой росло несколько колосков, из которых можно было получить лишь два-три мешка муки...

Когда все кончили рыдать, мудрец продолжил:

– И еще у него была ветхая хижина с соломенной крышей. И когда лил дождь, редкая солома не спасала человека от воды, и ему приходилось спать на улице...

Тут воцарилась пауза с долгим молчанием. Все погрузились в глубокое задумчивое стояние ума.

– Так что дальше? – спросил, наконец, султан.

– Так вот, – проснувшись, продолжал мудрец из-за тридцати земель. – И в хижине стоял грубый стол из грубых занозистых досок, из которых торчали сучки... и два стула из плетеной ивы...

– Из стола торчали? – спросил султан, с трагическим лицом, голосом, полным сострадания.

– Нет, о, повелитель, они стояли рядом, и на них нельзя было сидеть, – категорично ответил мудрец и продолжил. – Окна были затянуты бычьим

пузырем, и стекол не было в них, а пол был земляной и сырой...

Султан зевнул и, переменив позу, с интересом продолжал слушать.

– Дверь висела не на петлях, а на кожаных ремнях, и ветер, будто играя, хлопал ею – хлоп-хлоп, – старик жутким голосом продолжал рассказ.

– Ваше величество, – вкрадчиво и тихо сказал султану на ухо его главный визирь, – это, конечно, дерзость с моей стороны, но мне кажется, что этот почтенный мудрец или просто сумасшедший, или издевается над нами.

А скрипучий голос мудреца возносился к сводчатым потолкам.

– Когда пекло солнце, то соломенная крыша не спасала его от солнечных лучей. О солнце! Зачем так коварно твое сияние! – старик вдруг сорвался на крик.

Султан изо всех сил старался удержать свое внимание на рассказе мудреца, а прервать его означало заработать репутацию правителя, глухого к мудрости. А старик уже согбенно делал вид, что подбирает что-то с поля:

– Лошадь щипала редкую траву и косилась на зеленое дерево...

Все оживились, так как наклеивалась какая-то завязка. Но старик тут же сбил пыл эмоций:

– Но дерево скоро завяло, – произнес он, как будто даже с нажимом, – и человек истопил печь.

– Прости милейший, – перебил султан мудреца, – в чем же мудрость сей притчи?

– Ваше величество нетерпеливо, – сварливо, раздраженно и нагло заявил мудрец. – Я еще не окончил, – он секунду недовольно собирался с мыслями и продолжил, – кот еще был у человека...

Обреченный вздох эхом разбилась о высокие потолки.

Теперь всем казалось, что мудрость недостижима.

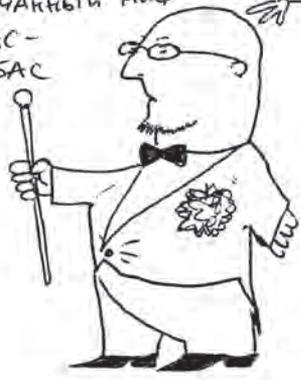

БУРАТИНА ДОБРЫЙ
МАЛЬЧИК-ПЕНЬ

РАЗВЕНЧАКНЫЙ МИФ
КАРАБАС-
-БАРАБАС

МАЛЬВИНА

АКТРИСЫ И ВОСПОМИНАНИЯ

Актрисины воспоминания. Валерия Фёдоровна фон Куки.

Однажды, после реплики Гробовского: “Какая ночь! О Боже! Лизанька, какая чудная ночь!”, я так натурально обмерла, что зрителей весь спектакль выносили с переломами всяких костей и черепно-мозговыми травмами голов!

Немирович очаровал меня своей бородой. Если бы он был женщиной, я бы непременно влюбилась!

Пупырьев, исполняя роль Артура, неудачно выпал в кулису. Боже, что тут началось! Зал ахнул. В этот момент я должна была выходить с моей репликой Екатерины: “Там баре приехавши!”. Я же застыла в дверях и не смогла вспомнить роль! И я просто ушла со сцены в уборную. Пока Пупырьев поднимался, зал ревел аплодисментом.

Режиссёр Грябов полный непрофессионал. Работать с ним тяжело и неудобно. Этот профан орёт мне из зала: “Настасья любит рабочего, а не барского сына! Она должна отворить двери и причитать!”. На что я ответила: “Засуньте своего рабочего в (неразборчиво), я в уборную иду!”. И ушла в уборную. Что тут началось! Поутру меня полностью рассчитали!

Немирович-Данченко однажды сказал мне: “Работать в нашем театре для молодой актрисы, конечно же, честь. Но ты, кляча, иди тротуары подметать!”. Представляете?! Я была просто очарована его бородой!

Мармеладский играл роль Рыбинского. Он подходит, отворяет шкаф, отшатывается и хватается рукой за левое сердце. Гремит выстрел. Я падаю без чувств и опрокидываю стол, на котором стоит ваза с цветами. В это время входит Жеманский с конём и с чувством изрекает: “Какая страшная игра! Какая жестокая смерть!”. Зал ревёт, врачи выносят пострадавших. Так вот Жеманский с конём всё напутали! Выходят и говорят чудовищную фразу (раньше за такое волокли в околоток!): “Какая страшная смерть! Какая жестокая игра!”.

Что тут началось! Всё смешалось. Конь ускакал, публика ревёт. А я лежу в лепестках роз и не двигаюсь. Пожарные выносят меня в уборную, где я пролежала ещё целых полчаса!

Морковский был гений. Однажды, играя Гамлета, он так вошёл в роль, что на его реплике: “Быть или не быть? Вот в чём вопрос!”, публика ломала руки в аплодисменте и буфет в антракте.

Когда скончался великий Крабов, я так рыдала возле гроба, что родные покойного без разбору валились в открытую могилу. Потом подходит этот Жеманский и говорит, что Крабова ещё вчера похоронили и хоронят вовсе какую-то Петровскую! Я была готова убить обоих!

Леночка Брыдлова была сплошная дрянь! Мне выходить с моей репликой Екатерины: “Там баре приехавши!”, а она, представьте, заявляет на весь зал: “А не приехали ещё баре?”, то есть, губит меня, губит... Я же не такова! Выхожу и говорю, чтоб слышал Немирович: “А баре-то уж давно приехавши!”, то есть, гублю её, гублю... Немирович рукоплескался моей находке до полного изнеможения.

Жбанковецкой стрелялся Ленским с Онегиным-Шторцем. Ему стреляться, а он не находит пистолета! Марковский-секундант пьян! Великолепный Жбанковецкий принимает единственно верное решение:

“Вперёд, на сцену, публика ждёт!”, и выбегает на сцену без пистолета! Зал замер. Они поднимают руки, Шторц с пистолем, великолепный Жбанковецкий с пальцем указательной руки. Гремят два выстрела – пистоль Онегина и губы Жбанковецкого... Всё смешалось! Шторц, вопреки великому Пушкину впадает в обморок, его уносят пожарные. Великолепный Жбанковский доигрывает Онегина Онегиным!”.

Этот Жеманский играл Ноздрёва. Собирается он заносить над Чичиковым-Крабовым черешневый чубук, глядь, а в руке у него натурально чубук не черешневый. И этот профан в подобном состоянии доиграл до конца роль! Крабов после этого слёг. Я так же слегла. Публика валила в буфет, опрокидывая ряды и цепляя занавес...

Блистательный Щучий играл Ивана Грозного в “Иване Грозном”. Выходит на сцену, бьёт посохом о землю (в пол) и произносит гениальную фразу: “Бояре, ниц!”... Бояре и челядь от игры Щучева падают ниц, бьют челом об пол и рушатся все в бессознании. Блистательный Щучий, видя, что массовка в (далее неразборчиво), обводит взглядом публику и вновь произносит: “Бояре, ниц!”. И достоверно гремит посохом!

Что тут началось! Слышен был стук голов об кресла, а меня, бессознательную, выносят пожарные в уборную. Блистательный Щучий играет Грозного при полной тишине!

Этот Жеманский играл роль гусара, а Гарбовская отставную княгиню в ссылке.

Гусар домогается княгини. Княгиня мук не переносит – ни в какую! Меж ними стол с яствами. И вот они так впали в роль, что Гарбовская надкусила и жуёт бутафорское яблоко из воску! Жеманский, на реплике: “Да пропади оно всё пропадом, Елизавета!”, натурально отрезал ногу индюка из папье-маше и натурально съел!

Гарбовская, в чувствах, надкусывая яблоко, произносит: “Вот яблоко раздора, страсти, познания добра и зла!”. Бросает Жеманскому надкушанное яблоко, которое тот тотчас же съедает!

Представляете?! Эти ничтожества за одну сцену сожрали весь реквизит!
(Сочинено совместно с В. Кокаревым).

Однажды мы вдрызг разругались с Камышевским. Камышевский орёт на весь зал: “Господа персонал! Выведите эту клячу и больше в театр не пускайте!”. Это его Леночка Брыдлова охмурила, чтобы получить роль Екатерины. Меня выводят и затворяют двери. Назавтра спектакль! Я же не могу существовать без моей Екатерины!

На следующий вечер я переодеваюсь пожарным, наклеиваю эдакие страшные усы, надеваю шлем и иду в театр. Прохожу беспрепятственно в уборную, переодеваюсь в Екатерину и бегу в кулисы. Конечно же, эта Брыдлова там уже бродит как пава. И вот, за мгновение до моей, заметьте, реплики “Там баре приехавши!” я уже вперёд неё на сцене! Выхожу и говорю: “Там баре приехавши!”. Что тут началось! Всё смешалось! Оказалось, что усов и шлема я впопыхах не сняла! Я падаю в обморок, настоящие пожарные выносят меня через чёрную лестницу на улицу.

Изумительный Панамин восхитительно играл детей. Когда на его 70-летний юбилей был его бенефис, он переиграл все детские сцены так достоверно, что долго не мог выйти из роли, и гонорар требовал конфетами и оловянными солдатиками!

Качалов был личность тонкая и артистичная. И, представляете, Сережа Есенин пишет стих не гению Качалова, а его одноименной собаке! Тонкий Качалов на это говорит: «Сережа! Я личность тонкая и артистичная, а ты псу моему смердящему вирши пишешь!».

Что тут началось!

Есенин вскочил на убранный стол, в руке – вилка, в аналогичной руке – малосольная сельдь, заметьте, с молоками!

– Твоя псина мне лапу подает, а ты и мил, и знаменит, – кричит Есенин, – в ресторанах, порой, замечать меня не хочешь, сука!

И наотмашь сельдью хватает тонкого Качалова по талантливому лицу! Что тут началось! Молоки летят дамам в декольте. Всюду все смешалось.

Сережа сельдью, как саблей, размахивает, Качалов в спальную ушел от греха, а Джим, пес одноименного Качалова, пометил вдову Бровина и, брошенную Есениным сельдь, вылизал вчистую. Ах! Как же жили люди!

Пушкина я не застала. Как и не застала Гоголя. Говорят, что переживали они невозможно.

Шкрябов писал пьесу. И вот несется ко мне среди ночи. Вьюга, уж и лихачи дремлют, прислуга спит. Так нет! Ломится натурально в парадную и кричит на манер Дона Хуана:

– Отворите, – кричит, – отворите парадную, я войтить хочу!

На свист сбежалась вся дворня: дворник и милиционер. Я же в прозрачном пеньюаре и капоте с балкона только и произнесла:

– Ах, оставьте!

И ушла в уборную. Шкрябов же не унялся. Растолкал дворника с милиционером и поет мне, натурально, арию Артура из «Кровавой Жужу». Была бы я опытнее, а примус – легче, милиционер бы выжил, а Шкрябов стал бы мне автором.

Бывала и под знаменитым «Зеленым абажуром». Молодые люди настолько нас умучили, что я Наденьке сказала:

– Надюша, выпроводи всех их вон. Накурили, не продохнуть.

Наденька на меня взгляд накинута и отвечает:

– Пусть Володя закончит, тогда и разойдемся.

На что я во всеуслышание произнесла:

– Ну да. Не Ефима же звать их всех сапогами в пенсне гнать!

Ульянов этот Наденькин отчего-то смутился, забрал лампу и с господами ушел в пургу.

Потом они эту свою глупую революцию составили...

Когда Пржевальский скрестил свою лошадь с конем, он повсюду скакал на обоих поочередно, демонстрируя свое открытие. Пржевальский – хам, конь – моветон. А лошадь – так себе. Всегда была похожа на коня.

Однажды в «Безумном безумце» Крабова покусала воображаемая собака по ходу пьесы. Так вот, великий Крабов после этого всего захворал воображаемым бешенством и натурально скончался в воображаемых мучениях.

Крабов и этот Жеманский так натурально разыграли конфликт, что публика валила из зала с криками: «Милиция, милиция! Господа актеры дерутся!».

Однажды Немирович сбрил свою знаменитую бороду. Приходит на премьеру и привычным шагом следует в театр. Его не пускают.

– Позвольте, – артистически восклицает возмущенный Немирович, – я Немирович!

– Да хоть бы сам Данченко или господин Станиславский, – отвечают ему. – А только господин Немирович при бороде, а у Вас щеки, как задница, просим прощения.

Возмущенный Немирович бледнеет как астра, хватается рукой за гениальную печень и уж собирается валиться с острой коликой, как в театр входит Станиславский с бородой и без пенсне и пытается проследовать мимо вахты. Его не пускают. Возвышенный Станиславский гордо изрекает:

– Я Станиславский, пустите, суки!

В этот миг Немирович перестает валиться с коликой и восклицает:

– Мне Станиславский друг и собрат, а ты – самозванец, и не знаешь, что Станиславский брит и близорук, а у тебя, проходимец, борода лопатой.

Станиславский с достоинством визжит:

– А ты кто такой, чтоб мне, великому Станиславскому, на внешность

показывать в столь мужицкой манере?!

Немирович покраснел, как мел, и кричит:

– Я Немирович!

Статный Станиславский громко смеется:

– Не верю! Какой ты Немирович?! Немирович мне друг и собрат, он при бороде, а у тебя, шарлатан, щеки как задница!

Что тут началось! Пришлось вызывать пожарных. В конце концов, после предъявления документов на предмет установления личности обоих пострадавших полиции, Немирович и Станиславский узнали друг друга и обнялись. Полиция и пожарные аплодировали стоя.

Немирович уж после всего бороды не брил, а Станиславский, побрившись, возобновил пенсне, но до конца дней своих боялся пожарных и полиции.

В бездарном Скандалове лишь единственный раз открылся актерский дар. Он играл Хлестакова в «Ревизоре». По ходу пьесы он соблазняет жену и дочь городничего. Скандалов так увлекся, что на глазах восторженной публики соблазнил горничных и прочую прислугу и, не помня себя, в артистическом экстазе полез в зал! Что тут началось!

Дамы визжат и разбегаются, мужчины наперебой зовут Скандалова стреляться. Прибежали пожарные и директор. Всех успокоили и рассадили по местам. Хлестакова доигрывал этот Жеманский, под угрозой быть рассчитанным, если пойдет по стопам Скандалова. Жеманский страдал, но пьесу доиграл. После чего напился с дворником и укатил в номера.

Скандалова же после публика носила на руках.

Когда случился большевистский бунт, была премьера «Кровавой Жужу». Директор, белый как лосось, выходит на сцену на дрожащем под фраком протезе, тормозит действие. Все замерли. Кордебалет от волнения забыл опустить юбки. Директор выходит к залу и произносит:

– Господа! Только что случилась Великая Октябрьская Социалистическая Революция!

Все смешалось. И лишь, как позже рассказывал переодетый в Настеньку Немирович, великий Станиславский, сохраняя свою

знаменитую статью, крался по улицам, переодетый матросом, и повторял гениальную фразу: «Не верю! Не верю!».

Знаменитый Василиск Заставский, старейший актер театра, сызмальства играл престарелых дедушек, ни разу не сменив амплуа. На его юбилей его вынесли на сцену в кресле и длинных таких бакенбардах, обложили цветами и открыли шампанское. Знаменитый Заставский был, как всегда в образе и за все событие не пошевелился ни разу, и слова не произнес. Так его и похоронили.

Бездарный Скандалов имел, однако, положительную черту – впадать на сцене в артистический экстаз. Однажды, в последнем акте «Отелло», Скандалов, игравший Отелло, так увлекся, что, задушив Дездемону, передушил всю челядь и полез в зал. Что тут началось!

Дамы визжат и разбегаются, мужчины, разбегаясь, зовут Скандалова стреляться. Пожарные же вернули Скандалова на сцену баграми. После его сослали в Тамбов режиссером.

Тагангорский Академический Театр

Пришла в театр молодая актриса.

– Здравствуйте, я хочу играть в вашем театре. Хочу играть Дездемону.

– Но Вы ещё молоды играть Дездемону! Её же задушат!

– Ну и что? Не по правде же.

– Как не по правде?! Обязательно по правде. У нас академический реализм.

– Это ужас какой-то! Вы что же, людей тут убиваете?!

– Не убиваем. Актёры отдают жизнь за искусство!

– Это кошмар! А Офелия?

– Тонет. В оркестровой яме резервуар с водой.

– Евгений Онегин?!

– Уууу! Как бабахнет, у Ленского полбашки в ключья!

– Макбет?

– Только куски летят...

– Гамлет?

– Шпаги травим цианидом, иначе финал затягивается.

– Бесприданница?!

– У старых пистолей калибр ого-го! Публика в восторге.

– Анна Каренина?!

– Тут сложности. Телегой давим.

– Ленин в Октябре?

– Текучка. У нас Каплан – спортсменка, чемпион по стрельбе. Бьёт точно в глаз.

Ленина доигрывает дублёр.

– И что, все умирают?

– Мрут, мрут...

– Тогда не буду я у вас играть! Я сейчас в милицию пойду и всех вас заложу!

Больше актрису никто не видел.

ΠΡΟΖΑ ΔΡΥΓΙΑ

Жизнь рыб и отдельные человеки

– Ах, какая осень!.. Воздух чист, земля жива и свежа! – почти вслух подумал бывший главный специалист рыбного хозяйства «Надоево» Андрей Мясоедов и шагнул со ступенек в неизвестное.

Андрея рассчитали. Валентин Васильевич Рыбников, директор, кричал Мясоедову: «Мальчишка! Мы тут десятилетиями во все жабры носимся, а он тут, видите ли, со своими инновациями!». Андрей стойко вытер начальственные брызги с гордого лица и, промолчав (а сколько накопилось всего), вышел, хлопнув пострадавшей дверью.

Неделю Андрей лежал дома, смотрел телевизор, но ничего в нём не видел интересного. Пробовал читать, но ничего не читалось. Вокруг мясоедовской диван-кровати скопилось множество журналов, газет, книг, покрытых журналами и газетами, журналов, заложенных газетами и книг, заложенных журналами. Из газет Андрей вычитывал объявления по трудоустройству.

Однажды, в унылое похмельное утро, когда за окном, как назло, давя на глаза и нервы, издеваясь, бушевала золотая солнечная осень, Мясоедов стёк с постели, влился в ванную, кое-как умылся, не бреясь, уронил себя в объятия верхней одежды, нырнул в нижнюю, обул носки, опечатал их сандалиями и направился искать счастья в ближайших киосках – пивном и журнальном.

Пивной придал Андрею более-менее вертикальное положение и относительную ясность сознания. Приобретя газету «Из рук в руки», присев на скамеечку на детской игрушечной площадке под сварливыми взглядами толстых самодовольных мамаш с колясками, Мясоедов начал вчитываться в прыгающие и частящие как муравьи буквы.

«Требуется главный специалист... Рыбокомбинат... Срочно... Высокая... Тел. ...».

Хмель выветрился из андреевой чугунной башки, похмельная чешуя спала, и он бросился домой, к телефону, который теперь брезжил в глазах, как единственный островок надежды.

Островок надежды весело звякнул, словно подмигнул. Трубка интимно застонала гудками, и в жаждущее ухо Мясоедова ворвался деловитый баритон:

– Да! Слушаю внимательно!

Уже одна эта жизнеутверждающая фраза привела специалиста в восторг.

– Вам главный специалист требуется? –дохнул в трубку Андрей.

– Ну а как же! Вы по объявлению? Опыт работы есть? Трудовая и санкнижка имеются? –отозвался на другой стороне долгожданный голос бога.

– Да! Я работал главным специалистом! Трудовая и санкнижка есть! Опыт тоже есть! – с азартом расстреливаемого комсомольца грянул Андрей Мясоедов.

– Завтра к восьми тридцати на собеседование. Прошу не опаздывать. Как Вас записать? – деловито спросила небесная канцелярия.

– Мясоедов Андрей Анатольевич, – ответили с земли.

Вдруг возникла заминка. Мясоедов дрогнул.

– Ммм... Мясоедов... К восьми тридцати! – отрезало небо и повесило трубку.

Андрей невесомо осел в обувной шкаф: «Ну, наконец-то!».

– Какое странное здание!.. Ни окон, ни дверей, – подумал Андрей, минув тяжёлые ржавые ворота, хлипко всобаченные в монументальную бетонную огораживающую стену. Собственно, здание занимало половину длиннющего проезда, имя которому было «Зелёный», хотя никакой растительности, кроме как в веках описанных местными алкашами куцых кустов, не было. Оно было серое, с подтёками, неприступное как крепость, как бронепоезд, невыразительное, длинное и жёсткое как государство и пахло рыбой. Не без труда, по разнящимся и противоречивым наводкам аборигенов, которые здесь явно проживали с рождения, Андрей добрался до коричневой громогласной стальной двери с кривой трафаретной надписью «Администрация» и вошёл.

– А Вы прямо к директору и проходите, – ответила миловидная маленькая блондинка, открыто и приязненно улыбнулась.

– Спасибо, – смутился Мясоедов, – а как его, прошу прощения, по имени отчеству?

Блондинка чуть приподнялась над нагретым креслом:

– Рыбаков Дмитрий Степанович, – доверительно и многозначительно сообщила она почти в самые глаза Андрея.

Тот смутился вторично:

– Спасибо...

– Светлана, – подсказала секретарша и опустила свежевыкрашенную голову в ничего не значащие бумаги. Рдеющий Мясоедов неинтеллигентно развернувшись, косо протопал к кабинету.

А далее состоялось заседание со знакомством.

– Коллеги и товарищи! – открыл заседание Дмитрий Степанович Рыбаков, непосредственный директор рыбокомбината, – в наши ряды поступил, если можно так выразиться, новый, молодой сотрудник. Он будет занимать у нас должность главного специалиста! – Дмитрий Степанович широким жестом указал на Мясоедова.

Андрей приподнялся и кивнул головой. «Почему меня не представили-то», – взметнулась мысль и была подбита директорским голосом:

– А позвольте Вам, Андрей Анатольевич, представить наших, теперь уже общих, коллег!

«Смотрят как-то оценивающе, недоверчиво», – полосуло Андрея.

– Итак, начальник отдела сбыта Михаил Васильевич Корюшко, отдел кадров – Николай Фёдорович Планктонов, технический отдел – товарищи Плавников, Сомов, Севрюгин, Рыбкин, Карпов, Осетров, Рыбаков, Лещёв. Главный технолог – Садков Дмитрий Александрович. Бухгалтерия – Нина Герасимовна Чешуй. Секретарь (здесь зарделась, потупив очи, известная уже Андрею блондинка), Светочка Овечкина, – директор оглядел собрание и удовлетворённо гукнул, – ну, вроде, все.

Тут разом все заскрипели стульями, загумкали, зашуршали какими-то бумажками и вновь утвердились в прежних позах.

– Так вот, коллеги! Ещё раз позвольте представить нового члена нашего коллектива главного технолога Андрея Анатольевича Мясоедова.

– Ой! – тихо вскрикнула секретарь Овечкина и припечатала ладошку к ядовитой помаде.

Мясоедов смущённо, но деланно деловито кивнул как бы всем сразу, но в то же время и как бы каждому по отдельности. Далее потянулись долгие минуты банальной волокиты с разбором полётов, голосованиями, начальственными шутками и подчинёнными подхихиваниями, перебрасываниями взглядами, наливаниями и выпиваниями воды из графина, выходами позвонить и в туалет, и так – до обеда.

– Ну, вот, кажется, пока всё, – подытожил Дмитрий Степанович, грузно поднимаясь из начальственного трона, – теперь обедать и за работу.

Андрюша! («Что за хрень?! – блеснуло в Мясоедове. – «Андрюша!» На брудершафт не пили!»), задержись на минуточку!

– Какое же тут всё странное, – подумалось Андрею. – И рыбокомбинат этот, и фамилии все сплошь рыбы, – Мясоедов про себя даже рассмеялся на мгновение.

Пока все собирались и расходились, он оглядывал кабинет директора. Обычный такой кабинет, только рыбой пахнет как-то уж чересчур.

– Андрей, – доверительно начал Дмитрий Степанович. – Вы, хоть и специалист, хоть и главный, но человек молодой, и должны понять, что работа серьёзная, ответственная. Обороты у нас, так сказать, огого, – тут директор описал руками круг в пространстве, соответствующий, должно быть, огогогистомистости оборотов, – поэтому без испытательного срока, увы, поймите, на полную ставочку, уж, извините, никак.

Андрей подобного ожидал и не удивился, а только послушно и выжидающе кивнул головой.

– У нас два ведущих специалиста были, по несколько десятков годков на производстве! – завёлся Дмитрий Степанович. – Омуть Игорь Кимович, Игорёк, сгорел на работе, а Вень Краб утонул...

– Как утонул?! – Андрей на секунду ощутил некую невесомость.

– Да... – махнул рукой директор, – на рыбалку летом пошёл, сома на донку ловить. Поймал, называется... Сом его с лодки-то и утащил. Вместе с лодкой. Прищучил.

Дмитрий Степанович добротнo посмеялся и профессионально затих.

– Вот что. Ты, Андрюша, на складе пока ночку подежурь. Сверхурочно. Оплата гарантируется. У нас сторожа-каякеры за свой счёт сплавляться уехали. Специалисты – свет не видывал, как не отпустить! А тут и ты – и тоже специалист, и молодой, и подзаработаешь... А?

Мясоедов слегка опешил, но будучи привыкший к абсурду повседневной жизни, согласился.

Сгонял домой за термосом и бутербродами, тёплыми вещами и плеером. На складе необъятная Лариса Дмитриевна выдала ему безразмерные кирзачи и безмерный вонючий ватник, из которого Андрей немедленно вынул впившуюся в шею рыблю кость.

Остаток вечера он бродил по проезду, купил в киоске сигарет, выпил пива, посидел на лавочке, глядя на облетающую листву, мысленно

произдевался над старухами, опасливо его обходившими, покормил булкой приبلудного пса и голубей, подумав, прогулялся до супермаркета и купил чекушку водки, пожалел, что не захватил зарядку для мобильного. В небе, как яичный желток на сковороде, затягивалось белым и унылым облаком солнце. Пора на работу.

– Как же тут рыбой несёт! Наше-то хозяйство хоть на свежем воздухе располагалось, – взгрустнулось Андрею. Однако, вспомнив, как он с этим хозяйством расстался, Мясоедов вобрал полную грудь рыбьего духу и шагнул внутрь ангара.

В здоровенных резервуарах тихонько поплёскивала полуживая рыба. В целом, стояла тишь, и только под утопающими во мраке бетонными сводами вяло кричали и затихали андреевы шаги. Мясоедов лязгнул ржавым шпингалетом, поёжился и обошёл владения. Без интереса окинул взглядом вялых, разочаровавшихся в жизни карпов, напугал форель и щёлкнул по носу обречённого вида лосося. «Тоскаааа...».

За фанерной перегородкой Андрей включил рефлектор. Достал водку, термос и бутерброды. «Книгу, что ли почитать», – подумалось и угасло. На грязном с хлебными крошками и пятнами чая, и неизвестно чего ещё столе распластался толстый кроссворд, заложенный огрызком карандаша. Мясоедов шаркнул страницей. «Речная рыба. На «Ё»... Три буквы... Тоскаааа...», – Андрей зевнул и потянулся к бутылке. Где-то за перегородкой кто-то всплеснулся и затих. Андрей грубо свернул пробку, как курёнку шею, и забулькал противным и острым. Давясь, слёзно закусил размякшим бутербродом.

– ... а всё равно помирать... – вдруг отчётливо услышал Мясоедов тонкий голос из-за перегородки.

Резко наострив левое ухо, Андрей прислушался. «Что за хрень?!», – сквозь подступающий хмель заточился Мясоедов.

– И, главное, какая разница, – пропищало хором издалека, – красивой шпротой или пошлой килькой, дай бог, в томате, и, не дай бог, в тошном рассоле!

Мясоедов ошалело повёл глазами и резко вскинулся.

«И ведь не пьян же вовсе!», – Андрей вышел из-за перегородки и, оперев руки в бока, застыл посреди ангара.

– Смотрит. Выжидает, –брякнуло похабным тоном со стороны лещей.

– Новенький, – нежно звякнуло за спиной, – симпатичный.

– Всё равно помирать! – пискнуло и булькнуло слева.

– Смотря как! – деловито пробасило и угасло в потолке.

«Сом», – догадался, заглянув, Мясоедов.

– Суши! Вот эстетика! – продолжил Сом.

– Ой! Меня сейчас стошнит! – плеснулась Сёмга.

– Ага! Тобой и стошнит... – ухмыльнулся Лещ.

– Всё равно помирать!

Мясоедов резко повернулся на отказавших конечностях.

– Ты, Камбала, истеричка! – повысил голос Сом.

– А ты, дядя Сом, эстет? – развязно вякнуло от лещей. – Будешь красавчиком на блюде лежать с какой-нибудь глупой петрушкой в пасти и думать, что это твоё предназначение!

– Не трожь дядю, пошлятина! – взвизгнула Щука. – Ты вообще, кроме как к пиву, не бываешь!

– Сука ты, Щука! – нахамил Лещ и окунулся.

– Мне б руки, как у человека, я б тебе отчешуял! – рявкнул Сом так, что Андрей вздрогнул.

Где-то рядом захихикала неуловимая мойва и, на удивление низко, заржала ускользящая тюлька. Мясоедов осторожно направился в сторону Сома.

– Крадётся новенький! – громко и чётко заметил Лещ. – Щас дяде Сому настанет карачун!

Андрей остановился на полпути.

– Э! Вы что вытворяете?! – завопил он, и потолки вернули его голос акустическим градом. – Не может быть, чтоб рыбы разговаривали!!!

Ангар взорвался разноголосым гоготом. Рыбы смеялись над растерянным Мясоедовым.

– Ерша-то отгадал, пацан? – грубо спросил Лещ. – Каякеры херовы второй месяц отгадывают. Не вяжется у них Ёрш с тремя буквами!

Рыбы снова заржали.

– Что за бред?! – прошептал Андрей.

– Ага, – ухмыльнулся Сом, – это как любовь водолаза с парашютисткой! Она вечно упавши, а он перманентно утонувши!

– Ни к селу, ни к городу, – булькнул Лещ.

– Не пугайте новенького! – томно пропищала Сельдь.
Мясоедов рванул за перегородку и припал к бутылкиному горлу.
Обдало вдруг каким-то жаром. Чавкнулось влажным бутербродом.
– Ну всё, сопьётся теперь на хрен!
Андрей уже различал голоса: «Лещ, ублюдок!».
– Пошёл ты! – крикнул Андрей. – Выловлю и за жарю, гадина!
Лещ трусливо затих на дне.
– Давно пора! – пропела Сельдь.
Обиженный Лещ резко всплыл:
– Порядочная рыба селёдкой не назовётся!
– Хамло шалманное! – грянул Сом.
На Мясоедова вдруг накатило сентиментальное.
– Дядя Сом! А давайте водки выпьем!
– Не вопрос, мальчик! Лей в бассейн, тока без фанатизма! – отозвался с интересом Сом. – И хлеба покроши, или чего там у тебя.
Андрей опрокинул бутылку над зеленоватой водой. «Придётся ещё бежать», – плеснула мысль.
– Я на секунду, тут не далеко! – Мясоедов шарил по карманам.
– Подождём, – деловито пробасил Сом, – надо ж знакомство отметить!
– Сопьются на хрен оба, – завистливо прогундосил Лещ.
– Поминальные пьют! – заголосила Камбала.
– Заткнись, дура! – прикрикнула Щука. – Дай мужикам отдохнуть. А люди тоже смертные... Бывают...
По лицу хлестнула озоновая свежесть с мелкой мокрой мразью. Тербя в кармане ватника смятые денежные бумажки, Андрей почти бежал к круглосуточному супермаркету.

– Как же так? Это же невероятно! – тривиально билось в черепе.
Андрей хлопал по лужам.
Сквозь щели ангара пробивался тусклый свет.
– Быстро обернулся! – приветствовал Сом.
«Ага. Значит, всё-таки, не бред», – хлестнуло Мясоедова.
– Бешеной собаке семь вёрст не крюк, – злобно вякнул Лещ, – не стыдно на пару-то?!

– Плесни ему, а то спать не даст, – попросил Сом, – смерти боится – жуть, потому и злой.

Водка забулькала над Лещом. Тот недоверчиво поглядывал на Андрея и активно шевелил жабрами. За спиной Мясоедова мечтательно вздыхала Сельдь.

– Помяните, помяните меня! – снова завывла Камбала. – Всех нас помяните!

– Да что ж это такое-то! – гаркнул Андрей. – Прекратить истерику! Все мы смертны, и что?!... А я вообще тут с рыбами выпиваю!!!

– Вот-вот! – с доброй задумчивостью прогудел Сом. – Смертны ещё как! Вот, было дело, товарищ один с донкой пошёл на меня на лодке. Лесу на руку намотал, в глазёнках азарт. А я его – о-па! Только и видали! И у меня пищи на полгода! Ну и кто, кого поймал, позвольте?! Вон, раки в курсе!

– В курсе, в курсе, дядя Сом! – загалдели раки, смачно клацающая клешнями.

– Убийца ведь, а в почёте! – заорал пьяненький Лещ. – Эй! Булки брось, малец!

Андрей не обиделся, оторвал кусок бутерброда, растёр в ладони. Лещ с уважением глядел исподлобья.

Через час Андрей, походя, флиртовал с Сельдью, с Сомом стал категорически «на ты», Лещ успокоился и объяснялся со Щукой, непьющие карпы с интересом наблюдали за происходящим. Андрею было уже хорошо и комфортно. Ещё через час стало шумно. Лещ со Щукой снова что-то не поделили и хамили друг другу так, что вода вокруг обоих пенилась. Андрей с Сомом болтали в полголоса и курили «Приму». Прочие рыбы общались, кто о чём, а мечтательная Сельдь напевала с тихим надрывом: «Опустела без тебяааа Земляааа...».

– Тихо всем!!! – напугав Сома, вдруг взметнулся Мясоедов. – Не будет никому никакой смерти!

Рыбы притихли. Андрей стоял посреди ангара и мутно озирался.

– Всем ждать, никуда не расходиться! – затушив резко окуроч, Мясоедов выпал в сырую ночь.

– Макс, собака, ну срочно, ну, надо, – клацал Мясоедов липким языком по сухому небу в дрожащий мобильник.

– Ты в уме, Андрюха?! Утро почти! – бормотал вечно похмельный и сонный водитель «Водоканала» Максим, – да и воды-то там с гулькин нос!

Андрей был неумолим:

– Вопрос жизни и смерти, сволочь! Выручай! Воды тут до хренища! Пока едешь, я тебе бутылочку организую. Вот и Сом не против...

Ещё через час в ангаре кипела, кишела, серебрилась, серела, золотилась чешуёй, струилась и выплёскивалась работа. Все без разбору бассейны были начисто вычерпаны и перелиты в загнанную в ангар максовскую цистерну.

– ***ляаа! Жизни же спасаем, – ревел Андрей, несясь и подпрыгивая на ухабах.

Макс растирал заплаканные глаза грязной, с налипшей чешуёй, ладонью. В цистерне билось и плескалось. У самой Волги Максим круто развернувшись, выбросив рукав в воду, резко и вдохновенно повернул кран.

С трудом выплеснувшись из тесного раструба, последним был Сом. Пару раз окунувшись в чистой воде, он обернулся, окинул тяжёлым взглядом Мясоедова и Максима и, махнув плавником, невнятно попрощался:

– Спасибо, конечно... А всё равно вы, человеки, гады порядочные...

И скрылся в тёмной утренней воде. Не знал он, что Мясоедов был вегетарианцем и, вообще, переехав потом в Тулу, устроился на овощехранилище. Дальнейшая же судьба рыб неизвестна...

Длиннопроложновский рассказ

Зимний вечер. Полумрак. Недавно шумная компания разбрелась по углам. Курят все. Выпито почти все. Двое ушли за водкой и пока не вернулись.

– Я не люблю Достоевского! – с пьяным риском выкрикнул Брыкин и выпил пепельницу.

– Многие не любят Достоевского, и что? – Лика выковыривала из стопки выпавшую линзу.

– Надуманность и длинноты! – Брыкин вякнул локтем в оскаленную клавиатуру пианино.

– Ты сможешь написать лучше? – тривиально спросили из-за портьеры, явно совокупляясь: пыхтели и резко выдыхали.

– Не могу, но это и не важно. Да и не хочу! – Брыкин шарил глазами в поисках выпить.

– А ты напиши, попробуй! – Лика вызывающе запрокинула голову, выпив линзу.

– Это вызов? – Брыкин с пьяным интересом уставился на Лику.

За портьерой перестали пыхтеть и резко выдыхать, начали дышать ровно и прислушиваться.

– А прям щас я вам и устрою сюжет с развитием, и драму, и топор, спрятанный в пальто! – взвился Брыкин пьяным вихрем.

Все смешалось. За портьерой стихло. Лику тошнило линзой.

«Стоял зимний длинный темный серый зимний вечер над Петербургом. Епифан Евстафьевич Длиннопроложновский возвращался со службы, которая опостылела ему настолько, что он был готов совершить преступление, убив своего наемщика тупым топором. В тусклом свете фонарей, скупо освещавших завьюженные петербургские проспекты, лицо его, прикрытое от ледяного невского ветра воротом шинели, было бледно и зло. Высокие отбрасывающие длинные черные безобразные тени дома как бы скрывали ссутуленную фигуру Длиннопроложновского, словно узнавая таящийся в душе его страшный умысел. Войдя в парадную дома своего, Епифан Евстафьевич на мгновение остановился: «Что же это я, как же это я? Живого человека, пусть и подлеца, тупым топором, да по темени?!». Длиннопроложновский начал медленно подниматься по скрипучим и шатким ступеням. Пахло кислой капустой, кошками,

которые в количестве огромном водились в доме, сыростью вечной, петербургской. Поднявшись к своей комнате, Епифан Евстафьевич отпер дверь и вошел. Сквозь небольшое окошко пробивался лунный свет. Длиннопроложновский, не зажегши свечи, лег на кровать, стараясь привести в обыденное состояние чувства. «Сделать сие немедленно!», – снова подумалось Епифану Евстафьевичу. – «Прости, Господи, но заел меня подлый наемщик!». Длиннопроложновский, повернув лицо к подушке, горько разрыдался. Сухая боль и злая обида подняли его из смятой постели. Руки сами нашарили под хлипкой кроватью старый заржавленный топор. Аккуратно, чтобы не повредить ног, Епифан Евстафьевич удобно устроил топор в петле двубортной своей шинели. Вновь холодом и ветром встретили Епифана Евстафьевича Длиннопроложновского ледяные петербургские улицы, закружив в снежной метели. «Извозчик!» – позвал Епифан Евстафьевич. Мгновенно из снежного вихря показалась сперва унылая морда сивой кобылы, а затем и сам извозчик в зипуне, подпоясанный кушаком, в шапке, надетой до кустистых бровей, с бородой, покрытой, словно петербургские все улицы, ледяным инеем. «Мне на Васильевский!», – быстро сказал Длиннопроложновский, придерживая топор, упрятанный в шинели. «Это, барин, будет с тебя – полтинник!». Извозчик опасливо глядел на Епифана Евстафьевича, который, стараясь сохранить в себе бушующие чувства, сжимал через плотную ткань шинели своей, топор. «Эк ты, братец, загнул! Десяти копеек будет тебе! Не в первый раз езжу!», – глаза Епифана Евстафьевича горели сквозь вьюгу злым огнем. «Будет тебе, барин! Глянь, вьюга-то какая, да мороз, да кобыла, поди ж, с утра не кормлена! За овес один...».

Ледяной ветер так и норовил сорвать шинель, разорвав полы, но Длиннопроложновский изо всех сил сдерживал порывы. «Пятнадцать копеек и ни копейкой больше!», – яростно закричал он сквозь пургу. «Овес-то, барин, нынче дорог! Надбавь хоть до двадцати, да поедем!», – извозчик стал уже похож на снеговика, каких лепят дворовые дети. – «Тут езды-то не больше версты, а ты дерешь, да еще и торгуешься!». «Пятнадцать – последнее слово!», – сдерживая себя из последних сил, прокричал Епифан Евстафьевич. «Эк ты, барин, какой! Весь продрог, да торгуешься! Садился бы уже, да за тридцать копеек уж давно бы на Васильевский приехал!». Жажда задуманного страшного дела

подогревала полыхающее сердце Епифана Евстафьевича. Ледяной ветер хлестал по щекам снежной крупой. «Пятнадцать, и ни копейкой больше!», – вновь прокричал он сквозь яростные порывы петербургской зимы.

– Ммммм... – задумчиво и невнятно принесла портьера, – сам же говорил о длиннотах и надуманности! – там теперь вроде бы просто целовались. Но со смачным хрустом.

– Ну, не так уж и плохо, – оторвалась от стены дрожащая тень Лики, – только там в ванной почему-то раковина раскололась...

Брыкин, сквозь прищур на время протрезвевшего оглядел обстановку ужаленным достоинством.

– Где эти двое?! Они же, небось, все щас во дворе и выпьют! – началось некоторое народное волнение. За портьерой вдруг поперхнулись и надрывно закашлялись. Брыкин, сквозь щель пьяной амбразуры, определил два силуэта:

– Суки! – резко рванутая портьера обнажила двух пропавших за водкой. Водки было достаточно, и вся она находилась на подоконнике.

Четыре мутных глаза с блудливой виноватостью, как могли, смотрели на публику:

– Мы думали, вам уже хватит. Пока, хотя бы...

– А эти где? – спросила Лика, – недоверчиво вперившись разнокалиберным зрением в саботажников.

– Они ж с нами ушли! Вон, батон они купили и сказали, что позвонят, как доедут...

«Овес нынче до-ро-гой!», – извозчик насупился и стал похожим на памятник. Епифану Евстафьевичу кольнуло в сердце. Мечь, жаркость мыслей его, словно гнало его метелью, подталкивало снежным напором. «Черт с тобой!», – воскликнул Длиннопроложновский, – «Пару копеек прибавлю!». Извозчик, давно привыкший к подобного рода разговорам, подбоченился и задумался. Холодный петербургский ветер сковывал пальцы Епифана Евстафьевича, закостеневшие на полах шинели. «Боже и Пресвятая Богородица! На смертное дело иду, не вы ли меня остановить хотите?». Из помутненного сознания его вывел возглас извозчика: «Барин, померзнем тут! Тридцать – и ты на Васильевском!». Ужас самого замысла овладел Епифаном Евстафьевичем. Лицо его становилось все бледнее от кипения чувств и мороза, в то время как извозчик более становился

похожим на памятник. «Смерть несущ... Достоин, негодяй, смерти, иже написано: «всяк человек негод смерти предназначен и во косяках быв обличен должен бо умертвлен». Крупья льда сбивали фуражку с Длиннопроложновского, промерзло все естество его. «Пятнадцать!», – Епифан Евстафьевич окоченелыми пальцами уже еле сдерживал топор, упрятанный в полу шинели, который был готов обнажить суровый петербургский ветер. Ярость и жажда мести кипели в нем, и было понятно по худому лицу его, что не отступится он от задуманного. «Пятнадцать!». Над Петербургом бушевала снежная буря. Покрытая вся льдом Нева была уж до серых своих берегов завалена снегом. Гасли фонари один за другим, задуваемые и разбиваемые злым ветром. Снежный выюжный мрак начинал свое царствие над Петербургом.

«Побойся бога, барин! В такую пургу и здесь околеть можно, а тебе – э, вон – на самый Васильевский! Тем более, гляжу, за срочностью!». Епифан Евстафьевич полыхнул извозчика яростным и страшным взглядом: «Гони! Шестнадцать копеек, черт, гони!». Извозчик хлестнул кобылу, и она понеслась, выбрасывая из-под копыт целые сугробы снежного хлама. Проносились сломанные линии теней поздних прохожих, бесконечные череды вывесок, встречные экипажи, лихачи, спешащие по квартирам развести своих седоков. Один лишь Длиннопроложновский стоял среди ледяной вьюги, сжимая сквозь промерзшую шинель поголубевшими пальцами, топорище...».

– Да сколько ж это может продолжаться-то? – один из преступников уронил сигарету в тапок.

– Это, типа, тока началось все, что ли? – спросил второй портьерный подлец и звонко надкусил пустую вилку.

«Извозчик!», – перекрывая рев метели, гневно царившей над Петербургом, осатанело закричал Епифан Евстафьевич Длиннопроложновский».

Теперь тошнило уже всех. Брыкин победил. Он был начитан, ему было, у кого учиться. Да и водки-то было, скажем, много...

Детский мир

Чёрной кошкой свернулась брошенная на пол мятая сумка.
Задохнувшаяся бытом и бетоном квартира – комната.
Ковыряемся, каждый о своём, в детских сопливых мыслях.

– Шкура болотная!!! Надрать тебе жопу, так поумнел бы!!!

А он с детства не видел «Шкуры болотной» и не понимал связи жопы с приобретением ума. Он и так был умным, и безо всякой «жопы».

... показал какую-то штуку. Сказал: «Киноварь».

«Киноварь» – это когда смотришь кино, а на кухне клопочет и тоже хочет смотреть кино суп. Вот тебе и «Киноварь». Так... ассоциации...

... и фамилия характерная – Кукушкин. То есть родители куковали, куковали, а он, как подкидыш в собственной семье, вырос тихим и умным. Назло всему, пинающему его, миру. Сестра орала как тепловоз: бессмысленно, надрывно, сама кем-то вечно куда-то гонимая, тупая неудовлетворенная и жесткая плоть.

Счастливое детство его родители прокуковали.

Над головой был слышен топот и разнобой голосов счастливой семьи. Так же, наверное, на небесах топчутся и играют розовые, довольные загробной жизнью, ангелы.

Дверь захлопнулась, мы затихли. Мы вдвоем сидели на шатком шкафу и менялись. У меня была вкусно пахнущая стёрка, привезенная из братской страны, у него – сувенирная пушка из нашей, собственной, не братской.

– Давай меняться?

– Давай.

Получив стёрку, Кукушкин спрыгнул со шкафа и исчез. Я разглядывал пушку. Через минуту Кукушкин вспорхнул на шкаф и протянул ладонь. На ней, как на хлебозрезке, нахохлились разрозненные крошки стёрки. Я ошалел так, что не успел обидеться.

– Невкусная. Отдавай пушку обратно!

Я пушку ему вернул, то есть остался ни с чем.

До конца подружиться не получилось. Мы переезжали на новую квартиру в другой район.

Он много читал и чурался двора. Там были другие игры. Да и не пускали его во двор. Я играл в эти другие игры: носился, поджигал, взрывал, дрался, пропадал на пустырях. Но, ударив однажды, в пылу игры, соседского мальчишку, был обескуражен тем, что тот вдруг разрыдался, причем в голос. С тех пор не дрался со слабыми. Мои друзья были года на два-три старше меня, поэтому сверстники были меня младше. А друзья, соответственно, били крепче.

Да лучше ударь!

Нет ничего мерзее словесного унижения человека! И нет ничего страшнее СЛОВА. Недаром в Новом Завете «слово» приравнивается мечу. Но словесная мерзость страшнее и больнее всякой физической раны. Словесная язва не заживает. Она годами портит сознание, затмевает душевные порывы, вновь и вновь напоминает о себе.

Уж лучше подрасться.

Кукушкина никто не бил. Не за что было.

Тихо и ровно протекала его жизнь в школе.

Ад у него был дома.

Поэтому, думаю, жизнь свою он построил на чтении, сидя в одиночестве на шкафу, куда он меня и пригласил в гости. Там у него и марки, и спичечные этикетки, и набор мелких игрушек. Настоящее детское богатство.

А вот у другого одноклассника была совершенно недетская увлеченность. Он деньги копил. В пластиковой коробке из-под шашек. Носил всегда с собой и показывал на переменах свои 36 рублей и кучу мелочи. Странно, но никто его не обобрал и не трогал. Там даже не брезгливость и не присутствие дворовой чести проявлялись. А так...

Кукушкин же на шкафу собирал и прятал ото всех свое несоизмеримое ни с чем богатство. Высокое, и почти, на высоту шкафа, небесное. Он

копил настоящее, ему уж очень близкое, ДЕТСКОЕ СЧАСТЬЕ, которое для многих из нас теперь безвозвратно ушло.

Вот так резко захочешь жить, да и задохнешься желанием жизни.

Класс у нас был странный: Воробьева, Малинина, Лисицын, я, (Дубов), Синицын, Кукушкин, Зверев, Зеленов, Волкова и т.п. Короче, сплошная лесополоса...

огромный Касьянов

ну, и девочка с фамилией Гефеле, у которой я списывал беспощадно.

А как просто отмахнуться от чужой жизни... Страшно подумать, что вот и Бог возьмет, и так же, отрицательным жестом, отмахнется от тебя. И все... Но это не Его правила.

Померанцев

I

Померанцев – интеллигент. Так считает он, а остальные этот счёт презируют. Померанцев носил серое, беспорядочно атакованное молью, пальто; связанный теткой, серый же, но не без вкраплений светлого, шарф; кепку с ушами, чёрного, но... такого... тёмно-серого цвета; тёплые, почти чёрные, но всё же серые шерстяные брюки без стрелок; бесформенную, почти чёрную, сумку через плечо, сминавшую ломкую померанцевскую оболочку наподобие письменного листа; огромные, подаренные во тьме веков тещей, боты («Чтоб тёпленько было, глиста в скафандре!»); узкие очки в дешевой серебристой оправе, и, совсем молодую, на его не молодом худом лице, поросль, которую он называл «бородой».

И вот с этим вот набором личности, направляемый женой... Это отдельная история, которая должна не только писаться в кавычках, но еще и мелким почерком, чтобы мало ли кто не прочитал зря! Да! А вот и напишем!

Катя, Катенька, Катюша! Где теперь скрывается та милая пухлая смешливая и бойкая девушка в гидроперидных завитушках, огромных пластмассовых клипсах и как нельзя более толстящих её брюках-«бананах»?! Как теперь под плотными слоями тупости и жира бытовой безнадежной осёдлости откопать и спасти ту, которой сдуру шепнул: «Выходи за меня! У меня есть (о, боже!!!) компьютер!»...

Наденька, Надя, Надежда! «Надежда»! На что надеялся Померанцев, отец этого ребенка, которого и ребенком-то назвать было нельзя. Чадо, чуть не угробив счастливую мать, выпорожнилось на свет, и, без хлопка по попе, оплевав акушерок, раздалось удалым ревом. Орало оно («орало», как пропахивало) на всю поликлинику (или чё там?)... Померанцев от ужаса и счастья схватился за громогласный куль, был бит по рукам тещей: «Не хватайся! Дитё стерильное, заразу занесешь свою с компьютера!», – попятился, смылся, раскис, обмяк и, превратившись в квашенное, уступил куль дородным бабам...

... угрюмо вис над клавиатурой, близоруко всматриваясь в непознанное счастье однообразной порнухи и неведомое счастье битвы за невероятную «Ботву». С работы последним уходил, на что бдительные неудовлетворенные армией охранники – пенсионные полковники, докладывали начальству: «Ушел в полдесятого, кабинет закрыл. Обращаем внимания руководству». Был штрафован.

А дома теща с рожавой женой! Шум! Гам! Туда не суйся, туда не ступи, туда не ходи, куда в носках по чистому поперся, дитя на руках, сопля, на завод бы, чтоль, шел работать!!! Померанцев свыкся. Обрел некую анемичность. Перманентный сплин. Сотрудники, пьяницы и куряги, уже не с сочувствием глядели на Померанцева, а с брезгливостью, с сожалением, как смотрят на помойного жалкого кота, который, впрочем, сохранил отголоски независимости от тухлой куриной кости. Но! Чувства кипели внутри смятой оболочки Померанцева!

Невидящим взглядом смотрел он в монитор и, выполняя привычные манипуляции пальцами, думал о своем. О своем! А думал он, как в очереди за сахаром или за сметаной, он вдруг воспрянет, воспрянет с гордым шлемом – покоцанной ушанкой – на голове, и воскликнет: «Не троньте ее! Она тут стояла! А я – за нее! Стоял!!!». И тут же очередь расступилась, наподобие дворцовой прислуги, и в почтительном наклоне оседшего стана согнулась продавщица, да и кассирша уже не та, а хороша, улыбчива, озёрноглаза, лебедегруда, лунолика, румянощека, жемчегозуба, колоннонога, осиностанна...

.....

Померанцева из глубоких вод почти затонувшего сознания выдернул грубый окрик: «Будем стоять, как столб, или брать будем?!». Померанцев очнулся, разглядел сквозь запотевшие линзы реальность и попытался прийти в себя: «Картошки десять кило». За прилавком насупило, грязно повернулось грязно-белым и загремело отвешивать.

Сзади напирало. Померанцев сгорбился, раскорячился, подставил сетку, и ему сквозь амбразуру овощного прилавка застрочил пулемет разнокалиберного картофеля. Растеряв пяток гнилых плодов, смешавших вновь выходявших, Померанцев всплыл над прилавком.

– Сколько? – потерянно спросил. Он же видел, что не взвешивалось!
В кармане загоношилась и забилась в угол тусклая трусливая мелочь.

– Ценник видишь?! – спросило грязно-белое и возвысилось.

Померанцев обмер. Вмиг рассыпались латы-мечты, но вдруг зародилась, созрела и родилась злость несказанная на эту грязную обрюзгшую тушу, на серость свою, на невероятность времени...

– Что это Вы мне хамите?! – заорал вдруг Померанцев страшным пронзительным до боли дискантом. Верхнюю «и» отправили резонансом высокие грязные потолки, подхватил, развертел и ударил о стены облепленный неудачливыми мухами вентилятор, и, скатившись вниз, грянул об пол, отрекошетил в уши грязно-белому огромному чудовищу, – совесть совсем потеряли?! Сами как свиньи живёте, и нас – туда же?!

Померанцев оглядел очередь. Народ забором безмолвствовал и напирал крайним осевшим столбом-ветераном.

«Бежать!».

«Бежать», – отчетливо гавкнуло в черепе Померанцева.

... куда бежать...

Бежать было некуда. Сзади напирала пока еще не созревшая до вождя скандала очередь, во фронте обозначался один лишь фронт, то есть пути к отступлению не было.

– Ты будешь брать или нет? – спросило чудище в халате и, не давая Померанцеву опомниться, загудело в чёрную дыру подсобки. – Коооооля!!! Коооля!!!

Очередь слегка заколосилась и впала в штиль. Из подсобки вышел Коля. Надо сказать, что «Коли» не меняются с годами, с десятилетиями. Иногда они сменяют лица (хотелось сказать «маски», нет, не маски – рожи и хари, морды). Где их рожают, розовых и здоровых, весом чуть ли не в пять кило, богатырей, которых жизнь выводит в круг людей поджопником: «АААААААААААА!!!»?

... Коле было все равно...

– Кому тут чего? – вяло вычислил Коля и выловил Померанцева из очереди вместе с сеткой, теряющей задохнувшийся обреченный картофель.

– Как же... Что же это?!. – не веря ушам, глазам, запаху, чувству, предчувствию, обретал себя Померанцев, вцепившись обмершими пальцами в свою меру картофеля.

– Чего там тебе не хватило, – с улыбкой на морде, похожей на мешок свёклы, спросил Коля.

– Вы... Мы все грубо разговаривали, – вымолвил Померанцев и разом поблек. Огромный колин кулак назойливым шершнем вился у его тонкого носа.

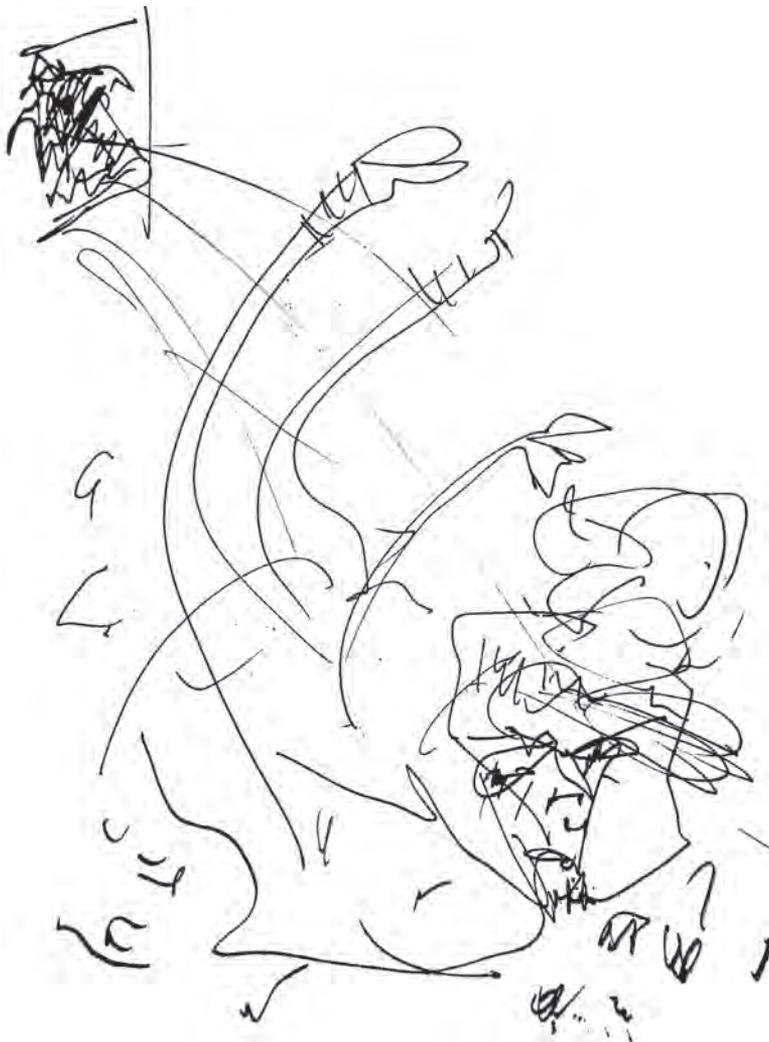
– Вы – это кто? – не понял Коля. Ему было интересно.

Померанцеву было уже плохо. Удерживаемый за лацкан хлипкого пальто, он, студенея на дрожащих ногах, прошептал сквозь запотевшие от страха и неминуемой гибели очки:

– Вы – это Вы, Николай. И Вы не правы, ибо вступились, не зная повода, не понимая, не загадывая, если хотите знать, событий, сделали поспешный вывод...

Вывод Коля сделал: создал до боли поспешным и очевидным. То есть, Померанцев вылетел с заднего хода магазина, прочертив красивую

ровную черту, украшенный завидного цвета «краплак» фингалом, догоняемый осиротелыми клубнями картофеля, дряблой, ниспадающей на лицо сеткой, каскадом мелких золотистых монет сдачи, вырванной в предпоследний момент из померанцевского кармана (естественно, с обчётом) Колей. Грубо, грубо и победоносно, долбанула дверь черного хода, мощной волной сомкнув сознание Померанцеву.

«Да как же так со мной можно обращаться?..», – воскликнул бы КАЖДЫЙ половозрелый ГРАЖДАНИН.

– А так! – ответило бы ему серо-белая жижа. – Только бы и чвякнуло...

Померанцевым же не чвякнуло. Хребет у него был гибок и силен, чего не хватило остальному организму, невзирая на мозг. Там жилы... жилы... Возникни Померанцев лет эдак 600 – 800 назад, ух, он бы задал! Тонкий, как стрела, в блестящих доспехах, в шлеме с развесистыми перьями, на толстом белом мерине, покрытом алой попоной, он, Померанцев, с копьём наперевес, устремляется навстречу грозному противнику, под взглядами хрупких, выбеленных дам и разноцветных кавалеров, и сшибает его с черного коня... Нет! Пробивает щит и грудь соперника, и так вот с соперником, щитом соперника, да и, желательно, с конем в алой попоне, надетыми на победоносное копьё, подъезжает к ложе знатной персоны.

– А пошел ты на ***, алкаш! – говорит персона и бьет клюкой в колокольную померанцевую голову.

Померанцев пришел в себя, слегка потоптавшись в прихожей сознания. Обретя тапочки рассудка, вскинулся рукой:

– Бабуля! Я не пьян! Сетку порвали, и картофель отмерзнет! – неожиданно резво вскочил на четвереньки и стал загребать игривый картофель.

Очки не пострадали.

II

Утро не задалось.

– Нет, ну всё, всё на самотек, – вопила теща, – выдала доченьку мою, лапушку, за пентюха очкастого! Гвоздь ввернуть и то не умеет, не говоря уж, чтоб розетку починить!

Померанцева, нахлобучась на табурет, жевала бутерброд в кухне, похожая на равнодушную корову на выпасе.

В кухне протек стояк. Казалось бы, делов-то! Если руки для клавиатуры, а не для грубых инструментов, вызови сантехника, сунь «полтинник» и забудь про стояк навеки. Но Померанцев сам определил свою судьбу, и, (ах, как это было давно!) ухаживая за миловидной пухленькой Катей, он очаровал ее починками шкафа, сбором мебели, «цветомузыки» из журнала «Юный Техник» и прочими милыми шалостями. То есть,

все было хрупко, непрочны и перманентно готово к починке медной проволокой и синей изолентой.

Померанцев в майке и мятых брюках метался по квартире, как тощий тигр, подгоняемый дрессировщиком-тещей.

– Вот только и может, что кнопки тыркать! – уязвляла, жалила теща. – Нет, чтобы, как нормальные люди, в торговлю, в строительство – НЕЕЕТ! Мы же интеллигенты! А мы, простые люди, на ваши жопы пахали, – Галина Михайловна находилась в астрале. Гнобя зятя, она отправлялась в просторы Вселенной, забывала обо всем, упивалась властью, отыгрываясь на талантливом зяте за свою собственную неудавшуюся жизнь. Мужа своего, доброго, рукастого балагура она случайно сжила со свету, как и сейчас, сживала со свету зятя, да и себя самоё.

– Галина Михайловна! – окрысился Померанцев. – Вот сию минуту пойду и куплю новый стояк!

Дурак! За все недолгие годы своей семейной жизни он так и не осознал, что теща только и желает конфликтов, что они хорошо устроились на его, заметим, на его личной жилплощади.

– Ах, новый, – обмерла Галина Михайловна, скрестив, как смогла руки на монументальном бюсте, – деньги семейные ему как орехи – только щелкай! – здесь теща профессионально разрыдалась, роняя тушь в полу халата.

– Да ну вас в пропасть, – тихо прошипел Померанцев, обрывая шнурки на ботинках, шаря по давно уже обшаренным карманам в поисках истощенного бумажника.

Дверь взвизгнула и выпятилась. В спину баритоном, предательски, довольно и чуждо заорало дитё. Померанцев с наслаждением, словно в нос Галины Михайловны и в вечно сонный и мутный глаз жены, вдавил кнопку лифта. Он знал, что за ним смачно и сочно наблюдают в дверной глазок.

Выдавив непрístupную дверь магазина «Сантехника», Померанцев вошел, озираясь.

На многочисленных стендах роились трубы, патрубки, колена, гофры, блестящие сочленители и суставы, позвонки, жилы и кишки, сонные артерии и клапаны, в больнично-белом углу алело нечто противопожарное. Призывное.

Будучи не в силах осознать весь этот ливер, Померанцев растерялся.

Шарил глазами, ища искомое. Через несколько секунд взгляд его был остановлен взглядом продавца. О! Это был, своего рода, медведь. Померанцев его даже сразу и не заметил, ибо продавец сливался со всей этой сантехнической анатомией, наподобие некоего экспоната.

Ну вот, их взгляды встретились.

Зверь, добродушно покрыв ленивым взглядом тощего серого Померанцева, спросил:

– Чего?

Мгновенно запотели стекла померанцевых очков. Взметнулось в руке тяжелое копьё, увитое лентами, наподобие «гаишной» палочки, зазвенели в ушах латы, и Померанцев, глянув боевым куриным глазом, услышал свой голос уже издали и чуть позже:

– Что это Вы мне хамите? Что значит «Чего?» это Ваше?! Будьте любезны обращаться ко мне с уважением! Вы – продавец, а я – покупатель! Продавец прислуживает покупателю, который всегда прав!.. Хамло безродное!

Медведь переменял взгляд на уперто-безразличный и вяло сказал:

– Я хозяин, а не продавец. А чего ты там хотел-то?

Тут бы Померанцеву отказаться от турнира, сбежать в леса, как славные Робины тхе Худы и Тили Уйленшпигели, и оттуда подленько постреливать. Нет, не такое было сердце у Померанцева!

– Тем более! – бородка взметнулась, очки сверкнули пред воспаленными глазами. – Хам! «Хозяин»! Мне нужен был банальный глупый и безразличный стояк! – перья на его шлеме играли спелой рожью.

– Хам! Кругом хамы! – вновь заорал Померанцев...

Прочертив ровную красивую черту по молодому снегу, остановившись головой о бордюр, Померанцев глядел в голубое небо и пробовал думать:

– Скрыться, бежать... – а вот дальше и не думалось.

– На те стояк твой, придурок, – пробасил Медведь и положил на грудь Померанцева простенький куцый стояк. – Сдачи не надо, – вздохнул отечески.

– Как вы только живете-то, интеллигенты, ***ля! Еще хорохорятся, – с доброй усмешкой Медведь-Хозяин хлопнул дверью.

Померанцев обнял обеими руками стояк и вдрызг разрыдался.

III

Свежевсобаченный стояк работал как новый.

Но, померанцевская тёща, а, может, и вечно недовольно-сонная жена Катя, походя орудуя афишными тумбами бёдер, «спортили» шкаф. То есть, у того натурально вмялись «вовнутры» (в автобусах «Икарус» всегда дебильно-шрифтографический восклицательный знак оказывался составляющей мягкого, и получалось «Ы!») и бока из ДСП покосились. Хрупкая, собранная Померанцевым, путём забивания шурупов в торцы панелей, наконец, словно долго страдавшая роженица, конструкция разродилась платьями, всякими необъятных размеров пачками белья, коробками с подаренными ещё на свадьбу миксерами, утюгами, фенами, тостерами, наборами одноразовых китайских ножей, вилок, ложек, чашек, мисок... То есть, Галина Михайловна огребла по жирному затылку кофемолкой, и, таким образом, получила с небес новую роль.

– А если бы тут Катенька с дитём (тёща это дитё по имени не помнила никогда) тут проходили?! – обрела крылья и надрывную арфу Галина Михайловна. – И всё?! Прощай семья! Прощайте, милые мои! Только мы вас и видывали! В палас закатает, да на свалке захоронит!

Померанцев обречённо оглядывал шкаф.

– Воооот! Смотрит. Что, интеллигент очкастый, ящик собрать не можешь? – тёща колыхалась всеми размашистыми лаврами, плечистыми тогами и трагедийно заходила чуть ли ни «Умирающим лебедем». Померанцев почти привык к постоянному бессмысленному ору и пропускал его мимо ушей.

Он молча оделся, укутался шарфом по самые брови, и, не слова не говоря, вывалился в прохладную вонь подъезда. С наслаждением грохнув дверь и привалившись к грязной зелёной стене, выдохнул, слушая, как мычит за шершавыми стенами Катя, звонко причитает, вводя в резонанс лестничные пролёты, тёща, и басовито и со знанием дела, нервируя перекрытия, орёт Надежда.

Надежда...

Померанцев брёл по подтаявшему снегу, в надежде просто купить этим тварям огромный, как и они сами, шкаф. Шкафище. А ещё лучше, потом, заперев их в этом шкафу, наподобие гроба, вывезти на Волгу и отправить по течению в Астрахань. Хотя нет, затонут. Ну, и тем лучше... Не было никого жалко... Только себя.

«Порооода!», – говорили жирные и кряжистые родственники со стороны невесты-жены, трепыхая дочь Надежду в огромных подушкообразных лапищах. Померанцев с отвращением улыбался и делал вид, что он тут – свой. Получалось. Но отвратительно получалось. Впрочем, фальшь была обоюдной и беззлобной. Была простая классовая ненависть.

Вот он. Профессиональным глазомером Померанцев прикинул ширину, глубину и высоту монстра. «Им понравится», – Померанцев даже улыбнулся, – «Угораздило жениться на потомках Собакевичей...»... Померк тут же, насупил. Прошёл между рядами пухло-деревянно-пошло-пупырчато-цветасто-развалиевской мебели... нет, «мебелей», нет, ещё про мебель точнее говорят сметанно-картофельные белорусы: «МЕБЛЯ».

Касса.

– У нас по выписке, – отчеканила недовольная маникюром и вечным бездельем Касса.

– А у кого выписать? – со спокойной опасностью морской мины спросил Померанцев.

– В отделе спросите, там менеджер есть, – опрыскала кислым взглядом Касса.

Померанцев, уткнувшись носом в шарф, молча развернулся и сосредоточенно прошёл в отдел. Там, как и должно быть в Мебельных Магазинах Российской Империи, никого не было.

– Могу я спросить!? – срывающимся от вечных ссор и простуды голосом возгласил Померанцев.

За гарнитурами, «стенками» и прочими ритуальными принадлежностями обывательского «совкового» уюта что-то чвякнуло, закопошилось, затарахтело, взгромоздилось, покачнув «стенку» и звякнув стеклом, направилось и, наконец, выползло навстречу тщедушному Померанцеву и его тщетной душе.

Померанцев попятился.

– Так вот оно что... – сознание Померанцева на миг блеснуло калейдоскопом. Душно стало Померанцеву, тесно. И выть хотелось, и плакать, и смеяться, и задать гопака с присядкой, и тут же утончённый вальс станцевать, и в атаку скакать, шашкой яростно бликуя, и, наконец, простого куриного супу с унылой и вечно покорной «вирьмишелью».

Померанцев опустил забрало. Сквозь узкие прорезы наличника холодно и властно оглядел чудовище. На латах, покрытых капельками росы, янтарно и мутно блеснуло уползающее в страхе неповоротливое солнце. Быстрым и верным движением Померанцев вскинул щит и поднял копьё. Чудовище замерло от неожиданности и напрягло все свои мышцы.

– Хамьёёёёёёёёё!!! – не слыша своего вопля, Померанцев бросился прямо в отверстую дикую пасть, которая мгновенно проглотила отважного рыцаря, рефлекторно пожевала, выплюнула из дверей, туда, где Померанцева стремглав подхватило метелью, понесло по льду тротуара, шмякнуло в столб, закрутило среди шарахающихся прохожих, понесло на какие-то кусты, туда, где и замерло на время померанцевское существо.

Шкаф был, вопреки всем обстоятельствам, куплен померанцевым братом.

IV

Ну надо же было включить сознание. Сквозь толстую, ватную стену быта Померанцев пробивался нелепо, глупо...

Короче, впряилась в тощую голову мысль: «Почитать бы что-нибудь». Это значило, что Померанцев решил пойти в библиотеку. Деньги на покупку книг Померанцев жалел, ибо жена и тёща ругали, поэтому оставался один выход – в дверь. В библиотеке с толстыми, как ноги жены и тёщи, колоннами на входе восхитительными сталинскоампирными, с профилями морд христоматийных писателей, Померанцев разул пальто и проплыл в таинство интимного досуга.

Гоголя любил, потому что тот очень похоже писал про померанцевскую жизнь. Он и «Помещиков» любил, и «Шинель», и «Мёртвые души», и «Господа Головлёвы», которые, впрочем, к Николаю Васильевичу никакого отношения не имели.

Решил перечитать «Записки охотника» Тургенева. «Бирюк» вызвал в Померанцеве интерес своей, не присущей Тургеневу грубостью, смелостью. Перечитал. Тут же всплыли ассоциации с вечноорущей Наденькой, и ему сделалось худо.

Булгаков, с «Театральным романом», Померанцева не впечатлил, был не понят, на волне тошнотного состояния был категорически отвергнут. Время, спотыкаясь о залихватски вздёрнутый линолеум, шло. Померанцев читал. У него был выходной. Выход от постылой семьи, запахов жареной рыбы мойвы с луком, переваренной курицы. От бессмысленных и вдохновенных воплей тёщи, сонного мычания жены Катерины, от самозабвенного, предательского ора дочки... Померанцев захлёбывался чтением. Глотал страницу за страницей, сминая листы и оставляя отпечатки пальцев на пожелтевших страницах. Отдохновение...

Не совсем осознал, что пора домой.

«Домой»...

«А где мой дом?», – подумал мыслью Померанцев, возведя очки к потолку.

«Срочно что-нибудь весёлое... Джерома, гадину, Клапку, Джерома быстро прочесть!», – Померанцев воздвигся и, подхватив томики замшелой литературы, отправился к прилавку, шагами нарушая лицемерное благоговение зала.

– Джером-Джерома мне, пожалуйста! – небрежно сбросил Померанцев

и многозначительно сверкнул линзой.

Миловидная девушка, с удивлением вперившись взглядом в Померанцева, спросила:

– Кого, простите?

– Джером Клапка Джером! – вскипел Померанцев. – То есть Вы не в курсе?! Конечно, Толстой, Чехов – это Вы в школе проходили, а Джерома Джерома, чтоб понять английский юмор – нет! Не читали!

Девушка смотрела на Померанцева огромными голубыми глазами, готовая пролить слёзы.

– Чего это Вы разорались-то? – сквозь запинаящееся горло выдавила она.

Померанцеву тут бы и стало бы стыдно бы... Так ведь нет!

– Набрали всякую шваль в литературе работать! – страшно и внезапно взорвалась померанцевская глотка. – Джерома, она, Клапку Джерома не знает! Совесть-то есть?!

Девушка отшатнулась и прошептала:

– Я щас охрану вызову, молодой человек!

И немедленно вдавила тревожную кнопку.

Померанцев застыл. Глядя сквозь засаленные стёкла на девушку, распылил рот и, обдавая желудочным смрадом, смрадом всей своей серой жизни, всей своей никчёмности и бесконечной никому ненужностью, заорал:

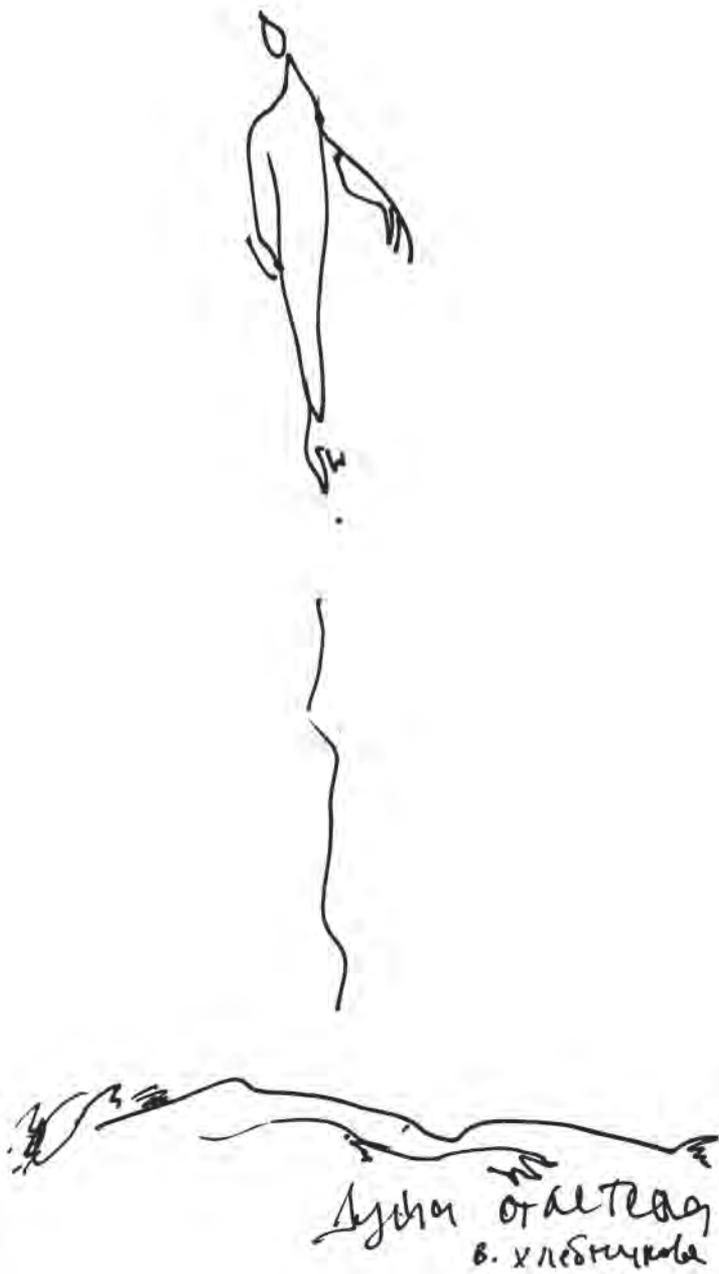
– Хаааамьёёёёооооо!!!!..

Упал на пол, скорчился, задёргался, потерял дурацкую свою кепку, дурацкие очки и затих.

Зачем человек жил?..

Никому не нужные люди

Мне приснился сон: не могу сделать и шага. Центр города. Я одет в костюм, и, в целом, красив, и не без шляпы (ну, во сне всякое бывает).

И валюсь я на асфальт, прямо перед бабушками, торгующими свежей петрушкой (я знааааю, что это ИМЕННО петрушка).

И наблюдаю я в своей закостенелости проходящую мимо обувь. И думаю: «Вот ведь щас умру под петрушкой весь такой красивый и не без шляпы, и никто и руки не подаст..»

Но столпились люди надо мной, и приехал УАЗик, и меня забрали провести вечер стихов в библиотеку имени Чехова (!!!).

Разбудил меня яростный дождь по крыше.

Я убегал во дворы несуществующего города.

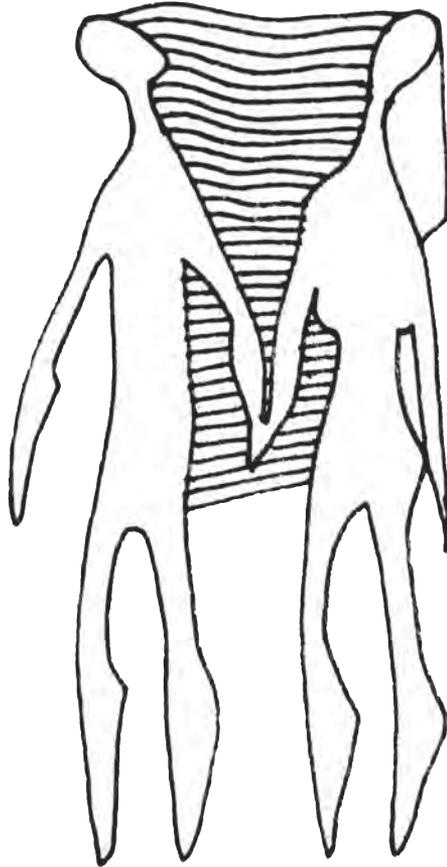
...я гладил этого бомжа по руке. Он успокаивался, но пришлось вставить в зубы зажигалку. «Скорая» приехала быстро. Два мента, гулящих, так и не решились подойти.

Хорошо, что были мы. Хорошо, что если бы не мы, меня бы уже бы не было.

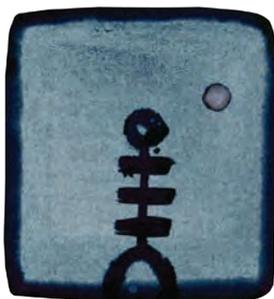

ПОЭТИЧЕСКОЕ

Всё возродится

Люди уходят во врЕмя.
Остаются лишь тени.
Остаются, чтоб мы могли помнить
Без тени сомнения,
Они среди нас, они ещё живы.
И вечностью пахнут труды их,
И нивы
Вдруг всходят на семенах их творений.
И вечность, и время
Над ними не властны...
Мы же будем стремиться,
Чтоб были прекрасны
И мысли, и слово, и дело, и чувства.
Разутые души во свет окунутся...
Чтоб вновь возродиться нетленным творением,
И вечность, и время над нами не властны.
И наши земные труды не напрасны.
И сеем мы семя, и поливаем,
И видим росток, и согреваем.
И вырастет древо свежо и прекрасно,
И всё возродится в новом творении.
Всё возродится,
даже безвременье...

Хрустальные слезы

Мысли играют твоей головой,
Тени играют с тобой и со мной
В прятки.
Ночь так банальна, птицы молчат.
Белые звезды на небе не держатся
Падают.
Кажется, слезы хрустальные капают,
Притяжения силе подвластные или
Кажется?
Город ушел в тепло одеял,
Кошки с луной на крышах играют
В прятки.
Утро стучится в окна дождем,
Холодные капли на подоконники
Падают.
Кажется, осень стоит под зонтом,
У телефона ищет мой номер или
Кажется?
Что же мне делать с моей головой,
В которой рифмы играют со мной
В прятки?
И от чего не летают как птицы люди?
Пытаясь к небу взвиться,
Падают.
Кажется, нет ничего за стеной смерти,
Пугающей нас неизвестностью или
Кажется?
Много потрачено времени жизни,
Когда мы пытались играть с истиной
В прятки.
Быстрые дни нас не ждут, пролетают,
Словно хрустальные слезы на скатерть
Падают.
Я вижу в каждом творении отражение неба,
Хотя потускневшее малость,
Тебе так не кажется?

Осень наступает на пятки лету.
Северный ветер солнца монету
Остужает,
Разогретую южным ветром,
Зачем вспоминать об этом?
Вечно красивая рыжая осень приходит,
Первый прохожий желтый лист находит,
Вспоминает душное лето,
Зачем вспоминать об этом?
Осень приносит покой и мир в сердце.
Посыпая яичницу перцем понимаю:
Устаю от зелени под солнечным светом,
Зачем вспоминать об этом?
Островки зеленой травы все редуют,
Дворники пьяные подметают листву:
радеют,
вздыхают,
Желтые лоскуты осени сжигают,
Невзначай вспоминают,
Что осень любят поэты.
Да зачем вспоминать об этом?

Уединясь, выключаешь свет.
Серые тени ложатся на стены.
С тихим шёпотом открытого сердца
Ты становишься одним с небом

Вместе

Под звуки музыки слабой сижу,
Жду, когда позвонишь,
Долгожданным диссонансом нарушишь тишь,
Радостью теплой сердце объемлешь,
Еще два дня и ... приедешь.
Привезешь с собой жизни дыхание,
Своим голосом разрушишь тоску ожидания,
Завертятся дней суматохи, эти ахи и охи.
Ничто не имеет смысла, когда ты где-то,
Уповаю, что наступит лето.
Мы в лето с тобой с головою бросимся,
Разрешения ни у кого не спросим.
Это наша с тобой планета.
Никогда так не ждал наступления лета.
Твой звонок – это счастья ливень.
Когда я тебя слышу, твой голос любимый,
Вижу мир настоящий, а до этого – мнимый,
Фальшивый и ранящий.
Как это здорово – большая жизнь вместе.

За стеной
В тишине
Наедине
С самим собой
Взаперти
На замке
При свечах
Наедине
Вздрагивают тени
Сердце бьется
Никого
Рядом нет
Пустота
Темнота
Три замка
На душе
На душе
Никому
Никогда
Среди множества людей
Один...

Думать?
Если бы я был способен мыслить,
На моем пути не говорили бы
ослицы
Человечьими голосами.
Что с нами?!.
Если представить, что годы – часы,
Мне уже за полночь...
Достигнуто многое, осмыслено...
Что еще будет, покрыто тьмою и звездами.
Тикает время, убегает...
Тонкой рукой не поймашь
прозрачной нити...
В облаках ночных прячется самая яркая.
Я видел тебя, помню, как ночи насквозь
Тебя я разглядывал,
В сером небе искал твое отражение...
Понял я, что в жизни нет точек, одни
многоточия...

Дождь... Дождь прошел.
На небе нет места от туч,
Но там не тесно.
Солнечный луч
Прорезает мглу.
Я не могу смотреть на небо.

Сколько же там воды...
Я видел море. Я видел небо.
Сколько же там воды...

Небо... Как новая стрела.
Море... Взлетают птицы.
Песок и камень...
Слепые небылицы...
Я не могу смотреть на небо...

Сколько же там воды...
Я видел море. Я видел небо.
Сколько же там воды...

Часы остановились

Часы остановились
Время испугалось
Что совсем немного
И ему осталось
Вызывает жалость
Вызывает слезы
И стоит понуро
Не меняя позы
Стрелки враслопырку
Циферблат – яичница
В тишину квартирке
Впилась стрелка-хищница
И уже не тикают
Словно угрожая
Стрелки стрелкой-пикою
Я радуюсь вставая
Села батарейка
Замерла система
Часики на стенке
Отдыхают немо.

У меня сорвало крышу.
Просыпаюсь, слышу, как ты дышишь,
И чувствую,
Что твоё – это МОЁ дыхание.
И вот оно, осознание,
Что у меня сорвало крышу.

Я жду звонка твоего
Или просто смс-ки,
Мыслей твоих обрезки...
Я жду звонка твоего,
Хотя бы одного,
И чувства мерзки,
Одни обрезки...
Я просто схожу с ума.
Передо мною она одна:
Бездонные карие очи,
Бездонные дикие ночи,
Без дна.
Но хочется очень,
Чтобы ты была у меня одна,
Между прочим...

У АААА

Фонарный свет упал на асфальт луною.
И что мне делать с тобою?
Бегать от фраз (“Фраза” – страшное слово).
Течь, как река, вместе с тобою...
Нет, не получится.
Будет, как обычно.
Мучиться...
Наблюдая блеск твоих глаз,
Великомученица.
Не разбирая запятые и препятствия,
Хочу быть миром с тобой соединённым
И им властвовать
Вместе с тобою,
Великомученица.

Растрепалась судьба.
Занавешены окна.
В океанах беды
Все дела мои мокнут.
ПромокнУть, просушить
Целый мир не поможет.
И не сможет простить.
Я чувствую кожей.

Давай заболеем вместе.
Увидим, как страшно в лесу заблудиться...
Выпьём в парке осеннем
И снова напьёмся.
Будем словами бросаться в ветер,
И поверь, каждая ветвь
Даст нам по уху ветром метельным.
А далее! О... Что там далее!
Дали откроются нам необъятные.
Такие двойкие, такие приятные...
И та буфетчица с рылом селёдки
Станет нам мамой, отпустит нам водки
И позднее... Коньяк.
И мы, проглотившие жизни трясину,
Уйдём, и, обписавши... осину,
Все в ожиданиях чего-то большего,
Может нехорошего, а может... Даже...

Того, чего не знали и
Не догадывались.
Конечно, были гадами, и отрывались,
Но такое приятное нечто
Делает нас такими человечными...
И такими по жизни глупыми.
И наши заслуги необъятные
Можно рассматривать лупами)))
А мы во всё это верим, теряем, находим,
Серые дни в долгие плавания проводим,
Нырять
В перманентную жизнь.

Борису Борисову

Боря, Боря, Борис!
Исписанный лист...
Кем-то истёртый до боли пером
И не вырубленный топором.
Скамейка прохладная в “Парке Победы”,
Водка, чай и простые обеды
С тобой, невзначай.
Проходят все беды в следствие долгой беседы...
Как ты умеешь дружить дистанционно!
И хочется жить, и жить огромно,
Просто зная, что есть такой, и не вдруг
На просторах Империи
Рыжий, красивый, развинченный друг)))

Рано...

Направляюсь туда,
Где дела меня ждут.
Вдоль дороги поля молоко пьют туманов.
Мне ещё слишком рано...
Разбужу тишину, бросив фантик шуршащий
Под ноги садовой скамейки.
Под бархатной липой
Суетятся бесстыжие галки.
По делам направляются сонные хмурые люди.
Пробегают туда и обратно
Вспотевшие дылды.
Я сижу, уносясь головой в Небеса,
Что вначале казались чужими.
Мне ещё слишком рано...
Есть ещё два часа...
Подумать о Вечном в заплёванном парке.
Но и здесь слишком людно.
Но и здесь слишком бодро.
И в кустах есть трамвайная ветка.

Весна душит...

Весна душит серостью, снежностью, ленью.
Словно с Зимой навсегда породнившись,
Хлещет по носу искрами льда.
Где ж ты, Лето нахальное,
Кому отдаёшь свои прелести?
Я, как уставший от страсти любовник,
Жду твоего звонка...

Я ставлю слишком много точек
После предложений.
Многоточие...
А после всех телодвижений,
Словесных кочек –
Кровотечение.
Душевное.
А как же не любить?!
Ее.
Одну...
И снова многоточие...

Как же нам не жить с тобою
Параллельною судьбою?
Твою душу не отмою
Золотистою струею.
Подкупила, приручила,
Растрепала, размозжила.
Подарила нам ненастье.
Может, в этом есть и счастье?

Ты принесла мне розу белую.
А почему не красную?
И почему я должен видеть
Эту розу белую?
И почему именно розу?
И именно белую?
А вот яблоко спелое!
Ароматное и звонкое.
Но роза в твоей руке.
А ты плывёшь по реке.
Офелия...

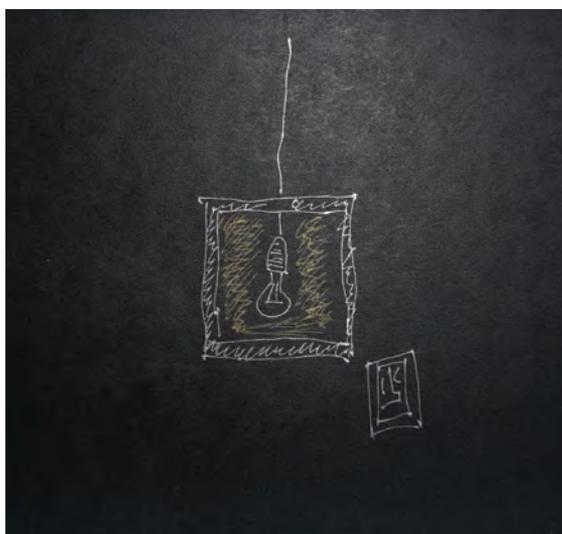
Из моря на сушу
Я выбросил душу.
Ничто не поможет.
Наследственность гложет)))

Забуть не получится.
Все слишком сложно.
Дурак не научится,
Хоть и такое возможно.
Учиться, учиться, учиться.
На собственных глупостях.
Нет, дурак не научится.
Пахнет дело больницей...

Когда пусто место,
Сразу становится тесно,
От сразу хотящих
Занять это место.

Память

Память серая, стена белая...
Чем старше разум, тем серее...
Ты не стареешь, милая:
Чем чаще видимся, тем милее...
Время не приносит мудрости.
Мудрость приносит течение.
Если не творить глупости,
То проживание жизни – мучение.
Давай делать безумности,
Глупости и мелкие шалости.
Век всеобщей разумности
Не терпит шутиливой наглости:
Посмотрит на тебя сверху
И припечатает взглядом.
У него своя мерка,
Ну и будь для него гадом.
А как приятно быть гадом и сволочью!
Приползая к друзьям с вином в полночи,
На кухне объясняться с котом,
Быть обозванным “скотом”,
Только за то, что
Вновь полюбив,
Становишься лживо правдив и правдиво страшен...

Личное

Снег за окном и холодно.
Над городом серый свет.
На подоконнике голуби
Требуют свой обед.
Лень разлилась ядовитая
По рекам измученных вен.
Какая ж зима ледовитая!
Останки разрушенных стен...
Гуляю по городу серому,
Глотаю сырой туман.
Без цели и времени, нервному,
Бежать в алкогольный обман.
Там небо пылает звёздами,
Вчерашние мрази-друзья.
Хлопочут люди над гнёздами,
Не хлопочу только я...
И в этой тоске ядовитой,
Смешавшей краски дней,
И в этой зиме ледовитой,
Я вижу сейчас ясней:
Сквозь муть алкогольной дымки,
Сквозь тяжесть погашенных дней:
В прихожей твои ботинки –
И нет ничего родней))))))

Прозаблюз для Морозова

Сказать, что Морозов пьёт как лошадь, нельзя.
Пьёт он как потерявшийся человек.
Его окружает множество друзей.
Но никто не придёт на помощь.
Морозов любит пить на халяву.
А кто этого не любит?
Морозов – музыкант.
А кто из нас – не музыкант?
Мы не можем правильно распорядиться жизнью.
А как это – правильно?
С нами весело и неудобно.
Морозов это знает.
Морозов просыпается на заре и в тоске проверяет бездну карманов.
Морозов ждёт встреч,
Эти встречи приносят забвение.
Морозов чувствует и почти жаждет,
Но кто же ему поможет?..
Бездну «друзей»
Новый стакан принесёт.
Морозову, как и всем,
Нужна толика тёплых объятий.
Поэтому все мы – Морозовы.
Гы...

Еще несколько фраз...

Еще несколько фраз
Никому не нужных,
И снова под прицелом глаз
Тяжелых, скучных.
Что-то, наверное, нужно сказать? –
Так надоело!
Мне надоело все время пить!
Я до предела
Накручен, взвинчен,
И лопнут нервы от неосторожного жеста, взгляда.
Плевать на рифмы, ведь, кругом – засада.
А на всех не хватает доблести –
Я просто отрывка чьей-то совести...

Собаки, коты и кошки...
Может быть, понарошку
Нам с вами одной жизнью жить?
...ВЫТЬ... ВЫТЬ... ВЫТЬ...

Весна-осень

Весна, похожая на осень,
И осень так похожа на весну.
В моём окне распутный ветер носит
Украденную шляпу им. Одну.

Нет сна, нет мыслей, нет печалей:
Одна лишь серость, слякоть, пустота.
Как будто вовсе ничего не начинали,
И та дорога, коей шли, – не та.

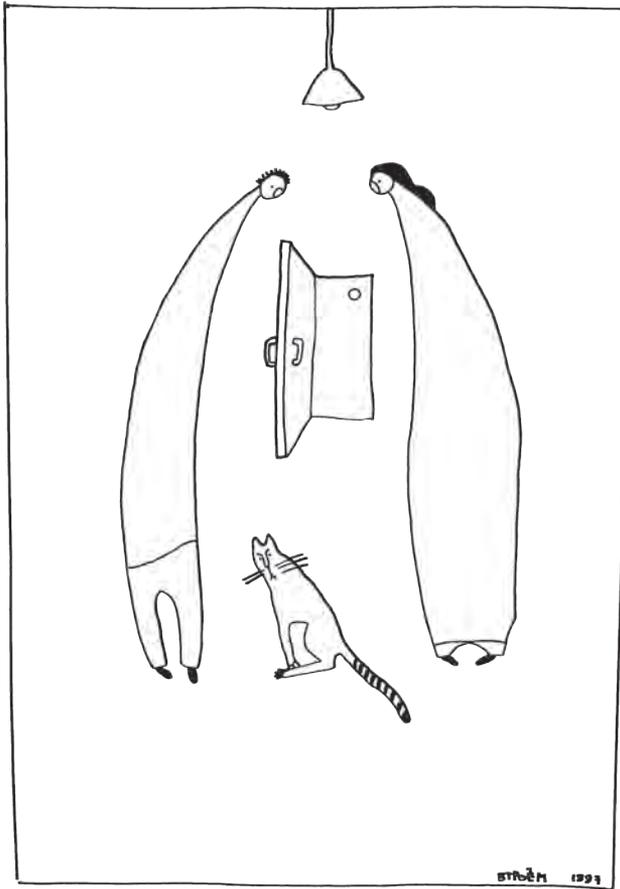
Стакан вина перевернул бы город,
Насытил красками оплывшие дома.
Но опостылел алкогольный голод,
И не хватает солнца и ума.

Сбежать из города с его обвислым рылом,
Чертить в сугробах грязных лабиринт.
Быть может, в дикости природы я погибну,
Пусть даже плещется во фляжке мудрый спирт.

Весна и осень в городах противны:
Похожи на истерики бомжей,
Нелепы, лживы, примитивны,
Чем ближе-дальше лета, всё наглей.

Эх, засадить бы в ствол патрон суровый,
Взглянуть в последний раз на серость дня,
Спустить курок, и сразу взвиться новым.
Но не поймут. Не принято. Нельзя...

Ну как же так получилось:
Ничего не случилось.
А настолько больно,
Что невольно
Пишутся строки
Однобоки...
Божья милость...
Ничего не случилось...

Укрываясь от снега,
Хмурого неба,
Обрубаю концы
И ломаю льды.
Оказалось, что дни
Длиннее, чем годы.
Показалось, что свет –
Пелена непогоды.

ЧАРЬ БАВОЕМ 1992

В больнице в палате
Один.
Сутулые хмурые люди,
Сутулые хмурые лица.
Они здесь прописаны,
Про них все написано
В историях их болезней.
А, может быть, было б
Полезней
Истории жизни читать
И многое вы-ма-ры-вать,
И рвать.
И пусть живут обреченные
К неволе.
Но нет... Возвратятся
Вскоре.
Здесь хорошо.
Ничто не кольшет,
Здесь не живут даже
Мыши.
Им неинтересно.
Холодно и пресно.
Тупеть, газеть в стену,
И нет такой ступени,
Чтоб перешагнуть,
Продолжить жизни путь.
Нет. Не согласны.

Похороны
2014

Серёге

Невозможно осознать, что ты ушел в вечность.
Из нас ты был самым честным...
Познал бесконечность.
Ты как-то выстрадал нашу беспутную жизнь.
Мне стыдно... Прикинь...
Думаю, ты меня слышишь.
Я видел твоё тело.
Мы все стояли у гроба.
Истлело-истлело.
Смерти истлеет роба.
А ты обманул – не умер!
Такие, как ты, не вкушают смерти.
Скажи: «Поверьте?
Такие, как мы не вкушают смерти!».
Я не приду на твою могилу:
Для меня ты жив.
Закопано тело в глину воспоминаний.
Миф.
Встретимся,
Встретимся
Алой зарей в небесах,
Друзьями,
Годами.
Малой толикой быть у тебя в друзьях.
Ты жив. Я знаю.
Я так же умру, возможно.
Оставив детей и жену... Невозможно.
Ты, как на фронте случайной пулей сражен.
Но есть одна правда – ты жив.
Не поражен глупой смертью.

А как просто отмахнуться
от лишней жизни...

Страшно понимать, что
вот и вот сойдёт, и
так же, отрицательным

жестом отмахнётся от тебя.

И всё... Но это же его проблема.

КОРЕУ

ГРАФИКА

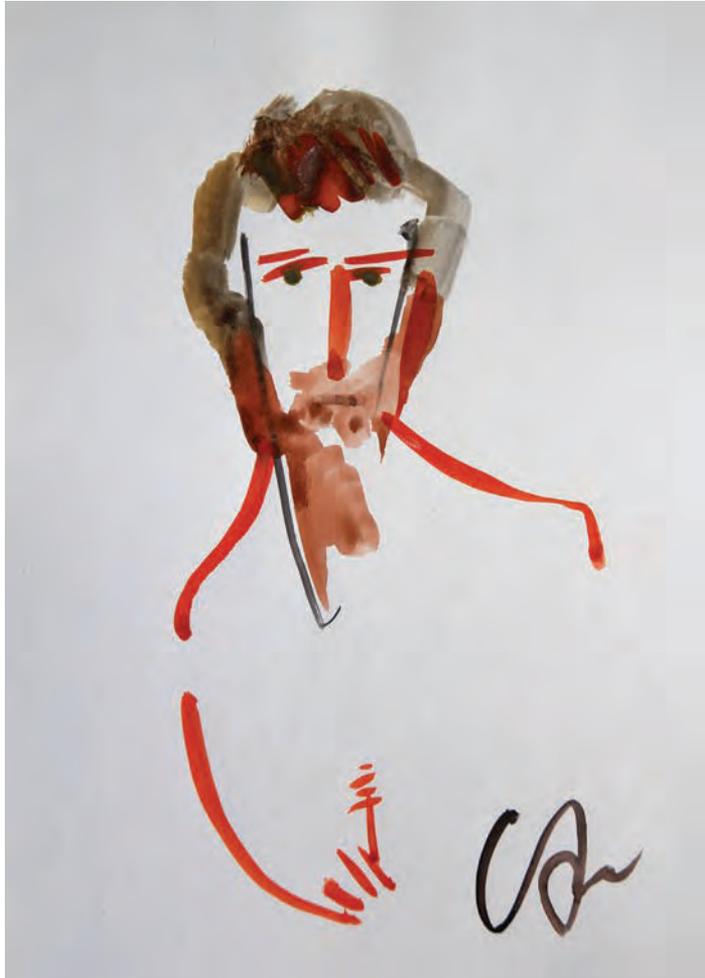

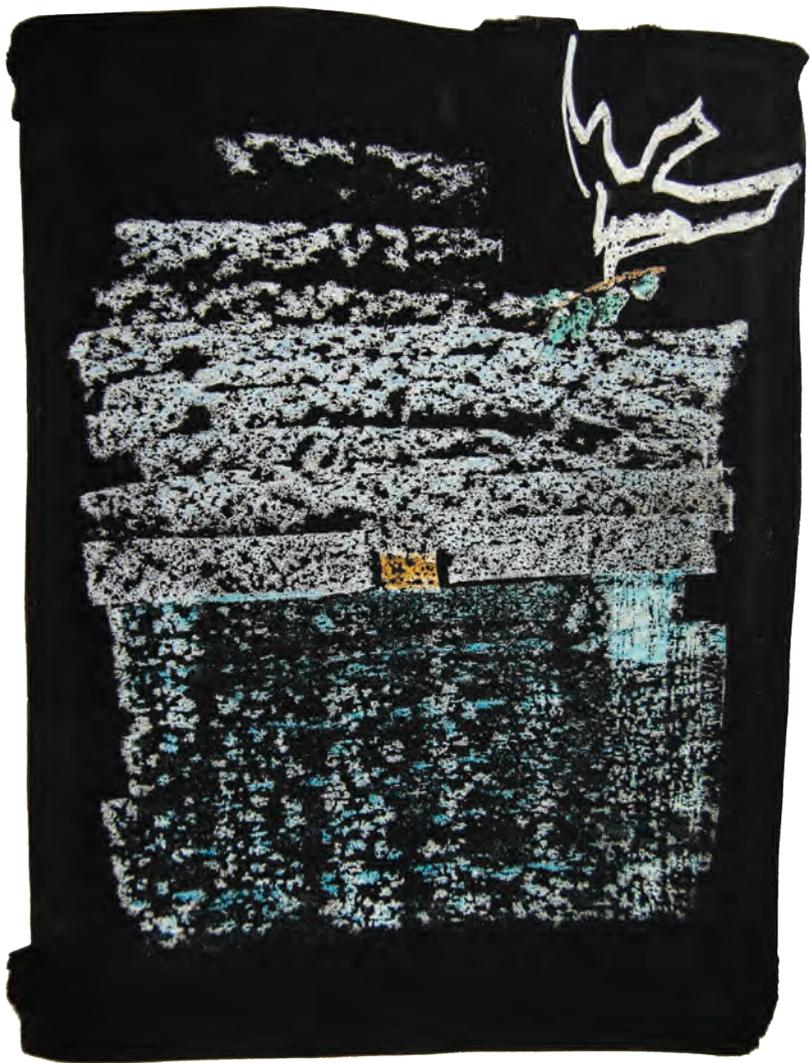

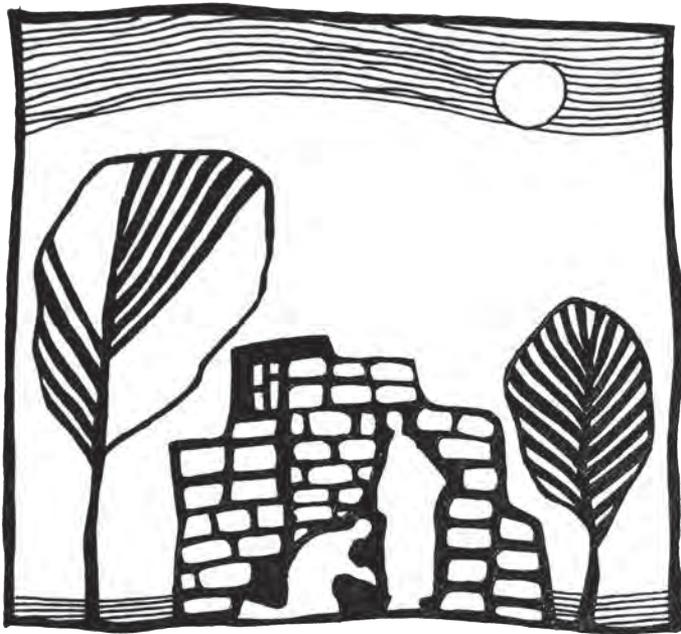

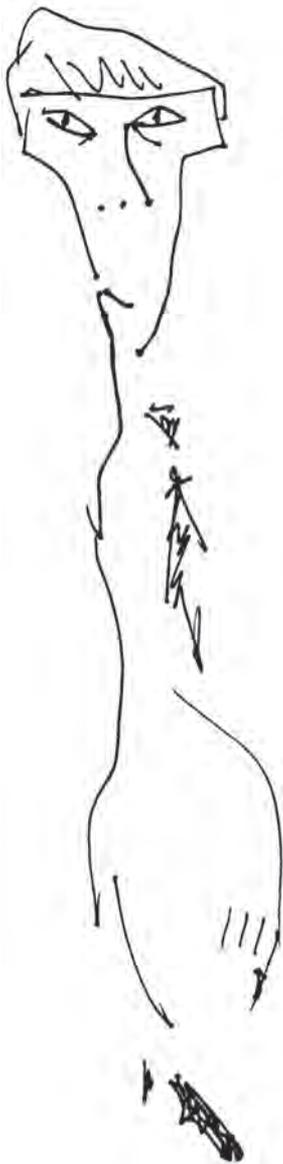

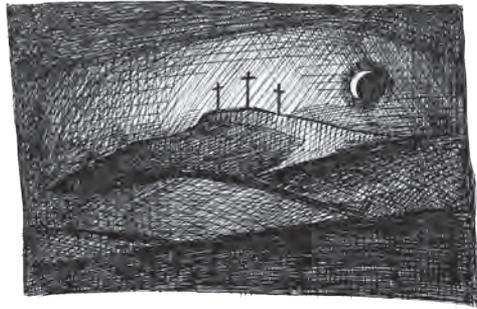

Есть Восхождение.
 Когда возвращал Господь
 плен Сиона, мы были как бы
 видящие во сне. Тогда уста
 наши были полны веселья, и язык
 наш пения; тогда между народами
 говорили: «Великое сотворил
 Господь над ними!»
 Великое сотворил Господь на
 нами: мы радовались.
 Возврати, Господи, пленников
 наших, как потоки на полдень
 севшие со слезами будут пожинать
 с радостью.   **125**
 с плачем несущий семена
 возвратится с радостью, неся
 снопы свои.

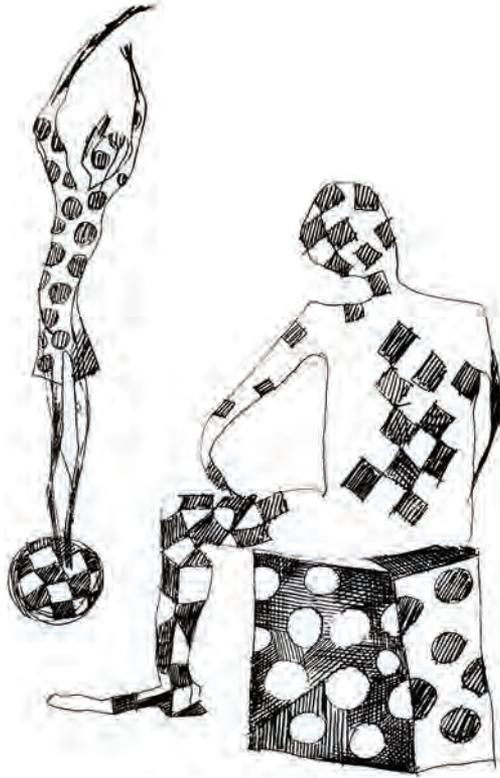

Сергей Александрович Дубов
1975-2014
писатель, художник, музыкант

Сергей Дубов родился 9 июня 1975 года в г.Тверь в семье заслуженного художника России Александра Дубова. В школьные годы Сергей увлекся современной музыкой и в старших классах собрал свою первую группу «Динамит». С 1991 по 1993 годы учился в Тверском Художественном Училище им. А.Г. Венецианова. В 1995 году создал группу «Корни», которая, просуществовав 8 лет, переродилась в «Mezzamo». Параллельно Сергей занимался своими сольными проектами – «S.YT» и «Flowershop».

Сергей Дубов, оставаясь всегда в первую очередь музыкантом, был во всех отношениях одаренным человеком. Писал короткую прозу, публикуясь в различных web-сообществах. Занимался книжной графикой, провел несколько персональных выставок. Работал главным режиссёром и ведущим программ в телекомпании «Апрель». Был автором одной из лучших на тверском телевидении программ – «Чистая Вода». Участвовал в организации и проведении ежегодных летних молодёжных лагерей «Глория».

Создал творческое объединение «Желтая кофта» – клуб талантливых авторов: поэтов, писателей, музыкантов, художников.

Сергей Дубов обладал удивительно сильным характером, он вел за собой людей, вдохновляя и меняя их жизнь. При этом Бог наградил его не только талантом, но и исключительным чувством юмора. Сергей был невероятно артистичной и яркой личностью. Он сочетал в себе импульсивность и доброту, силу и ранимость. И до конца своей короткой и насыщенной жизни был искренне верующим, хоть и мятущимся человеком.

Содержание

ЧУДОВИЩНЫЕ ИСТОРИИ	7
Портрет	9
Фагот	14
Вальс	16
Педант	18
Инспекция в школе	20
Молния	22
Виктор	24
Сканворд	26
Маршрутка	32
Любовь	33
Гараж	35
Валентинов день	37
Средство.....	40
Миша и Волк	42
Шапито	44
Пятая передача	45
Андрюшенька	48
Зимняя сказка	57
Кулинарная Битва.....	61
Общественная литература.....	64
Хоккей	66
ДТП	69
Непознанное. Контакт.....	70
Боец и враги	73
Чудовищная история.....	74
ПРОЗАИЧЕСКОЕ СМЕШНОЕ	77
Рассказ о том, как из искры возгорелось пламя.....	78
Курлы-курлы.....	79

Курлы-Курлы 2	84
Муза	86
Креативный Гоголь	87
В овсах	89
Подражание писателям-почвенникам	89
Новый год накануне революции	91
Псевдоисторическое вранье. набросок	91
Ленин на субботнике	93
Воспоминания современников	93
Пионер	98
Истории из цикла «Федор»	99
Картофель	101
Народная белорусская быль	101
Самый честный магазин	103
Школьная зарисовка	104
ЛЕЩА!!!	106
Зловонное, ядовитое и длинномерное	110
Лавстори	111
История одной любви	112
Кондратий	113
Неславянская внешность Львов	114
Сценка в участке	114
Кнопки	116
Лифтёрное	116
Как умирала надежда	118
Школьный хоррор	118
Бах	122
Жизнь Коротка	124
Ковалёв	125
Гроза	128
Естество	133
Пять минут Валерия	134
Последнее желание	138

Хотел бы я стать.....	142
Гробостол.....	144
КУКУШКИНЫ КУКИ.....	147
Песнь Добрых Друзей.....	148
Баснословное.....	149
Разнословное.....	155
Инструкция по проведению процесса сна.....	174
Гороскоп.....	180
Перфоратор.....	182
Книга Жалоб.....	183
Книга Жалоб 2.....	184
Марш Водолазов.....	186
Лифтерное.....	187
Лифтерное 2.....	188
Новости.....	189
Азбука.....	192
Наболело.....	199
Двери.....	203
На Хармса.....	205
Хокки.....	207
Мудрые мудрости.....	218
Чемпионат мира по альтернативным шахматам.....	224
Репортаж с места событий.....	224
Абсолютно положительный человек.....	225
Углы и округлости.....	226
Ну, посмотрите!.....	228
ПЬЕСЫ И ПРОЧАЯ ДРАМАТУРГИЯ.....	231
Красная Шапочка.....	232
Революционная пьеса.....	232
Зарисовки о Некрасове.....	233
Некрасов и “МУЖИЦКАЯ ДОЛЯ”.....	233

Некрасов и “ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ”	234
Ходоки у Ленина	235
Народный хор в кафе	238
Любовь и ненависть	241
Сантьяго	245
Смерть Моцарта	248
ФОЛЬКЛОРНОЕ	255
«Жил-бы Иван-дурак...»	256
«Жил-был мужик...»	256
«Жил-был Петров...»	256
«Алкобыль...»	257
«Жили-были сестрица Аленушка и братец Иванушка...»	259
«Житие нежити ...»	260
«Два Медведя...»	262
«Быль...»	264
«В одной старой-старой стране ...»	265
АКТРИСИНЫ ВОСПОМИНАНИЯ	269
ПРОЗА ДРУГАЯ	281
Жизнь рыб и отдельные человеки	282
Длинноположновский рассказ	292
Детский мир	296
Померанцев	299
Никому не нужные люди	314
ПОЭТИЧЕСКОЕ	317
Всё возродится	318
Хрустальные слезы	319
«Осень наступает на пятки лету...»	320
«Окна потухшие жалит холодом...»	321
«Все, что я вижу вокруг себя...»	322

«Уединяясь, выключаешь свет...»	323
Вместе	324
«За стеной...»	325
Снежно	326
«Дождь... Дождь прошел...»	328
Часы остановились	329
«У меня сорвало крышу...»	330
«Я жду звонка твоего...»	331
«Фонарный свет упал на асфальт луною...»	332
«Растрепалась судьба...»	333
«Давай заболеем вместе...»	334
Борису Борисову	335
Рано	336
Весна душит.....	337
«Я ставлю слишком много точек...»	338
«Как же нам не жить с тобою...»	339
«Ты принесла мне розу белую...»	340
«Из моря на сушу...»	341
«Забыть не получится...»	342
«Когда пусто место...»	343
Память	344
Личное.....	345
Прозаблюз для Морозова	346
Еще несколько фраз... ..	347
«Собаки, коты и кошки...»... ..	348
Весна-осень	349
«Ну как же так получилось...»	350
«Укрываясь от снега...»	351
«В больнице в палате...»	352
Серёге.....	353
ГРАФИКА	357
БИОГРАФИЯ	396

Сергей Дубов

КНИГА

Редактор А. Кайбалдиева
Художественный редактор А.Журавлева
Компьютерная верстка С.Семенов